

К 80-летию Великой Победы

ПАМЯТЬ

альманах

воспоминания • проза • поэзия

Московская организация литераторов (МОЛ)
Союза литераторов России

К 80-летию Великой Победы

ПАМЯТЬ

альманах

воспоминания • проза • поэзия

Ярославль
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1-4,1-5
П15

П15 Память. К 80-летию Великой Победы / Литературный альманах. — Ярославль : ООО «Канцлер», 2025. — 214 с.

ISBN 978-5-907966-43-7

Альманах «Память» составлен совместными усилиями авторов — членов Московской организации литераторов (МОЛ) Союза Литераторов РФ и посвящён 80-летию Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В сборник вошли очерки-воспоминания об участниках Великой Отечественной войны, эссе и рассказы на патриотическую и военную тему, стихи о Родине и её защитниках.

В качестве иллюстраций представлены фотографии из личных архивов авторов и из открытых источников.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)1-4,1-5

Авторы выражают искреннюю благодарность руководителю секции «Проза» Союза литераторов РФ А. А. Горностаевой за благотворительную поддержку издания этой книги.

ISBN 978-5-907966-43-7

© Коллектив авторов: текст, 2025

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Дорогие друзья! В преддверии юбилея Великой Победы Союз литераторов представляет новый альманах, который посвящён памяти героев-защитников Родины. В сборник вошли очерки-воспоминания об участниках Великой Отечественной войны, рассказы на патриотическую и военную тему, стихи о родной земле.

Мы благодарим авторов, предоставивших уникальные исторические материалы: дневниковые записи бойцов, фотографии военного и послевоенного времени, газетные статьи и архивные документы. Пусть память о нашем героическом прошлом сохранится на века. Никто не забыт и ничто не забыто.

Открывает альманах эссе «Лиственница как страж и свидетель», которое словно пролистывает страницы истории России: Пётр I и его сподвижники, век Екатерины Великой, русские полководцы, ордена и медали за доблесть и преданность Отчизне... Прошлое не исчезло, оно остаётся с нами, в памяти потомков.

*Руководитель секции «Проза»
Московской организации литераторов
Союза литераторов России
Анна ГОРНОСТАЕВА*

Нина ДАВЫДОВА

ЛИСТВЕННИЦА КАК СТРАЖ И СВИДЕТЕЛЬ

Из хвойных пород только лиственница сбрасывает на зиму всю свою нежную крону. Она может переносить суровые зимы, древесина плотная, твёрдая и почти не поддаётся гниению.

Из энциклопедии

Осенняя пора печальна и прекрасна своими недолгими и пронзительными днями, подсвеченными золотым и огненно-красным кипением опадающей листвы. Переход к иному, зимнему сезону невольно провоцирует философскую сосредоточенность. Как бы подведение итогов, чему способствует путешествие во времени: весной, летом и в начале осени не один раз на велосипедах или стареньком мерседесе мы объезжали окрестности Купавны. Века пролистывались так просто! Вот храм в бывшем имении графа, генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского в Троицком-Кайнарджи: каскады прудов, лиственницы, посаженные, по преданию, Екатериной Великой, старинный мавзолей, школа, современные многоквартирные дома и бензозаправка. На Троицу на ступенях храма прихожане: старики с орденами и медалями на потёртых лацканах неясной давности пиджаков, молодые фасонистые мамы в красивых платках и шарфах; особенные, отстранённые лица у молодых мужчин в камуфляже: прошли через Афган, Чечню, Осетию, Приднестровье?..

В 5–20 км от Троицкого-Кайнарджи — бывшие имения выдающихся русских полководцев. От великолепия дворцов и парков осталось только великолепие этой земли, чудом сохранились церкви. И везде — вроде похожие, но всё же

на особинку прихожане: и в Кудинове, и в Электроуглях, и в Милете, и в Саввине.

Но особенно прикипело сердце к полтевской земле. Сначала удивила церковь: из белого камня, с украшениями, полюбившимися на Руси в конце XVII – начале XVIII веков, такое сочное нарышкинское барокко! Храм Никольский, начала XVIII века, на холме.

В одну сторону за полем — лес стоит стеной; за шоссе, шёлковой, без единой ямы дорогой — старинный, сильно заросший парк; на третью сторону плавно, но неуклонно понижается земля к воде: похоже на речку с запрудами или спущенные пруды; а на четвёртую сторону — опять поля и опять лес стеной. Вокруг храма и вдоль шоссе старенькие, но ухоженные дома и современные, с новомодными окнами, из дорогих материалов — не дома, а, как привыкли их называть у нас в последнее время, коттеджи.

В XVII веке здесь была деревня Сущёво, рядом речка Татарка протекала. Известен и владелец этой земли — воевода Дмитрий Петрович Пожарский. В середине XVII века владельцем становится думный дворянин Фёдор Алексеевич Полтев. При Фёдоре Алексеевиче на каменном основании возводится деревянная Никольская церковь, а имя владельца навсегда остаётся в названии древнего места — Полтево.

В самом начале XVIII века на этой земле обосновался сподвижник Петра I адмирал Фёдор Матвеевич Апраксин. Именно при Фёдоре Матвеевиче строится не имеющий равных себе белокаменный Никольский храм. В то время церкви в Москве и Подмосковье уже несколько столетий строили или из дерева, или из кирпича, аналогов же этому белокаменному храму нет. В советские годы церковь закрыли, и гибель этого уникального памятника истории и архитектуры казалась неминуемой. Но чудо всегда рядом с нами: началась Перестройка, храм вернули верующим, и вот уже несколько лет здесь ведутся реставрационные работы, есть свой приход, возобновилось богослужение. Мы не знаем имени зодчего, возводившего Никольскую церковь, но, любуясь её пропорциями, переводя взгляд от одного яруса к другому, удивляясь лёгкости, звучности храма «иже под колоколы», мы понимаем, что имеем дело с первоклассным мастером

эпохи «нарышкинского барокко», знатоком древнерусской и западноевропейской архитектуры. После смерти графа, согласно завещанию, село Полтево продаётся, а полученные средства идут на выкуп наших пленных и в пользу неимущих. Вот так всё переплетается на нашей земле.

В жаркую погоду хочется укрыться под кронами деревьев в парке. Ну и кроны же здесь сохранились! Не могу отойти от огромной лиственницы в середине усадьбы, что-то она мне напоминает... Батюшки, да похожую я видела в Кускове, рядом с каменной оранжереей!

Сколько же лет этой, полтевской лиственнице? Может быть, её посадил Пётр I? Отчего же нет, они с Фёдором Апраксиным не последними знакомцами были. Вот ещё несколько лиственниц, но они помоложе. А какие ели, берёзы, липы, клёны! Хотя и мусор валяется под древней лиственницей, и очень запущен парк, но он не истоптан, есть тропки заповедные, с грибными запахами. А вот и подберёзовики, рыжики, маслята, а этот, гордый — неужели белый? Немного побродили — а у мужа целая корзина грибов, и ни одного червивого.

Огненные осенние клёны догорают в этой тёплой, затянувшейся осени. А рядом распростёрла свои ветви, как обереги, могучая таинственная лиственница, диковинно склонилась к клёнам своими ветвями, как знак соединения времён и судеб.

Осень 2008

МЫ ПОМНИМ И ГОРДИМСЯ

Воспоминания о наших героях

Анна ГОРНОСТАЕВА

ДОРОГАЯ РЕЛИКВИЯ

Н. М. Кошаев, 1958 г.

Мой дед Николай Михайлович Кошаев, герой Советского Союза, гвардии полковник, командир танковой бригады, герой Великой Отечественной войны, прожил непростую жизнь. Он участвовал в боях с первых часов начала войны, совершил немало подвигов, горел в танке, потерял на фронте руку, удостоился большого числа наград, среди которых есть даже американский орден «Легион Почёта». После

тяжёлого ранения в 1944 году, став инвалидом, он не смог вернуться на фронт, но продолжил военную службу в тылу: создал военную кафедру в Московском институте стали (МИСиС), долгое время возглавлял её и многое сделал для подготовки танкистов.

О Николае Михайловиче Кошаеве и танковой бригаде, которой он командовал, написаны книги, о нём писали в газетах. Его героизм и подвиги не раз воспеты современниками,

но сам он больше всего ценил заметку из газеты, которая называется «Подарок бойцу». Статью для «Литературной газеты» написал сам Кошаев к 30-летию великой Победы. Он поделился своими воспоминаниями о самом тяжёлом времени войны — периоде потерь, отступлений, трагедий. Но даже в эти мрачные

Н. М. Кошаев, 1942 г.

дни бывали светлые моменты, которые запечатлелись в памяти на всю жизнь. Николай Михайлович назвал свою статью «Дорогая реликвия», и почти весь её текст, с незначительными сокращениями, был опубликован в «Литературной газете» в юбилейный год Великой Победы. Сейчас, когда мы снова отмечаем юбилей Победы, 80 лет со дня освобождения мира от фашистских захватчиков, мне хочется привести текст статьи Н. М. Кошаева, написанной им пятьдесят лет назад.

Дорогая реликвия

Много разных событий, больших и малых, радостных и горестных, оставила в памяти Великая Отечественная

война с гитлеровскими полчищами. Но одно из них занимает в памяти особое место. ...Декабрь 1941 года. В канун предстоящего большого боя к нам, танкистам, пришли подарки из Куйбышевской области. Мне выпал жребий получить небольшую коробку, в которой были шерстяные варежки, кисет с табаком, кусочек копчёной колбасы и... конфета, привязанная ниточкой к письму. Очень кстати варежки в зимнюю стужу, дорог фронтовику и кисет с табаком, но конфета с письмом не только произвела на меня наибольшее впечатление, но и послужила причиной стихийного митинга. В письме сообщалось: «Дорогой боец! Пишет тебе воспитательница детского сада № 7 гор. Куйбышева Е. Кротова. Мы сегодня раздали детям по одной конфете. В это время

ПОДАРОК БОЙЦУ

Дорогая редакция!
Много разных событий, больших и малых, радостных и горестных, оставила в памяти Великая Отечественная война. Но одно из них занимает в моей памяти особое место.

...Декабрь 1941 года. В канун предстоящего большого боя к нам, танкистам, пришли подарки из Куйбышевской области. Мне выпал жребий получить небольшую коробку, в которой были шерстяные варежки, кисет с табаком, кусочек копченой колбасы и... конфета, привязанная ниточкой к письму.

В письме сообщалось: «Дорогой боец! Пишет тебе воспитательница детского сада № 7 гор. Куйбышева Е. С. Кротова. Мы сегодня раздали детям по одной конфете. В это время шла местная радиопередача о событиях на фронте и о ходе сбора подарков фрон-

товинам. Света Глушенкова, слушая радио, завернула свою конфету снова в обертку, подошла ко мне и сказала: «Тя Дуся, отправьте эту конфету красноармейцу на фронт, ведь им так трудно». Дорогой боец! Я выполняю просьбу своей воспитанницы. Будь здоров и невредим! Бейте фашистских гадов и помните, что о вас думают и не забывают наши дети. С приветом Е. Кротова».

Письмо короткое, но как много в нем сказано! Я носил его в кармане гимнастерки рядом с партийным билетом. В момент тяжелого ранения в грудь партбилет был перебит осколком пополам, вместе с ним пострадало и письмо. Обрывки письма, тоже обильно залитые кровью, берегу как самую дорогую реликвию военных лет.

Н. КОШАЕВ,

Герой Советского Союза

«Литературная газета» от 16 апреля 1975, №16

«Литературная газета» от 16.04.1975, №16

шла местная радиопередача о событиях на фронте и о ходе сбора подарков фронтовикам. Света Глушенкова, слушая радио, вынула изо рта конфету, завернула её снова в обёртку, подошла ко мне и сказала: “Тётя Дуся, отправьте эту конфету красноармейцу на фронт, ведь им так трудно”. Дорогой боец! Не обижайся, что эта конфета побывала во рту у Светы, я выполняю просьбу своей воспитанницы. Будь здоров и невредим! Бейте фашистских гадов и помните, что о вас думают и не забывают наши дети. С приветом Е. Кротова». Письмо короткое, но как много в нём сказано. Я носил его в кармане гимнастёрки рядом с партийным билетом. В момент тяжёлого ранения в грудь партбилет был перебит осколком пополам, вместе с ним пострадало и письмо. Мой партбилет № 1998024 с большими следами крови экспонируется в музее Революции в Москве, а обрывки письма, обильно залитые кровью, берегу как самую дорогую реликвию военных лет.

Герой Советского Союза

Н. М. Кошаев

Хочется верить, что и наши, сегодняшние дети не забудут тех, кто защитил Родину и дал им возможность родиться и вырасти без войны. Пусть память о героях хранится вечно. Пока жива память, наши деды и прадеды остаются среди нас. Пока они с нами, на земле и в сердцах будет мир.

ОРДЕН «ЛЕГИОН ПОЧЁТА»

Николай Михайлович Кошаев заслужил в боях не только отечественные награды, но и американский орден «Легион Почёта». История этого ордена заслуживает особого внимания.

В феврале-марте 1944 года проходили жестокие бои на территории Украины. Перед одним из них генерал-лейтенант

Семён Ильич Богданов, командующий танковой армией, приехал в 11-ю танковую бригаду. Приехал не один, а с американским атташе, которого прислали союзники, чтобы собрать материал о том, как воюют русские. Второй фронт ещё не был открыт, Лондон и Вашингтон заняли выжидательную позицию и наблюдали со стороны за кровопролитными сражениями на Восточном фронте, рассчитывая, что победитель скоро сам определится. Для того чтобы понять ситуацию на фронте изнутри,

и был прислан этот представитель США. Николай Михайлович сразу определил по выправке, что это не просто корреспондент, а военный. Поступил приказ: американца беречь, в бой не допускать, предоставить ему возможность наблюдать с безопасного расстояния. Из воспоминаний Н. М. Кошаева: «Перед боем Богданов сказал: “Смотри, Коля, если с американским атташе что случится — с меня голову снимут. И с тебя тоже”».

Посланника союзников посадили в один из командирских танков: по плану четыре боевых машины должны были стоять в укрытии во время боя, чтобы командир мог по рации руководить сражением. Сначала всё шло, как планировалось заранее, но потом дело приняло неожиданный оборот:

С генералом С. И. Богдановым (Н. М. Кошаев слева), 1943 г.

гитлеровцы в отчаянии рванулись напролом, потребовалось подкрепление. Кошаев мгновенно принял решение ввести в бой четыре командирских танка, американцу же приказал покинуть машину и остаться в штабном укреплении. Агташе стал настаивать: очень ему хотелось поучаствовать в настоящей танковой битве. Времени на разговоры не было, машину немедленно требовалось выводить на подмогу. И Николай Михайлович нарушил приказ Богданова: сел в танк на место наводчика, а американцу поручил подавать снаряды. Танк включился в сражение.

По словам Николая Михайловича, битва скорее напоминала мясорубку, чем танковое сражение. Обезумевшие от предчувствия конца гитлеровцы, к тому же находящиеся под действием наркотических веществ, делали отчаянные попытки прорыва, пушки палили во все стороны, немецкие солдаты бросались под гусеницы. После боя на танке, в котором

находились Кошаев и американец, насчитали 26 вмятин от снарядов, а на гусеницах было человеческое мясо.

Когда всё закончилось, атташе вылез из танка бледный, с огромными от ужаса глазами. Он был весь в копоты и едва не задохнулся от дыма, который во время битвы шёл внутрь машины, потому что в танке Т-34 не было вентиляции. Но ещё больше он пострадал от страха и нервного шока, которые испытал в настоящем бою: прежде американцы даже представить себе не могли, что такое настоящее танковое сражение.

К счастью, представитель союзников остался цел и невредим и отбыл на родину с богатым материалом, полный впечатлений. Видимо, он подробно доложил своему начальству о героизме русских солдат и офицеров, об их готовности защищать свою Родину и биться до последнего. Эти и другие факты убедительно свидетельствовали о патриотическом духе русских и о том, что Советская Армия победит в войне и без второго фронта. Далее медлить было нельзя, и союзники поспешили присоединиться к уже определившимся победителям в войне. В июне 1944 года был открыт второй фронт, США стали поддерживать союзников и вручать им награды.

22 августа 1944 г. Николая Михайловича пригласили в американское посольство. Кошаев в то время находился на лечении в московском госпитале, после того как потерял руку в одном из боёв. Несколько операций по ампутации прошли неудачно, его чудом спасли от гангрены. Восстановление шло долго и мучительно. И вот — известие о присвоении американского ордена Почётного Легиона и сама торжественная церемония вручения награды. Орден вручал посол США У. А. Гарриман. «Я удостоен высокой чести наградить вас этой медалью! — сказал посол. — Мы, люди из-за моря, разделяем чувство гордости вашего народа в отношении ваших доблестных дел. Президент Соединённых Штатов поручил

мне наградить вас этим орденом в знак признания ваших заслуг в нашем общем деле».

Орден Почётного Легиона различается по степеням и вручается за мужество и боевые заслуги как солдатам, так и офицерам, и генералам. Николай Михайлович был награждён офицерским орденом, который автоматически означал получение американского гражданства и ежемесячные выплаты от правительства США. Любопытно, что Кошаев, преданный своей Родине патриот, ни разу не воспользовался этими льготами. Имея статус гражданина США, он ни разу не был за границей и никогда не принимал выплаты от американского правительства, которые поступали вплоть до его смерти. Все деньги оставались на счету советского государства, это была принципиальная позиция Николая Михайловича.

Об истории вручения американского ордена советскому офицеру писали в прессе после войны. В 1975 году, к Николаю Михайловичу приехал корреспондент газеты. Готовя материал к 30-летию

Н.М. Кошаев. 1967 г.

Выпуск «Литературной газеты» №19 (4513), 7 мая 1975 г.

Великой Победы, он подробно расспросил Героя Советского Союза Кошаева о Корсунь-Шевченковском сражении и об участии в одном из боёв американского атташе.

После в одной из газет появилась статья с такой цитатой, якобы записанной со слов Кошаева: «Я вспоминаю, что,

НАГРАДА СОЮЗНИКОВ

Жизнь Героя Советского Союза, гвардии полковника в отставке Николая Михайловича Кошова можно поделить на две части: до войны и после. До войны он был строителем, в свободное от работы время занимался изготовлением скрипок. Война сделала его инвалидом, отняла возможность строить самому, оставила незаконченной последнюю скрипку... В мирные дни он стал педагогом — преподавателем Московского всеобучающего заочного инженерно-строительного института. О войне напоминают ему сегодня многочисленные боевые ордена и медали, Звезда Героя Советского Союза и американский офицерский орден «За заслуги» с личным посланием президента Соединенных Штатов Америки Ф. Рузвельта.

Наш корреспондент Ирина **БРАНЧИКОВА** попросила Николая Михайловича рассказать об истории этой награды.

***

Помню, было это в киевском военном госпитале — вбежала ко мне в палату раскрасневшаяся медсестра, непривычно громко хлопнув дверью. В руках она держала свежий номер «Правды».

— Николай Михайлович! Смотрите!

На первой полосе сообщалось о награждении президентом Соединенных Штатов Америки группы командиров Красной Армии. В списке награжденных была и моя фамилия. В палате собрались больные, сестры, врачи. Газету читали вслух. И подробный список награжденных, и речь народного комиссара иностранных дел СССР, и речь американского посла, которому было поручено вручить нам награды. Газету эту я сохранил и, перечитывая ее сегодня, поразила, как современно звучат там слова о сотрудничестве между американским и советским народами, об их общей ответственности за дело мира. Посол США говорил тогда:

«Я удостоен высокой чести наградить Вас этой медалью. Мы, люди из-за моря, разделяем чувство гордости Вашего народа Вашими доблестными делами. Президент Соединенных Штатов поручил мне наградить Вас этим орденом в знак признания Ваших заслуг в нашем общем деле...»

Как в далекой Америке узнали о наших боевых делах? Что я мог ответить товарищам? Рассказал только об одной памятной встрече.

В самом начале Уманьской операции к нам в бригаду прислали американского журналиста. Откровенно говоря, в тот период мы не относились серьезно к такого рода визитам. Шли ожесточенные бои. Американец пробыл с нами день. Первую половину дня отсидел в танке. Но потом надоело ему, наверное, с непривычки смотреть в узкую щель, и он выбрался из машины, взял в руки автомат и стал в один ряд с моими бойцами... Корреспондент уехал. Думаю, что ему было о чем рассказать у себя на родине.

Н. КОШАЕВ,
Герой Советского Союза

Статья о Н. М. Кошаеве в «Литературной газете» 7 мая 1975 г.

когда началась Уманская операция, к нам в бригаду прибыл американский военный корреспондент. Сначала он находился в танке, а потом ему, очевидно, надоело наблюдать происходящее через смотровую щель, на остановке он попросил автомат и с десанниками оставался на броне танка до конца дня. Очевидно, ему было что рассказать на своей родине».

Информация, к сожалению, была искажена журналистом, проявившим неуместную в данном случае фантазию. В реальности никакого автомата американцу не давали, и на броне танка он имел возможность находиться только после сражения, что, учитывая его нервный шок, вряд ли могло иметь место. Тем не менее, детали, придуманные недобросовестным корреспондентом почти пятьдесят лет назад, до сих пор можно найти на просторах интернета. Можно только сожалеть об этом, как, по словам родных, сожалел об искажении истины Николай Михайлович, когда прочитал уже опубликованную в газете статью.

Такова истинная история американского ордена и русского героя. С присущей ему сдержанностью, Николай Михайлович редко говорил об этой выдающейся награде и никогда не упоминал об американском гражданстве. Он был настоящим патриотом, советским гражданином, благородным и скромным человеком.

Татьяна ГОРОХОВА

ДЕДУШКА, КОТОРЫЙ ВОЕВАЛ

*Моя бабушка Надежда Горохова,
жена Александра Ефимовича Горохова (моего деда) со своим отцом*

Один из моих дедушек, которого я никогда не видела даже на фотографии (не было в деревни фотоателье в то время), погиб на фронте под Смоленском в местечке Духовщина. Был он сержантом, командиром отделения. Горохов Александр Ефимович, 45 лет. Деда долго не призывали из-за болезни и детей. Но потом всё-таки пришлось. Это был уже 1943 год.

Дети Александра и Надежды Гороховых: Анна, Ольга, Анатолий

Моему отцу Анатолию было 6 лет, когда дедушку сапожника забрали на фронт: взяли от семьи, в которой было пятеро. Моя бабушка Надежда была многодетной матерью, только двое детей — Сонюшка и Витюшка умерли во младенчестве от кори. И вот кормильца призвали. И бабушка осталась одна с детьми и огородом. Самая старшая, Анастасия встала рядом, другая, Ольга помогала партизанам, младшая Анна помогала матери по дому. А пятый сын Владимир был ещё грудной.

Дедушка прислал только два письма. А потом пришла похоронка. Но неизвестно было, где он похоронен. Бабушка наказала моему отцу Анатолию: «Будет время, разыщи могилу...»

Прошло 72 года... Однажды двоюродный брат сказал мне, что можно найти погибших в интернете. Есть специальный сайт. Мы посмотрели, нашли адреса и телефоны. И отец поехал туда, на Духовщину. И нашёл. И стоял на братской могиле, где был похоронен его отец. А потом, через несколько месяцев, он и сам умер.

Полковник Векшенков, который отвёз моего отца на могилу деда, дал ему документ: *«Отдел военного комиссариата Смоленской области по Духовщинскому району сообщает, что сержант Горохов Александр Ефимович захоронен в братской могиле № 2 под № 92, которая находится в деревне Береснево Духовщинского района.»*

Источники информации:

ЦАМО, Книга Памяти. Калужская область. Том 2.

<http://www.obd-memorial.ru/Memorial/Memorial.html>

Евгений ОБУХОВ

МАЛЕНЬКИЙ ПОДВИГ

Шестнадцатипалубный лайнер (такой же огромный, как вот это характеризующее его слово) пришвартовался к причалу Гдыни. По привычке матёрых круизников мы в разговорах называли эту трёхсотметровую громадину «пароходом». Пройдя на пароходе паспортный контроль, мы ступили на польскую землю и должны были проехать через знаменитый песенный Сопот к чудесному, завораживающему своей архитектурой историческому центру Гданьска. То есть, всё предвещало интересный и радостный день. Поэтому не удивительно, что мои, как я говорю, «сильно подросшие» дети поинтересовались в пути:

— А чего ты сидишь задумчивый такой?

— О вашей дедушке думаю. Он же воевал тут неподалёку, правда чуть южнее. Хотя говорил, что уже после Победы приезжал и сюда, в Гданьск: был послан командирами по каким-то делам...

Их деду и моему отцу после нескольких лет ожидания японского нападения на Дальнем Востоке пришлось оставить пограничную службу и в 1943-м встать в ряды формируемой 70-й армии, которая примерно наполовину состояла из отозванных таким же образом пограничников. Уже летом того года армия участвовала в составе Центрального фронта в боях на Курской дуге, а потом в составе 1-го Белорусского фронта освобождала территорию Белоруссии и Польши. В январе 1945 года рота, в которой служил отец, воевала на севере от Варшавы, в феврале-марте — на юге и западе от Гданьска, а в мае — неподалёку от Щецина.

Многие фильмы о той войне чаще всего демонстрируют нам её как многолетнюю череду бесконечных атак и обстрелов, нескончаемых сидений в мокрых окопах... На самом деле всем понятно, что наряду с боями выпадали недели, а то и месяцы затишья с некоторым налаженным военным бытом,

" 22 " апреля 1945 года.

Действующая А р м и я.

От Имени Президиума Верховного Совета
Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество **Н А Г Р А Ж Д А Ю:**

М е д а л ь ю " З А Б О Е В Ы Е З А С Л У Г И "

1. Красноармейца	ВЫСОТКО Валдима Михайловича	Музыканта армейского ансамбля песни и пляски.
2. Красноармейца	МЕТЛА Михаила Фелоровича	Стрелка 226 отдельной штрафной роты.
3. Ефрейтора	ОБУХОВА Алексея Александровича	Стрелка 130 отдельной роты охраны штаба Армии.
4. Красноармейца	ЛОСЦЕЛОВА Олега Сергеевича	Танцовца армейского ансамбля песни и пляски.
5. Красноармейца	ТИТЯВСКОГО Василия Герасимовича	Музыканта армейского ансамбля песни и пляски.
6. Красноармейца	ЧЕБОТАРЕВА Михаила Степановича	Цевца армейского ансамбля песни и пляски.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 70 АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
П О Ч Т О В

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА 70 АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

САВКОВ

Отп. 3 экз.

«чисткой пёрьев», как говорил папа. В такие дни и награждали перед строем части.

Конечно, нет сомнений, что уже в ходе Великой Отечественной во всех частях были герои, увенчанные орденами и многими медалями. Но всё-таки большинство солдатского и сержантского состава являлись рядовыми тружениками войны. У меня хранится фото конца весны 1945 года: там человек тридцать папиных сослуживцев, прошедших от Курска до Щецина — а медали на груди даже не у всех, тем более редко у кого две-три. Награды догонят потом. Например, на моего отца Обухова Алексея Александровича приказ о награждении медалью «За боевые заслуги» был подписан 22 апреля 1945 года.

Хотя первоначально его представляли к медали «За отвагу». Послуживший поводом к этому поступок ефрейтора Обухова назван в документах подвигом. И, честно говоря, вполне правильно! Прикиньте сами, всякий бы решился вдвоём с напарником в ночной темноте против четверых? Хоть те и были без оружия, но ведь это выяснилось потом...

Вот как излагают суть дела архивы (орфография и пунктуация по большей части сохранены), в графе «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг»:

В период нахождения в роте, с начала её организации, показал [себя], как самый лучший боец в части.

*В феврале м-це 45 г. т. Обухов и ещё один боец патрулировали по деревне Шароцк [так командир части трактовал название местечка Сероцк неподалёку от Варшавы, ныне это город — **Е.О.**], где был расположен КП Армии. Тов. Обухов, будучи старшим наряда, в тёмную ночь заметил приближающуюся группу неизвестных людей к деревне.*

Тов. Обухов быстро принял решение — задержать неизвестных и проверить. Наряд замаскировался, оружие

уже было наготове. Когда неизвестные подошли на расстояние 10–15 метров, Обухов резко крикнул — «Стой! Пропуск!». Неизвестные остановились и последовал непонятный ответ — «Свои — поляки».

Задержанные в к-ве 4 человек оказались солдатами пр-ка, переодевшимися [в] гражданскую форму, которые вышли из Торновской группировки.

За бдительное несение службы т. Обухов имеет ряд благодарностей.

Заслуживает награждения медалью «За отвагу».

Командир роты капитан Бабин (подпись)

6 апреля 1945 г.

Ну, у нас, понятное дело, часто и почти везде (если только не по благу): «проси сразу две — получишь одну». Подавали на «Отвагу», выписали «Боевые заслуги». Рассказывая о медалях, отец улыбался: а раньше весны 1945 года, мол, меня при выписке наград не оказывалось под рукой — два ранения и контузия, долгое время в госпиталях...

Но в военные дни — мало кто об этом знает — после каждого боя награждали отличившихся отпечатанными тут же в полковой или дивизионной типографии грамотами (мол, пока ещё кому-то медаль или орден подпишут). Об этом говорится в процитированном представлении: *«имеет ряд благодарностей»*. У папы сохранились не все: один наградной листок от июля 1944 года и двенадцать — с января по май 1945-го. Текст лаконичен. Вот, например, самый ранний из сохранившихся: *«Вам, участнику боёв за овладение городом БРЕСТ, приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА от 28 июля 1944 г. за отличные боевые действия объявлена БЛАГОДАРНОСТЬ»*. Подпись командира части, гербовая печать.

Звание сержант

Фамилия, имя, отчество Огуров
Алексей Александрович

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА от 29 апреля 1945 года за овладение городами и важными узлами дорог АНГЛАМ, ФРИДЛАНД, НОЙБРАНДЕНБУРГ, ЛИХЕН и вступление на территорию провинции МЕКЛЕНБУРГ — всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, за отличные боевые действия объявлена **БЛАГОДАРНОСТЬ**.

Командир части
В. Колитан (Слово вым)

Далее в папиных грамотах фигурирует река Нарев севернее Варшавы (уже после Победы вручена медаль «За освобождение Варшавы»), крепость Модлин (Новогеоргиевск), а также Торунь, Хойнице, Тухоля, Нойштеттин и Прехлау, Росток, Варнемюнде, ещё много польских и германских городов и населённых пунктов, и соединение «с союзными нам английскими войсками на линии Висмар — Виттенберге».

Что это были за бои, отец рассказывать не любил. А я по дошкольной лихости, перебирая его медали, которых к тому времени стало штук пять, всё приставал с вопросами типа: «А ты много немцев убил?» — ожидая получить ответ: «Тысячу!» или хотя бы «Сто!». Но восторженные ожидания разбивались о короткое слово: «Немного», произнесённое с некоторым надрывом... Я тогда чуть-чуть начинал понимать, что война — это не совсем «Уря-уря!» и «Вперёд-вперёд!».

После демобилизации А. А. Обухов некоторое время жил и работал в деревне в Пензенской области, а в начале пятидесятых приехал в Москву. В 1953 поженились с Екатериной Прокофьевной Савельевой, в 1954 родился я. Они сняли комнату в деревне Булатниково за 100 рублей «старыми», хотя мама моя предлагала чуть более дорогой вариант в соседнем Бирюлёво. Этот факт на многие годы стал причиной для семейных ворчаній, так как при Хрущёве Булатниково и Бирюлёво разделила кольцевая автодорога со всеми вытекающими последствиями. «Вот, — порой по поводу и без повода вскидывалась мать, — никогда меня не слушаешь! А то оказались бы в Москве, а не в области, получили московскую прописку!» Отец, как всегда, реагировал добродушно, приобнимая ворчащую супругу: «Да ладно тебе, Кать! Думаешь, кто с пропиской — живут богаче? Чего у нас нет? Питаемся хорошо. Народ же, он никогда богатству, в общем-то, не завидовал. В России главное не богатеть, а жить в достатке.

Вот разница...» Мама по-своему соглашалась: «Это да. На харчи много тратим...»

В 1953 году отец поступил работать на тогдашний гигант — завод имени Лихачёва. После семи лет в строю, когда был командиром только над пограничной служебной собакой, над малочисленным патрулём в наряде да над своей винтовкой, стал он — как часто смеялся — «цельным начальником корпуса». Да, был он на ЗИЛе дежурным слесарем-водопроводчиком целого заводского арматурного корпуса. Работал с 16:00 до 8:00 утра, а потом на другой день вновь с 16:00 до 8:00. Плюс выходные выпадали. В общем-то, удобно: только раз в день транспорт или туда, или обратно. Поэтому не уходил с завода, даже ездил туда по два часа из Дедовска.

Если всё было хорошо, то просто дежурил с товарищами, занимаясь в ночное время изготовлением всяких полезных для дома вещей: пластмассовых шкатулок, полочек, торшеров и люстр, литых фигурок и никелированных палок для штор с никелированными же бобышками на концах, а также столовых ножей с наборными ручками. Всё это мужиками полулегально выносилось через проходную и украшало квартиры. В случае же аварии или поломки наступал аврал — отец приходил утром со ссадинами на руках, с несмываемыми следами краски и масла, и на весь день заваливался отсыпаться.

Судя по всему, благодаря всем этим аспектам работа его устраивала и даже нравилась. Однажды, уже в период «реформ», он пришёл домой с улыбкой: «У нас пертурбация навалилась. Слесарей из молодёжи в корпусе поувольняли, а меня оставили!» Ему тогда было далеко за семьдесят. «Пап, а молодёжь-то — это кого?» — «Да, одному шестьдесят один, другому шестьдесят девять». В общем, ближнее начальство

ценило, и когда он уходил в 2002 году «совсем» на пенсию в возрасте 82 лет, подарило ему три гвоздики, собрало там в корпусе фуршетик. А мужики, что рядом трудились, скинулись на более мощную выпивку и на ценный подарок. Общезаводское же начальство как-то не заметило, что уходит человек, отработавший на ЗИЛе 49 лет кряду (этакий Матвей Журбин, что в романе Кочетова) — знать, реформами было занято. Умер он в 2004 году в возрасте 84 лет.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Алексея Александровича ОБУХОВА

*(20.11.1919, дер. 2-я Андреевка, Пензенской губ. –
9.06.2004, г. Дедовск, Московская обл.)*

А. А. Обухов, 1940 г.

При обработке выбранных отрывков уточнено написание некоторых слов и поставлены необходимые знаки препинания.

1930 год (10 лет) – 1933 год (13 лет)

Весна 1930 г. Образовался колхоз, до этого была у нас артель, где обрабатывали землю сообща. Сначала в колхоз вошло всё село. Весной вышла статья Сталина «Головокружение от успехов». После этой статьи многие вышли из колхоза, но впоследствии снова все записались. Сама жизнь заставила работать сообща.

Весной, кончив учёбу в школе, я работал в колхозе. Бороновали — пахали пары. Уборка сена, жнитво, молотьба, где возил копны от молотилки. Также помогал по дому: посадка, прополка и уборка картофеля на приусадебном участке. В саду сбор вишни, смородины, яблок. Осенью школа, четвёртый класс, который закончили ударно — на месяц раньше.

В лето 1930 г. много было пожаров на гумнах, где в единоличном хозяйстве молотили — у многих стояли небольшие риги или, как у нас их звали, *половушки*, сплетённые из прутьев ветлы и крытые соломой. И вот один — как после узнали, сын кулака — их поджигал и сам же прибегал звонить в колокол, оповещать о пожаре. Особенно старался поджигать, когда приезжала к нам в село кинопередвижка. В клубе собиралось много народу — начиналась паника, давка, стремились выйти, кто как сможет, лезли в окна.

В 1931 г. весной нужно было идти учиться в пятый класс в другую деревню, где была Ш.К.М. — школа колхозной молодёжи, где обучались 5–6–7 классы. Но в то время как-то не пришлось продолжать учёбу, пришлось работать в колхозе. В 1932 г. построили у нас новую школу, организовали

5-й класс, где я учился. Но опять дальше не было класса 6-го, на этом снова учёба прервалась. В 1933 г. я начал работать в с/совете сторожем — с/с был рядом с домом, где мы жили. Я и посыльным был — это кого нужно вызвать в с/с, оповестить членов с/с о заседаниях и др. дела. Ну и в зимнее время отоплял с/с, делал уборку в помещении.

[...]

1932 г. Лето этого года было неурожайное. Наступила осень голодная. В колхозе очень много пало лошадей в зиму 1932–33 гг. Весной 1933 г. как-то собралось несколько лошадей и *[ещё несколько]* привезли из района. Сев весенний провели хорошо. Но весна 1933 г. была голодная, не было хлеба, пухли от голода. У нас в эту весну болел отец тифом, лежал без сознания. Выздоровел.

Урожай в это лето был хороший, до него дожили с большими трудностями. Осенью получили хлеба по 3 кг на трудодень. Все ожили. Излишки, у кого были, продавали в хлебозакуп через сельпо, за что покупали промтовары, в которых в то время также сильно нуждались.

Не было в достатке ни обуви, ни одежды. И вот я, как написал выше, в этот год начал работать в с/совете по осень 1935 г.

В 1935 г. у нас открыли Н.С.Ш. *[начальную семилетнюю школу]* или семилетку. Куда я и пошёл учиться.

[...]

1939 год (19 лет)

Осенью в октябре 1939 г. был призван в армию на Дальний Восток. До Владивостока ехали 22 суток. Сначала призывали в р-н *[райцентр — Ред.]*, который находился от нашего села в 20 км (с. Свищёвка). Оттуда попали на межрайонный пункт призывников в Каменку. Из Каменки поездом до Пензы.

Из Пензы в Сызрань, где сформировался эшелон до места назначения Владивосток.

[...]

Ехать по Сибири и Дальнему Востоку интересно. Во Владивосток прибыли перед Октябрьскими праздниками. Нас повели в баню и одели в армейскую форму. После праздника на ст. Седанке под Владивостоком прошли учебный *[очевидно, учебный сбор? — Ред.]*, приняли присягу и разъехались по заставам на Седанке.

Присягу принимали в выходной (воскресенье) в конце ноября 1939 г. повзводно. Один читал, за ним все повторяли.

1940 год (20 лет)

В 1940 г. я был зачислен на курсы служебного собаководства, по окончании был направлен в Совгавань *[г. Советская Гавань — Ред.]* 1130 км от Владивостока по Татарскому проливу на север. Где уже чувствуется Север.

Мы погрузились на пароход «Совет» во Владивостоке с собаками. 6 собак и нас 3 человека. На весь путь нам дали для собак мясо — 3 туши баранины, 3 мешка хлеба, и для себя пайки. Пароход «Совет» был грузопассажирский, курсировал до Камчатки.

4 ноября 1940 г. вечером погрузились, утром 5 он отошёл от Владивостока, дошёл до Бухты Тетюссё *[возможно: Тетюхе — Ред.]*, встал на рейд, и его команда на лодке ушла на берег праздновать Октябрьскую, где и пробыли двое суток, чем задержался наш рейс. С нами погрузились моряки-новобранцы, очень много, 400–500 ч. Вот они у нас растащили весь собачий запас хлеба... Попали в этот рейс мы в шторм в бортовую качку. Кто не выносил, в том числе и я, крепко укачало. И морячков-новобранцев — они кричали

многие: «помогите, спасите, мама», а старые служаки ходили, над ними подсмеивались.

В Совгавань прибыли к вечеру. Пока разгрузились, уже ночь, мороз, а нас никто не встречал с нашей заставы, поскольку он [*пароход*] опоздал по вышеизложенным причинам. Они и не знали, когда будет. Нам с собаками пришлось искать пристанище. Городская комендатура определила нас в столовую, где накормили нас и собак, и сообщили на заставу утром.

За нами на катере прибыл старшина. Прибыли на заставу и пошла будничная жизнь. В то время связь с Совгаванью была только в навигацию, которая открывалась в конце мая и кончалась в ноябре. Поэтому письма зимой не доходили. Связь с родными держали телеграммами. Кино привозили нам моряки, которые были недалеко от нас.

1940–1941 годы (21 год)

Служба шла своими свойствами, в основном хорошо. Занятия с собаками. Я был младший инструктор собаководства. Уходили с ними в тайгу, где проводили тренировки, ходили в наряд, в дозоры, секреты. На нашем участке нарушений границы не было, она проходила по берегу Татарского пролива напротив Сахалина, которого в то время половина принадлежала Японии. Зимы были холодные, ветреные, да и лето не жаркое. Купаться было холодно.

В апреле 1941 г. поехали на лодке ловить рыбу сетями. К вечеру было, пока растягивали сеть. А льдина, на которой мы стояли, незаметно отошла от берега на несколько метров, прыгать в воду, притом в это время, опасно: глубина и в одежде... Но, к нашему счастью, лодка оказалась с нами. А нас было 3 чел. Если бы не лодка, могло бы унести с льдиной в пролив, т.к. мы находились в бухте.

Тайга там была [*частично*] сожжена в 1922 г. японцами. Ходили в тайгу в увольнение за кедровыми орехами, брусникой — вместо городского отпуска, поскольку рядом не было города, до Совгавани было далеко.

Зимой 41 г. загорелось овощехранилище, которое было недалеко от нас, принадлежало оно военно-морским частям. Было очень морозно и ветер. Всё сгорело.

Навигация начинается там в конце мая. В мае 41 г. с первым парохомом приехал к нам политрук из полка, привезли газет всех названий за всю зиму и письма из дому. Он нам сказал, что «отсюда вас демобилизуют в первую очередь, так как условия службы в данной местности суровые». Нас кормили по северному пайку.

Это было в конце мая – начале июня 1941 г. Он уехал во Владивосток, где стоял наш штаб полка. Мы ждали своего часа демобилизации домой. Но дожждаться его нам не пришлось. Грянула Война 22 июня 1941 г.

Эту тяжёлую весть нам сообщили во второй половине дня, так как время там вперёд на 7 часов. Мы в это воскресенье в это время находились на прогулке с собаками в тайге недалеко от заставы. И вот прибегает за нами наш второй вожатый собак, который отдыхал после наряда, и говорит: «Срочно в ленинскую комнату, где будет важное сообщение!» Мы ждали всего, но только не войны. Надеялись на договор с Германией, но они его вероломно нарушили и напали на нас.

Нас сразу же подняли по тревоге и вывели на такое место в тайге неподалёку от заставы, где начали копать окопы для себя. А там грунт очень тяжёлый, т. е. сплошной камень мелкий как гравий, его копать трудно. Через какое-то время мы врылись в землю и стали ожидать нападения японцев. Это продолжалось полтора месяца. Жили в окопах, ходили в наряд

оттуда. Потом опять вошли в казарму, но служба и жизнь пошла ещё суровее, северный паёк с нас сняли.

1942–1943 годы (22–23 года)

Весной 1942 г. нас из Совгавани вывезли во Владивосток, где продолжали службу до осени 1942 г.

В конце 1942 г. [в] декабре нас отправили в Хабаровск на формирование, где собрали большинство кадровиков со всего округа — пограничников и внутренних войск, и повезли на запад на фронт.

В январе 1943 г. выехали из Хабаровска, ехали по направлению Сталинграда, но дорога наша длилась 52 суток, за это время там бои закончились, армия Паулюса взята в плен. Нас направили на Курскую дугу. В марте 1943 г. мы приехали в Елец, где попали под бомбёжку. В связи с чем наш эшелон немного потрепали. Но в Ельце не стали высаживать из вагонов, отвели на другую станцию, где ночью вышли мы, оставшиеся, из вагонов и стали следовать до передовой.

Во время пути от Хабаровска до Ельца было много разных эпизодов, как добывали топливо на станциях. Ведь зима, да сибирская. И променяли самое хорошее обмундирование на продукты. Кормили в дороге неважно, пришлось идти и на это.

Ещё к нашему составу были прицеплены два вагона с з/к — освобождены досрочно с отправкой на фронт. Вот они дорогой нам дали хлопот! Как только поезд остановится на какой станции, к нему жители приходят кто с чем. И вот эти бывшие з/к выбегают из вагонов, окружают этих продавцов-жителей, всё дочиста у них отнимают и уходят в вагоны.

И на больших станциях наш состав оцепляли, не выпускающая из вагонов до выяснения — так как сообщали на пре-

дыдущие станции [*очевидно: с предыдущих станций — Ред.*], что такой-то состав в дороге производит произвол. Но потом от нас их взяли.

Перевалили за Урал в Свердловске. В Казани из газет узнали, что в Сталинграде бои закончились. Это в конце февраля 1943 г. И вот нам дали маршрут на Курск.

По прибытии в Елец нас там хотели выгрузить из вагонов, но в это время попали под бомбёжку, как я писал выше. Наш состав тоже попал, были раненые. Из Ельца нас вывели на другую близстоящую станцию, где ночью вышли мы из вагонов и до передовой пошли пешком. Шли больше двух недель. Назначали, где собираться за получением продуктов, состоящих из каких-либо концентратов в виде горохового пюре или стакана пшена. А где это варить? Вот и шли отдельными группами. Питались в деревнях, где располагались на ночлег, картошкой без соли, хлеба и жиров — что было у них.

Пришли на место назначения: село Курбакино, откуда до передовой оставалось 1½ км. Здесь нас наши сопровождающие офицеры с Дальнего Востока сдали «покупателям». С нами распрощались — рады и довольны, что их не оставили с нами в этой мясорубке, уехали для прохождения службы на Дальний Восток.

Нас расформировали кого куда. Я попал в стрелковую дивизию, «прибывшую из-под Сталинграда» [*здесь кавычками автор, видимо, подчёркивает, что о той дивизии говорили все: ну как же, ведь из-под Сталинграда прибыла, не откуда-то ещё! — Ред.*], занимавшую оборону недалеко от деревни Лубно Михайловского р-на Курской области.

Пришли на место, где пролегалась оборона. Вырыли в снегу окопы, натаскали соломы, которая была недалеко. Снег был мокрый — был уже март, начал днём таять, ночью

примораживаться. За оружием — так как у нас, прибывших с востока, не было, и здесь в дивизии для пополнения не было — пришлось ползать в нейтральную зону, где лежали убитые солдаты, чем мы и воспользовались в ночное время. И пошла жизнь. Сначала в снегу, потом снег растаял. Врылись в землю, где простояли до 5 июля 1943 г. В мае нас обмундировали.

Пятого июля 1943 г. немцы пошли в наступление против наших позиций. Сначала нас с наших позиций оттеснили [на] 5 км, но 12 июля мы пошли в наступление против них. В это время я был легко ранен, попал в госпиталь — полевой. По излечении — на пересыльный пункт под Курском, где заболел ревматизмом, что приобрёл при переходе от Ельца до передовой во время распутицы весны, и окопы помогли: самая сырость, грязь весны. В госпитале пролежал до октября 1943 г., в октябре мы стояли в Курске на формировке до февраля 1944 г.

1944–1945 годы (24–25 лет)

В начале марта 1944 г. нас погрузили в вагоны и отправили на фронт в Пинские болоты [*так в оригинале — Ред.*], где мы были в обороне под Брестом. Впереди немцы, с тыла донимали своими налётами Бульбовцы-Бандеровцы, что тоже приносило большие неприятности.

Форсировали Буг, правда, не очень широкое место было, где мы переходили. И шли до Варшавы. Под Варшавой заняли оборону в местечке «Прага», как называли поляки пригород Варшавы. По этому местечку, пока мы стояли, ежедневно в одно время шёл обстрел со стороны немцев. [Многие] были убиты и ранены, пока стояли там.

17 января 1944 г. пошли на Варшаву, освободили Варшаву и вдоль Вислы пошли до Кинесберга [*Кёнигсберг —*

Ред.], где были сильные бои в черте города. Пришлось выбивать из каждого дома, подвала.

Прошли по Померании до Одера. При форсировании Одера на нашем участке сильных боёв не было. При взятии Штетина на Одере никакого сопротивления не было. Жители города вышли с белыми флагами во главе «ксёндзов»-попов [*очевидно, «во главе с ксёндзами...» — Ред.*], чтобы не разрушали их город. Из Штетина пошли в направлении Берлина, но нам не пришлось брать Берлин. Дошли до города Постровы, где и закончили войну.

При окончании войны большое ликование — с победой, все были радостны до слёз, бросались в объятия друг друга. Пальба в воздух...

Закончились торжества в честь победы, начались будни кропотливой военной учёбы до августа. В августе нас погрузили в вагоны, повезли в Союз с целью направления на Дальний Восток, на японца. Мне пришлось в это время сопровождать машину генерала с барахлом для него в Москву. Когда это выполнили, из Москвы я попал домой. После всего пережитого кошмара войны даже и не мечтал, что увижу родных и родные места. Где после всего этого всё изменилось как в людях — сколько не вернулось к своим близким[!] Пробыв дома до конца августа, прибыл в Чкалов, где должен встретиться со своей частью и направиться на Дальний Восток. Приехал в Чкалов-Оренбург, но наша часть туда не прибыла, находилась в пути. И в это время окончилась война с Японией, которая капитулировала, и нам не пришлось быть там.

Поскольку части не было, я опять уехал на родину, где пробыл месяц и снова вернулся в Чкалов, где и продолжал службу до демобилизации до июня 1946 г.

От редактора. Заметки А. А. Обухова содержат некоторые подробности его детства и юности, но по большей части написаны достаточно схематично. Но и при таком стиле изложения можно отметить важные моменты.

Например, в колхоз не загоняли силой: «вошло всё село», потом многие вышли, «но впоследствии снова все записались». Также о голоде 1932–33 гг.: ныне на этой теме существует много политических спекуляций (советская власть, де, организовала Голодомор на Украине). Как видим из первоисточника, голодали везде, не только на Украине. И голод никто не «организовывал». А. А. Обухов пишет: «Лето этого года было неурожайное. Наступила осень голодная». Если бы было иначе, то в 1990-е гг., когда он писал эти заметки и когда уже «можно было всё», непременно бы отметил, что было по-другому...

А. А. Обухов, как и большинство фронтовиков, не любил и не умел рассказывать о войне. В этих заметках о ней написано коротко и очень уж просто, легко: «шли до Варшавы»... «прошли по Померании до Одера»... «пошли в направлении Берлина»... «дошли до города Постровы»... Написав о своём одном ранении, он не упоминает о другом под Кёнигсбергом и о двух контузиях.

На самом деле о напряжённости тех дней красноармейцы рассказывают благодарственные листки. Их сохранилось в семье четырнадцать, хотя первоначально было несколько десятков. В них — подробности, начиная с лета 1944 г. «Вам, участнику боёв за овладение городом БРЕСТ, приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА от 28 июля 1944 г. за отличные боевые действия объявлена БЛАГОДАРНОСТЬ» и заканчивая победными днями: «Приказом Верховного

Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА от 3 мая 1945 года за овладение городами БАРТ, БАД ДОБЕРАН, НОЙБУКОВ, ВАРИГ, ВИТТЕНБЕРГЕ и соединение с союзными нам английскими войсками на линии ВИСМАР-ВИТТЕНБЕРГЕ — всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, за отличные боевые действия объявлена БЛАГОДАРНОСТЬ». Вот что стоит за скупыми «пошли», «прошли» и «дошли» — «бои за овладение».

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЦЕСЕЛЬЧУК

Ю. Н. Цесельчук с женой и сыном

Мой отец, родившийся в мае 1921 года, начало войны встретил на Дальнем Востоке. Всё, что он сам об этом написал сразу после моего рождения, оказывается, хранилось в его фронтовом планшете вместе с треугольничками пожелтевшей переписки с мамой, Кирой Сергеевной Цесельчук.

9 октября 1940 г. я был призван на действительную службу в Красную Армию. Из Москвы попал на Дальний Восток в город Ворошилов-Уссурийский. Службу начал в 408 отдельном автобатальоне армейского подчинения (25 Армия Дальневосточного фронта), в учебной роте. В канун Великой Отечественной войны я и мои сотоварищи по учебной роте автобата были уже аттестованы военными водителями, подготовленными к работе практически на всех выпускаемых советскими заводами грузовых автомобилях.

22 июня 1941 года, в воскресенье, как обычно, в 6:00 утра (по местному времени), был подъём, затем утренний туалет, завтрак, во время которого до 7:00 мы слушали передачу последних новостей из Москвы за субботу, 21 июня. Затем я отправился в увольнение в город. Побывал на квартире директора железнодорожной школы №1 Елагина. Он мне сообщил, что получил от моей мамы — тоже директора одной из московских железнодорожных школ — письмо, в котором она писала, что собирается в начале июля приехать в Ворошилов навестить сына.

Из увольнения в распоряжение части я возвратился где-то без 20–30 минут в 13 часов. Меня поразила какая-то необычайная тишина и молчание на территории военного городка. До обеда оставалось 10–15 минут. Я присел на одну из скамеек пустынного летнего театра. Вдруг как-то страшно захрипела «тарелка» репродуктора радиоточки; послышалось бульканье наливаемой в стакан воды; затем глухой мужской голос заговорил: «Граждане и гражданки Советского Союза, несколько минут назад от меня ушёл посол Германии Шуленбург. Он приходил сообщить, что Германия объявляет нам войну. Но уже в 4 часа без всякого объявления войны, внезапно и вероломно немецкие войска атаковали наши вооружённые силы на всём протяжении Советско-Германской границы;

фашистские самолёты бомбили Киев, Минск, Ригу и другие советские города...». Это выступал нарком иностранных дел В. М. Молотов. Его заявление началось по нашему местному времени в 13 часов 10–15 минут, по московскому — в 6 часов 10–15 минут.

После обеда, через 3–4 часа наш 408 оаб был поднят по тревоге и направлен к советско-маньчжурской границе в район п. Гродсково.

Проходили день за днём. Японцы не нападали. А на западе бушевала война. Немецко-фашистские войска продолжали быстро продвигаться вглубь нашей страны; Красная Армия с тяжёлыми боями отступала. В начале июля в наш автобат прибыли представители бронетанковых и механизированных войск 25 Армии с предложением поступить на армейские курсы младших лейтенантов и воентехников. Я подал заявление о зачислении и стал курсантом этих курсов. Занимались по 14–15 часов в день; попутно помогали убирать картошку в Приморье. В конце декабря состоялся выпуск. Мне было присвоено звание младшего техника-лейтенанта, и я был направлен в 72 танковую бригаду, дислоцирующуюся в п. Раздольное. На вооружении у нас были танки Т-26 и БТ-7, потом прислали одну «тридцатьчетвёрку» и один КВ. Я работал на разных технических должностях: в последнее время, до конца 1943 г., уже в переименованной из 72-й в 259-ю танковой бригаде — был командиром эвакуационно-тракторного взвода танкового полка.

За это время на фронтах Великой Отечественной войны произошло много событий. В декабре 1941 г. нашей Красной Армии в битве за Москву удалось остановить натиск немецко-фашистских войск, перейти в контрнаступление и нанести немцам первое крупное поражение. В кровопролитных боях в Подмоскovie отличилась прибывшая с Дальнего

Востока из нашей 25 Армии 32 дивизия им. Серго Орджоникидзе и 40-я сд. Наша победа в Московской битве вселила в нас уверенность в наступлении коренного перелома в ходе войны, веру в наши дальнейшие боевые успехи.

Однако летом 1942 года началось новое масштабное наступление немцев на юге страны, на Воронежском, Сталинградском и Северо-Кавказском направлениях. Естественным был патриотический порыв нас, молодых командиров-дальневосточников. Многие не раз подавали рапорта с просьбой направить на фронт. Писали на имя командующего 25 Армии и Верховного главнокомандующего. Однако нас, дальневосточников, не отпускали, а особо ретивых даже наказывали: 10 суток домашнего ареста с вычетом из зарплаты (за обращение не по команде).

И вдруг в мае 1943 г. мы услышали по радио обращение председателя Совета польских патриотов в СССР, известной писательницы Ванды Василевской к находящимся на территории СССР гражданам польского происхождения с призывом вступать в формируемое народное войско польское — в пехотную дивизию им. Тадеуша Костюшко, которая незамедлительно отправится на фронт и будет плечом к плечу совместно с Красной Армией сражаться с немецко-фашистскими захватчиками. До этого нам было известно, что сформированная на территории СССР по договорённости с Польским эмиграционным правительством в Англии 100-тысячная польская армия ген. Андерса летом 1942 года отказалась исполнить просьбу Советского правительства выступить на подмогу Красной Армии под Сталинградом и была выдворена из СССР в Иран, в зону английских оккупационных войск.

«А у меня мать полька», — сказал мой товарищ Пётр Шабалин. «А у меня, — сказал я, — мать отца тоже полька.

Давай напишем Ванде Василевской, попросим её ходатайствовать перед командованием Красной Армии о командировании нас в формируемую польскими коммунистами братскую нам народную польскую армию!» Такое письмо мы написали. А в сентябре 1943 г. нам пришёл вызов в Москву, в главное управление кадров РККА. В октябре мы приехали в Москву и получили из Наркомата обороны СССР направление в штаб формируемого уже 1-го Польского корпуса, находящегося в с. Сельцы Рязанской области (до этого была уже сформирована дивизия им. Тадеуша Костюшко). Так я оказался в 1-й польской танковой бригаде им. Героев Вестерплатте, с которой прошёл её фронтовой путь от Монастырщины до Гданьска. В ночь с 30 на 31 декабря 1943 г. мы погрузились в эшелон и через сутки выгрузились под Смоленском, а оттуда своим ходом на Западный фронт...

В июне 1946 г. отец по фронтовой контузии был уволен в запас уже из рядов Советской Армии. Став инвалидом I группы ВОВ, отец в одну из поездок по социалистической Польше постоял на том самом месте, где стояло немецкое орудие, обстрелявшее его танк, на броне которого он и его солдаты ехали в конфедератках. Снаряд попал в брусчатку, а один из камней — в голову отца...

Во фронтовом планиете я нашёл ещё и Выписку из аттестационного приказа № 1060 Главного Командования Войска Польского от 31 октября 1945 г.: о присвоении Цесельчуку Юрию Николаевичу звания «Капитан технической службы».

Ирина ЧЕЧУЛИНА-СОБЕЩАНСКАЯ

СКОЛЬКО МОЖНО ПРОДЕРЖАТЬСЯ НА ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ОГНЯ?

*Посвящается бойцам пехотной роты,
навшим в бою летом 1941 года*

Станковые пулемётчики

В празднование годовщин Победы нашего народа в Великой Отечественной войне каждый вспоминает своих близких, живших в то время. Бывает, в памяти всплывают такие детали, которые раньше казались малозначительными. Например, что станковый пулемёт — его называли «Максим» — весил в полном боевом снаряжении почти 100 килограммов. Во время войны в походах пулемёт несли в разобранном виде три-четыре пехотинца, которых называли «станковые пулемётчики». Моему отцу Николаю, его брату-близнецу Антону, их другу Борису родом из Харькова и другим рядовым взвода — на каждого приходилось более 20 кг веса разобранного пулемёта. И это помимо обычного походного снаряжения: личного оружия, вещевого мешка и плащ-палатки. Чтобы подготовиться к бою после очередного походного марш-броска, станковый пулемёт необходимо было заново собирать — и только тогда уважаемый «Максим» превращался в надёжное и грозное оружие.

Солдаты 417-го стрелкового полка, дислоцированного в Крыму, будущие воины-победители фашистской Германии, с конца июня 1941 года прошли пешком в полном боевом снаряжении, вместе со станковым пулемётом за плечами, более тысячи километров по дорогам войны.

Из воспоминаний тех, кто принял на себя первый удар, кто испытал горечь поражения, плена, оккупации, кому пришлось

пережить внезапную смерть друзей и близких, тяжесть ранений в условиях боевых действий, кто вспоминал потом всю жизнь солдат той роты, «которая вся осталась лежать в земле», сложился этот рассказ.

Служба в армии

Мой отец Николай Александрович Собещанский (1919–1991) был призван в армию в феврале 1940 года. Срочную службу он проходил в пехотных войсках, дислоцированных на восточном побережье Крыма. Здесь, на юго-востоке Тавриды со времён, восходящих к Византии и к ранним истокам цивилизации греческих городов-полисов, располагались древние города Феодосия (Кафа) и Сурож (Судак). Как новобранец Николай Собещанский прошёл обучение по специальности «станковый пулемётчик». Южное побережье Крыма, где он служил, было одновременно и границей на-

шей страны на суше. Солдатам 417-го пехотного полка приходилось регулярно служить в дозоре — охранять черноморскую границу.

Отец вспоминал, что «страшно вато» было порой молодому солдату стоять в ночном дозоре одному, пусть даже с винтовкой, на вершине скали-

стой горы в районе Судака. Приходилось прислушиваться к каждому шороху. Обманчивое затишье окружающего пространства нарушалось шумом морского прибоя. Когда на море был шторм и шёл дождь, волны бились о скалы, а тучи закрывали всё небо, тогда не было света от луны и звёзд, и в полной, абсолютной ночной темноте в тревожном ритме ударов разволновавшейся стихии раздавался грохот воды, разбивающейся где-то у подножия горного хребта.

В тихие ясные ночи Чёрное море едва слышно плескалось внизу у скал, прямо над головой сияли яркие звёзды, вокруг разливался лунный свет, смутно освещая таинственно блестящую каменную гладь окрестных горных вершин. На фоне звёздного небосвода нередко мелькали загадочные силуэты многочисленных стай летучих мышей из окрестных пещер, чем-то напоминая общими очертаниями дневной полёт стремительных ласточек. Иногда с громким криком и шумом пролетали крупные ночные совы, охотившиеся на мышей. Нередко из чёрной мглы были видны светящиеся глаза горных ночных хищников, выходящих под покровом темноты на поиски добычи.

В процессе учебной подготовки солдаты срочной службы регулярно совершали длительные марш-броски в полной военной экипировке по степному Крыму. Тот, кто хотя бы однажды видел эти края, хорошо представляет ровную пустынную поверхность земли, где постоянно гуляют ветры, где нет ни деревьев, ни воды. Чтобы приготовить самую простую еду в суровых походных условиях и хоть немного согреться с наступлением темноты, приходилось всем взводом дружно собирать сухую полевую траву в качестве топлива для костра и обогрева в холодные крымские ночи — она была в достатке осенью и зимой на Крымском полуострове. Нередко встречались в степи особо ароматные растения: лекарственный

шалфей и душистая лаванда. Тепла они давали мало, воду в котелке для чая иногда едва удавалось согреть, но особый терпкий запах дыма от такого целебного костра, в тёплых воздушных волнах которого хотел согреться каждый, запомнился на всю жизнь.

Питались во время походов сухим пайком, состоящим из прессованной в кубики гречневой, перловой или гороховой каши с тушёной. Часто после изнурительных тренировок не оставалось физических сил, чтобы собрать сухой травы для костра, разогреть воду, сварить кашу в котелке. Овладевало нестерпимое желание поскорее уснуть, хотя бы немного отдохнуть до рассвета, до походного сигнала трубы — утренней зори. В такие вечера солдаты съедали кубики сухпайка даже сухими.

Днём на степных просторах полуострова нередко можно было найти заросли дикого шиповника с подвяленными витаминными плодами. Они обычно держатся на кусте, не опадая в условиях мягкой крымской зимы, с осени до апреля месяца и сохраняют приятный кисловатый вкус и яркую окраску. Их просто жевали, как-то утоляя голод.

Отец вспоминал, что совсем не просто было носить подолгу за плечами внушительного веса фрагменты станкового пулемёта, к тому же имеющие острые углы. Ремни, которые удерживали пулемёт на спине, при быстрой ходьбе могли стереть кожу почти до кости. Требовалась особая сноровка при транспортировке «Максима» на себе, выработанная привычка обращаться со станковым пулемётом в многодневных пеших походах.

Первейшей задачей для воинов было постоянно следить за боевой готовностью станкового пулемёта. Перед стрельбой его необходимо было быстро, безупречно точно собрать, и только тогда «Максим» становился настоящим

оружием «с высокими тактико-техническими характеристиками».

Обувью во время тренировочных марш-бросков служили традиционные солдатские сапоги с мягкими хлопчатобумажными портянками. Это была вполне удобная обувь из натуральных материалов. Но горе было тому, кто не смог постичь искусство обматывать портянки вокруг ног! Тогда длительная ходьба превращалась в пытку и могла закончиться серьёзным повреждением стоп. В стрелковой части отца служило несколько ребят из республик Средней Азии. Для народов, обитающих в зоне пустынь, перемещение на верблюдах, мулах или лошадях предпочтительнее, чем ходьба пешком по горячим зыбучим пескам. Этим солдатам особенно трудно было совершать марш-броски. Приобрести навык правильно обувать сапоги с портянками им помогали все товарищи по службе.

22 июня 1941 года, с началом Великой Отечественной войны, мирный этап боевой подготовки на южном берегу Крыма для молодых пулемётчиков закончился.

Дорога на фронт. Переброска войск из Крыма летом 1941 г.

В начале июля 1941 года командование в Москве понимало, что нужно пополнять поредевшие войска на западных границах страны. Началась переброска армейских подразделений из Крыма, Средней Азии, с Дальнего Востока и из других регионов, чтобы хоть как-то сдерживать продвижения вглубь страны наступающей немецкой армады, долго готовившейся к этому броску.

Вскоре после начала войны был получен приказ: пехотной части 417-го стрелкового полка, расположенной в районе Судака, построиться в полном снаряжении

и походным маршем выдвигаться к линии фронта у западных границ. К тому времени мой отец, молодой солдат неполных 22 лет, уже прошёл начальное обучение военному делу. С разобранными на части станковыми пулемётами за плечами станковых артиллеристов их подразделение пешим строем двинулось от восточного побережья Южного Крыма в сторону запада.

Они шли почти не останавливаясь. Сначала по горам, затем по степям, по территории Николаевской, Херсонской областей. Наконец вступили в Одесскую область. В небе всё чаще и чаще стали появляться немецкие самолёты. Вражеские лётчики хорошо видели с воздуха воинские части. Каждый день они стали прилетать и обстреливать движущихся к линии фронта солдат.

В этих причерноморских краях нет лесов, мало даже небольших посадок деревьев. Всюду расстилается степь, и негде спрятаться от летящих сверху снарядов. Но и под градом бомб войны должны были неукоснительно продолжать движение в заданном направлении. Иногда после такого воздушного налёта в строю оставалась лишь небольшая часть солдат. Чудом можно считать то, что ни моего отца, ни его брата-близнеца Антона, всегда идущего рядом, ни их друга Бориса не коснулся летящий с неба смертоносный огонь. Но их ждало впереди ещё множество других испытаний...

Первая встреча с немецкими танками

К огневым рубежам фронта войсковая часть отца подошла в разгар лета. Линия боевых действий проходила к тому времени где-то по Житомирской области. Уставшие, запыхлённые и голодные после очередного длительного этапа пути, они пришли на окраину большого села с крытыми

соломой белыми хатками, мечтая хоть немного отдохнуть и испить воды.

Навстречу им выехали немецкие танки и сразу начали стрелять. Завязался бой. Знакомый отцу майор, один из командиров их воинской части, с пистолетом в руке бегал между рядами бойцов и призывал их не сдаваться. Но бронированные машины двигались прямо на них, сминая своими гусеницами живых людей. Упал замертво и майор, окутанный дымом от горящего немецкого танка, который ему всё-таки удалось подбить перед смертью.

Был тяжело ранен осколком в живот друг моего отца Борис. Он был родом из Харькова и служил с отцом в Крыму с первых дней призыва в армию. Все внутренности юноши вывалились из живота наружу. Тогда мой отец с братом запихали эти внутренности ему обратно в живот, схватили Бориса под руки и, оттащив в ближний сарай, положили его на солому. В селе появилось множество немцев на мотоциклах, мимо шли колонны танков, перемещались основные силы немецкой армии. Братья решили переждать в этом сарае до ночи, когда пройдут войска и стемнеет, и тогда будет возможность как-то двигаться обратно к своим, на восток.

Постепенно они начинали понимать, что их пешая колонна, боевые товарищи, с которыми они больше года разделяли все тяготы солдатской жизни, похода из Крыма на линию фронта под авианалётами, с которыми они только что шли рядом, плечом к плечу, — почти все они погибли сегодня в бою, что и Борис, их друг, тоже лежит и умирает, и повсюду полно немцев, которые только и мечтают, чтобы и их, оставшихся ещё в живых, также убить. Большое живописное село в Житомирской области за несколько часов превратилось в поле смерти.

Военнопленные. Последний бой командующего Юго-Западным фронтом

Раненый Борис попросил: «Пить! Дайте, братцы, пить, хоть капельку воды!» Отец дал ему отпить несколько глотков воды из солдатской фляги, и Борис от нестерпимой боли начал сильно кричать. Отец потом всю жизнь вспоминал и каялся, что по своему незнанию дал раненному в живот выпить воды. При таких ранениях действительно мучает жажда, но можно только смачивать водой губы. Если вода попадёт внутрь — это приводит к летальному исходу в страшных мучениях. Откуда им было знать это простое правило! От невыносимой боли Борис кричал так громко, что у их сарая тут же появилась группа немцев с автоматами наперевес и служебными собаками-овчарками. Послышались отрывистые, в приказном тоне, фразы на немецком языке, перемежаемые хриплым собачьим лаем.

Увидев страшное ранение Бориса, немцы сразу расстреляли его автоматной очередью. У Николая и Антона отобрали оружие и сняли ремни. Так братья стали военнопленными.

Спустя три десятилетия профессионалами военного дела на основании оперативных донесений, поступивших в Генеральный штаб из действующей армии, была дана стратегическая оценка ситуации, сложившейся на этом участке боевых действий:

Обстановка на Юго-Западном фронте к концу июля 1941 года осложнилась вследствие того, что немецкое командование, решило перенаправить 2-ю танковую группу и 2-ю армию на юг. Во всей полосе Юго-Западного и Южного фронтов шли ожесточённые оборонительные бои.

Главнокомандующий Юго-Западного направления генерал-полковник М. П. Кирпонос¹ дал задание оказать помощь окружённым войскам 6-й и 12-й армии, уточнив, не возражает ли против этого Ставка Верховного Главнокомандующего. Сталин заметил, что считает директиву главкома Юго-Западного направления дельной, однако... на войне «надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое и даже на худшее», поэтому просил их рассчитывать в этом вопросе больше на себя².

Так погибали последние силы нескольких армий, дольше всех продержавшиеся кадры Юго-Западного фронта, когда главная ударная мощь — в основном пехотные подразделения — исчерпала все свои возможные резервы.

---

¹ *Кирпонос Михаил Петрович* (1892–1941) — советский военачальник, генерал-полковник (22.02.1941), Герой Советского Союза (1940). участник Первой мировой войны. В 1918 году организовал повстанческий отряд в Черниговской губернии, сражавшийся с немецкими и австрийскими войсками, оккупировавшими территорию его родины по итогам Брест-Литовского перемирия, заключённого В. И. Лениным с Германией. Вступил в Красную Армию в августе 1918 г., командовал ротой, батальоном. В 1927 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1928 г. назначен на должность начальника учебной части Военной школы червонных старшин в Харькове. С 1934 г. — начальник Казанского пехотного училища. В советско-финской войне с декабря 1939 г. — командир 7-й армии, которая в марте 1940 г. за 6 дней совершила обход Выборгского укрепленного района по льду Финского залива и выбила финнов из укреплений на северном берегу, перерезав дорогу Выборг – Хельсинки. С июня 1940 г. — командующий войсками Ленинградского военного округа. С января 1941 г. — командующий Киевским Особым военным округом, который с начала войны был преобразован в Юго-Западный фронт.

² Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 135–138.

За колючей проволокой возле Белой Церкви

Военнопленных братьев Николая и Антона направили рыть окопы возле города Белая Церковь. Немцы готовились захватить Киев и строили на подступах к Днепру оборонительные сооружения. Им требовалась рабочая сила в виде молодых, здоровых пленных солдат, поэтому они не спешили их убивать. Более того, их даже кормили горячим супом, чтобы они не потеряли физических сил и энергично трудились на земляных работах. Немец-конвоир, большой любитель игры на губной гармошке, относился к военнопленным по-своему дружелюбно и раздавал дополнительные порции супа всем желающим.

Сегодня, в XXI веке, мы привыкли рассуждать о войне, исходя из её итогов, зная последовательность событий, поражений и побед. Трудно даже представить, какое могло быть видение происходящих событий у 20-летних пленных солдат. Они не знали, где проходит линия фронта, где искать своих, куда идти.

Братья Николай и Антон решили всё же уйти от немцев, несмотря на то что их там так хорошо кормили. В своих самых потаённых мечтах им очень хотелось попасть домой, к маме, в село Марьинка возле Донецка. Там, в домашней обстановке и тишине, можно было бы наконец разобраться в происходившем кругом безумии! После того как они прошли пешком, в полном боевом снаряжении, от Судака до Житомира, расстояние от Белой Церкви до Донецка налегке казалось вполне преодолимым. Антон первым вслух заговорил о победе: «Нужно поскорее уходить от немцев, пока ещё есть силы. А если нас, что очень вероятно, вскоре направят по разным лагерям для военнопленных, что тогда будем делать, когда каждый останется в одиночку?»

Николай молча соглашался... Братья были близнецами, причём настолько похожими друг на друга, что зачастую их могли перепутать, встретив поодиночке на улице. И только близкие родственники легко различали близнецов. Антон родился всего на 20 минут раньше Николая, но был настоящим лидером, главным в принятии решений. И характер у Антона был смелый, решительный, волевой. А Николай, как правило, с ним во всём соглашался и поддерживал во всех его инициативах. Поэтому братья с детства жили на редкость дружно и никогда не ссорились.

Пленных землекопов почти не охраняли, и ночью нетрудно было убежать. Основные силы завоевателей продвинулись далеко на восток, и тыловые немцы не могли предположить, что кто-то из пленных решится покинуть казармы и сытую жизнь.

Как-то раз, задолго до рассвета, братья Антон с Николаем решились бежать. Но не прошло и пары дней, как их поймали и вернули обратно рыть окопы. Теперь положение их резко изменилось: немец-конвоир перестал улыбаться этим неблагодарным русским и давать добавку супа. Ночью в бараке охранник каждому надевал на ногу специальную деревянную колодку, которая затрудняла движение: ногу в колодке приходилось волочить за собой.

Через две недели братья снова решились на побег. Не помешали и деревянные колодки. Только отойдя на приличное расстояние от немцев, перейдя через какой-то ручей, чтобы сбить со следа возможную погоню и немецких овчарок, им с трудом удалось сбить колодки с ног. Ориентируясь по солнцу и звёздам, они постепенно продвигались на юго-восток. Шли ночами, днём спали в стогах сена в полях, чтобы никто не заметил их и не донёс немцам. Поначалу

питались небольшим запасом заготовленных сухарей, а в полях осенью всегда можно найти пшеничные колоски.

Шёл ноябрь месяц, начались осенние ночные заморозки. Как вспоминали, осень 1941 года выдалась необычайно холодной. Вскоре наступили сильные морозы. Скучное питание и постоянное пребывание на холоде подрывало силы молодых солдат. Приходилось идти окольными путями, по полям и лесам, а по грунтовым просторным дорогам беглые военнопленные уже не смели ходить в своей оккупированной стране.

Ослабевшие от голода и постоянного пребывания на холоде, в какой-то момент они осознали, что наступающую холодную ночь в степи могут и не пережить. Понимая, что единственный шанс восстановить силы, чтобы продолжить путь, — это согреться у домашнего очага, братья решили рискнуть и попроситься на ночлег к кому-нибудь в дом. На закате солнца они подошли к большому, когда-то богатому селу в Днепропетровской области. Озябшие и голодные, в подозрительной одежде беглых военнопленных, они шли вдоль улицы и просились на ночлег в каждый дом, но везде им отказывали, и никто не впустил.

Отчаявшись, теряя последние силы, они стали уходить из этого села, освещённого фиолетово-малиновыми лучами заходящего солнца. Такого цвета закат предвещал сильный ночной мороз. На самой окраине села они заметили маленькую, немного покосившуюся белую хатку. Решив, что там уже никто не живёт, а ночевать внутри всегда теплее, чем в открытом поле, они подошли к двери и толкнули её. Дверь легко распахнулась. Слабый свет керосиновой лампы осветил сидящего за столом седого старичка. Перед ним на деревянной доске лежала краюха хлеба и большая очищенная луковица. Ласково взглянув на них и ни о чём не спросив,

он произнёс на малороссийском наречии: «Заходьте, хлопці, сідайте вечерять» («Заходите, ребята, садитесь ужинать»). Разломил хлеб на три равные части и так же разрезал на три части луковицу.

Они вместе поели. Старик принёс воды, затопил печь. Братья согрелись, помылись, выпались в тёплой хатке. На рассвете дед проводил окрепших хлопцев и рассказал, как кратчайшим путём идти на юго-восток, в направлении Донецка.

Менее трёх ночных переходов — и они увидели свой родной дом в селе Марьинка. Здесь их встретили отец, мать и три сестры. Наступал 1942 год. Прошло почти полгода войны.

Сколько можно продержаться на передовой линии огня?

Отец никогда не смотрел фильмов о войне. Особенно его возмущал жанр кинокомедии применительно к событиям войны. Во время празднования юбилейных дат, связанных с Великой Отечественной войной, отец всегда горько плакал, вспоминая своих боевых товарищей, и с грустью говорил, глядя на выступающих с трибуны ветеранов: «А наша рота вся в земле лежит...»

Несколько лет после войны отец безуспешно пытался разыскать Валентину, жену своего боевого друга Бориса. Перед смертью товарища он обещал ему найти Валентину и рассказать ей о том, как погиб её муж летом 1941 года.

В средней школе в качестве домашнего задания на летние каникулы учительница русского языка и литературы Нина Васильевна Анিকেева поручила нам, школьникам 9-го класса, прочесть повесть-трилогию писателя-фронтовика

Николай Собещанский, боец горноспасательного отряда. 1946 г.

Константина Симонова³ «Солдатами не рождаются». В те годы к празднованию 25-летия Великой Победы на экраны страны вышло много фильмов о войне. Обычно о героях этих кинолент говорилось: «Всю войну он прошёл с боями от Москвы до Берлина».

---

³ *Константин Михайлович Симонов* (1915-1979) — русский прозаик, поэт, общественный деятель и публицист, писал сценарии для кинофильмов. Участвовал в боях на Халхин-Голе, получил звание полковника в Великую Отечественную войну. Победу встретил в Берлине.

Дядя Антон перед началом службы в армии, 1940 г.

*Руководящие работники села Марьинка Мариупольского района.
Крайний слева в белой гимнастёрке Аким Маркович Дьяченко,
муж тётки Анели*

Неожиданно для себя я прочла у Константина Симонова, что каждый из бойцов, будь то офицер или рядовой, не мог продержаться на передовой линии огня больше 9–11 дней и был либо убит, либо ранен. Я подошла к отцу расспросить — может быть, это какая-то опечатка в книге? Один из рассказов ветерана передан в этом повествовании.

Мать Антона и Николая Ядвига Антоновна и три сестры: Анеля, Роза и Аллочка. Июнь 1941 г.

Фото сделано для отправки сыновьям в армию

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА

ФУНДАМЕНТ НАШИХ ПОБЕД

Великая Отечественная война — особый период в истории развития народного образования в нашей стране, требующий самого пристального внимания. В годы смертельной опасности, когда встал вопрос о выживании нашего государства, на пике наивысшего напряжения сил советского народа была выработана уникальная система просвещения, вобравшая в себя как лучшие традиции русской дореволюционной школы, так и новые советские достижения. Так что неслучайно американский адмирал Риквер, возглавлявший в 1960 г. комиссию по изучению советского образования, заявил: «Серьёзность вызова, брошенного нам Советским Союзом, состоит не в том, что он сильнее нас в военном отношении, а в том, что он угрожает нам системой образования».

Надо начать с того, что в 1920-е годы Россия пережила период радикального разрушения культуры и образования. Уже в 1918 г. Госкомиссия по просвещению, возглавляемая А. В. Луначарским и П. Н. Лепешинским, разработала документ о принципах построения новой школы, подписанный Я. М. Свердловым. В качестве главных принципов выдвигались следующие.

Во-первых, создание «трудовой школы», под видом которого скрывалось широкомасштабное экспериментаторство, имевшее разрушительные последствия. Оправдывалось это методической установкой министерства, которая утверждала, что «общеобразовательная работа заключается не в обучении, а в решении проблем, выдвигаемых жизнью». Отметим, что — один к одному — теми же установками руководствуются и современные «инноваторы».

Во-вторых, борьба с «авторитарной» педагогикой: утверждалось, что «учиться надо свободно, без давления». В соответствии с этим запрещалось наказание нарушителей дисциплины, не допускались задания и уроки на дом, были отменены оценки и экзамены (включая вступительные), диктанты (как принудиловка), в результате чего в течение короткого времени страна перестала быть грамотной.

В качестве ведущей идейной основы экспериментаторства выступала *педология* — течение в психологии и педагогике, возникшее на рубеже XIX–XX вв. в рамках экспериментальной психологии и обусловленное распространением эволюционных идей, разработкой прикладных отраслей психологии и экспериментальной педагогики. Выступая в качестве самостоятельной науки, педология в действительности представляла собой одну из разновидностей психоанализа З. Фрейда. В распространении его в Советской России активную роль играл Л. Троцкий, считавший, что совмещение революционных подходов К. Маркса и З. Фрейда к человеку и обществу способно породить по-настоящему нового человека и новое общество. Речь шла о тотальной переделке личности и формировании «сверхчеловека».

Действительно, в стране была создана целая сеть психоаналитических учреждений и институтов, занятых разработкой педологии. О том, как понимали тогдашние лидеры её значение, говорят их речи на первом Педологическом съезде 1928 г. Так, Луначарский заявил: «Педология, изучив, что такое ребёнок, по каким законам он развивается, тем самым осветит перед нами самый важный процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идёт по хозяйственной линии». Ему вторил Н. Бухарин: «Нам сейчас свои силы нужно устремлять... на то, чтобы в кратчайший срок произвести определённое

количество *живых рабочих, квалифицированных, специально вышколенных машин*, которые можно было бы сейчас завести и пустить в общий оборот». И опять-таки, как это созвучно современной установке на формирование людей «одной кнопки».

Несмотря на активность педологов, их идеология и применяемая ими школьная система оказались настолько чужды ценностям нашего народа, что они не смогли закрепиться на российской почве. Партийное руководство выявило в итоге крайне опасный характер их деятельности, которая была охарактеризована как издевательская и вредная, основанная на поиске негативных фактов и применении «инквизиторских методов». В конце 1920-х годов руководство страны осознало, что дела в образовании зашли в тупик, и всё руководство Наркомпроса во главе с А. В. Луначарским было смещено, а численность его аппарата была сокращена с 8500 до 355 человек.

Началась *реставрация* русской школы, которая осуществлялась решительно и быстро. Надо отметить, что на возврате школы к дореволюционной гимназии настоял лично И. В. Сталин, взявший на себя руководство этим процессом и возглавивший Отдел школ ЦК ВКП(б). С 1930 по 1936 гг. был принят целый ряд постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в силу которых стало возможно восстановление традиционного образования. Как пишет наш исследователь И. П. Костенко: «...новшество было одно — идеологизация гуманитарного образования, но она не коснулась естественнонаучного, которое вернулось к дореволюционным формам, программам, учебникам и методике». Что касается педологии, то этому масштабному эксперименту конец был положен Постановлением ЦК ВКПб «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» от 4 июля 1936 г. Педология была

ликвидирована и на уровне теории, и на уровне практики, а все педологические учреждения и факультеты были закрыты, как и сама специальность.

В результате принятых мер было введено всеобщее обязательное начальное обучение, стали переходить ко всеобщему обязательному обучению в объёме школы-семилетки в промышленных городах, была развёрнута сеть пединститутов и педтехникумов, были установлены пять степеней оценки успеваемости, и началась разработка обязательных для всех школ норм оценки.

Благодаря сочетанию социальных достижений с традициями русской гимназии советская школа, как пишет наш исследователь С. Кара-Мурза, «воспитала уверенных в себе, духовно свободных людей с широким кругозором и внутренним достоинством. В боевой обстановке выявилась суть единой общеобразовательной школы, не делящей людей на массу и элиту». Именно на этой основе в годы Великой Отечественной войны были сформированы все лучшие черты, отличавшие в последующем советское образование.

Как это произошло? Первые два года войны оказались для системы образования, как и для других сфер жизни, самыми тяжёлыми. На фронт был мобилизован руководящий состав органов просвещения, директора школ, часть учителей, большинство выпускников. В силу этого к руководству пришло много новых, случайных людей, а часть работников оказались в растерянности и проявляли пассивность. В силу этого в ряде районов началась самоликвидация учреждений Наркомпроса не только в прифронтной полосе, но и в глубоком тылу. В феврале 1942 г. правительство мобилизовало в промышленность и строительство 3 млн гражданского населения РСФСР, в том числе 1,8 млн подростков. В итоге в 1941–1942 гг. 25% учеников не посещали занятия. Резкое уменьшение числа учащихся

старших классов влекло за собой угрозу общего недостатка рабочих кадров со средним образованием.

В этой экстремальной ситуации в середине 1942 г. были приняты два правительственных постановления, содержащих новую концепцию работы системы народного образования страны, приспособленной к военным условиям. Речь шла о вовлечении в школы всех детей школьного возраста, при этом школьные курсы стали тесно связаны с военной жизнью, а содержанию образования был придан более практический характер. Временный план на 1942/43 учебный год обеспечивал углублённую подготовку учащихся к обороне страны. Был введён предмет «Военное дело», программа которого включала строевую, лыжную, огневую и противохимическую подготовку, изучение стрелкового оружия, технику рукопашного боя, военно-санитарное дело. Создавались учебно-производственные мастерские для практической деятельности.

В связи с этим встал вопрос и о возвращении отдельного обучения и воспитания мальчиков и девочек, ликвидированного в 1918 г. Впервые об этом заговорили ещё до войны, в 1941 г., но к осуществлению перешли после разгрома немецких войск под Москвой, когда была устранена нависшая над страной угроза катастрофы. Вводили отдельное обучение постепенно и поэтапно. В октябре 1942 г. в соответствии с постановлением Совнаркома СССР оно было введено в начальной школе и на занятиях по допризывной военной подготовке, на которых эта дисциплина изучалась по различным программам для мальчиков и девочек начиная с пятого класса. А в мае 1943 г. обучение стало отдельным в средних школах.

Согласно инструкции Наркомпроса РСФСР, каждая мужская или женская школа была обязана иметь отдельное

учебное здание — как дореволюционная классическая гимназия, считавшаяся элитным средним общеобразовательным учебным заведением. Советские школы также стремились сделать в некотором смысле элитными, образцовыми по сравнению с бывшими совместными. Они должны были иметь всё необходимое военно-учебное, спортивное и лабораторное оборудование. При этом в мужских учебных заведениях, учитывая специфику профессиональной ориентации юношей того времени, предполагалось значительно увеличить лабораторные и практические работы по физике, химии, биологии. Показательно, что мероприятия по переводу мальчиков и девочек в разные школы курировал лично председатель Совнаркома РСФСР А. Н. Косыгин.

Последующие события стали ещё более значимыми. Летом 1943 г. нужды детей и подростков были приравнены к нуждам фронта, что стало серьёзным шагом для дальнейшего преобразования учреждений народного образования. В этом году принимается ряд важных решений, определивших работу народного образования страны на многие годы вперёд. Речь идёт о введении обязательного семилетнего обучения (детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет) и обучения подростков, работающих на предприятиях, через организацию вечерних школ рабочей молодёжи; о введении раздельного обучения в 82 городах СССР; об определении главных обязанностей детей в учении и поведении (как часть борьбы с безнадзорностью и беспризорностью). Позже вводится обучение детей с 7 лет и пятибалльная система оценивания.

Особое внимание было уделено военному обучению мальчиков. 21 августа 1943 г., в соответствии с постановлением Совнаркома «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации», были созданы Суворовские училища, названные так

по инициативе И. В. Сталина. К 1944 г. существовало уже 17 заведений, и в том же году были основаны два Нахимовских военно-морских училища (в Ленинграде и Риге), в которых стали воспитывать и обучать сыновей воинов ВМФ, Красной Армии и партизан Великой Отечественной войны.

Вместе с тем, поскольку многие учителя ушли на фронт, остро встал вопрос о подготовке новых педагогических кадров и повышении квалификации учительского состава. Этого невозможно было сделать без развития педагогической науки, и в 1943 г. была основана Академия педагогических наук РСФСР во главе с народным комиссаром просвещения РСФСР академиком В. П. Потёмкиным. В задачи академии входило изучение теоретических вопросов и проблем педагогики и повышение качества педагогического образования.

В августе 1943 г. был принят закон о повышении заработной платы учителям, в результате чего за год фонд заработной платы в ассигнованиях на школу вырос почти в два раза. В школу была возвращена часть учителей, работавших не по специальности, стала развиваться система заочного педагогического образования, открывались институты усовершенствования учителей, организовывалась помощь лучших учителей молодым педагогам. Проводились областные, краевые, городские и районные совещания по народному образованию в целях правильной организации учебно-воспитательной работы. Для всех учителей начальных классов были организованы инструктивно-методические совещания по вопросам повышения качества знаний учащихся по русскому языку, арифметике, преподавания истории и географии. Для начинающих учителей проводились краткосрочные курсы по русскому языку и арифметике. Активно развивалась методическая работа в школах, а также в районных и городских педагогических кабинетах.

В 1944 г. принимаются меры, направленные на дальнейшее повышение образовательного уровня молодёжи и заключавшиеся в восстановлении традиций русской школы. Вводятся обязательные экзамены за начальную и семилетнюю школу, а также экзамены на аттестат зрелости по всем предметам, как это было в дореволюционных гимназиях. При этом билеты на экзаменах охватывали материал, пройденный за предыдущие годы, начиная с пятого класса. Учреждаются золотые и серебряные медали для лучших выпускников школ. Вводятся также «переводные» экзамены во всех классах, начиная с четвёртого.

Главной государственной задачей, которую В. П. Потёмкин ставил перед учителями и управленцами всех уровней, было *повышение качества* преподавания и воспитания. Об этом говорилось на всероссийских совещания по народному образованию в 1944 и 1945 гг., на которых коренным недостатком в знаниях учащихся был назван *формализм*. Кроме этого «основными недостатками знаний были их поверхностность, неполнота, отрывочность и непрочность». Для решения этих проблем В. П. Потёмкин предложил следующую методологию решения: раскрытие понятия формализма, указание порождающих его причин и определение средств его преодоления.

Формализм был определён как «механическое усвоение учебного материала, содержание которого не раскрыто и не продумано; заучивание школьниками словесных формул, лишённых для них конкретного смысла; отсутствие связи между приобретаемыми знаниями и жизнью практической». В качестве причин, порождающих формализм, были названы слабая теоретическая, практическая и общекультурная подготовка части учителей; недостаточная методическая помощь им со стороны органов образования; скудность литературы,

которой пользуются учителя; слабая работа учителей над самообразованием; забвение ими основного дидактического правила, требующего конкретного обучения и связи знаний с практической жизнью; не изжитая погоня за формально высокими показателями успеваемости; непривычка многих учащихся к самостоятельному труду и не устранённое несовершенство программ и учебников.

Соответственно, были предложены и средства преодоления формализма. Они заключались, во-первых, в укреплении знаний путём *систематического повторения и регулярной проверки*, причём проверка касалась пройденного материала как за курс данного года обучения, так и за предшествующие классы; во-вторых, в улучшении контроля за работой школ и учителей и в постановке учёта знаний учащихся, но контроль должен быть не надзирающим, а помогающим. Инспектор должен был быть инструктором и учителем учителей, направляющим их на методически верный путь, выработанный вековым развитием отечественной педагогики и методики.

Крайне важно, что особое внимание уделялось системе составления, улучшения и отбора учебников, при которой был нейтрализован монополизм отдельных авторских коллективов. Учебники отбирались путём проведения их через специальные жюри. В результате такой работы формализм во многом был преодолён. Способствовали его устранению и отмена соцсоревнования — как среди учащихся, так и среди учителей, а также осуждение процентомании.

Всё это показывает, насколько глубоко советское руководство осознавало ключевое значение качественного образования для жизни народа, выживания страны и достижения победы в тяжелейшей войне. На то, что образование занимало приоритетное место в государственной политике, указывает

и тот факт, что в 1945 г. ассигнования на народное просвещение только по системе народного комиссариата достигли 9 млрд 281 млн руб., в то время как в 1941 г. они составляли 5 млрд 961 млн руб. Одновременно с этим сильно изменилось и отношение к науке, проявившееся не только в резком возрастании оплаты учёных, но и в повышении престижа и авторитета научного сообщества.

Та огромная работа, которая была проведена в годы Великой Отечественной войны в деле просвещения, сыграла определяющую роль в формировании фундаментального качественного образования послевоенных лет, обеспечившего мощный скачок в развитии советской науки в 1950-е годы и лидирующие позиции СССР в ключевых сферах технического прогресса.

ВИХРИ ЯРОСТНЫХ АТАК

Рассказы

Владимир ГОРОДЗЕЙСКИЙ

МОЙ ДЕНЬ

Во дворе нас с братом и сестрой звали «дети учителей». Коротко и ясно. А что же, если вокруг жили одни металлурги. Но интонация, с которой это произносилось, была... не то чтобы унижающей... но сразу становилось понятно: не наши. Помните у Мамина-Сибиряка Серую шейку на птичьем дворе? Вот-вот! Я это чувствовал и заводился. Всегда приходилось доказывать: что ты дерёшься не хуже, что не испугаешься в снег с пожарной лестницы сигануть и через речку Смолянку на лыжах с трамплина прыгнуть. Да, не было у меня самоката, потому что подшипников, которые исполь-

зовали вместо колёс, учителям взять было негде. Зато была настольная игра «Футбол», которую я давал поиграть по очереди всем, кроме противной Людки.

День Победы в Советском Союзе отпраздновали в 1946-м и в 47-м, а потом вроде как и забыли. Вспомнили в 1965-м и даже медаль выпустили «20 лет Победы». А до этого боевые

Д. Г. Городзейский, зима 1944–1945 гг.

награды фронтовикам и надеть-то некуда было, а в нашем дворе — и некому: почти все металлурги имели бронь и во время войны сталь варили, а уж как она была нужна для Победы — и говорить нечего. Страна не слишком щедро награждала тех, кто работал в тылу: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» порой была единственной наградой у рядового металлурга. Впрочем, своей профессией они гордились и, надо сказать, по полному праву.

День металлурга, учреждённый в 1957 году, отмечался у нас во дворе с размахом! Накрывались столы, за которыми в обычные дни мужики стучали в домино, металлурги надевали свои медали за доблестный труд, ходили гоголем и выпивали без границ, а все остальные просто отдыхали, а уж учителя — тем более. И так мне обидно было за своего отца! А за себя так ещё больше! Ну конечно, отцы Сашки, Кольки и даже противной Людки сейчас ходят по двору со своими медалями, а мой дома сидит.

И я пошёл ва-банк! Начистив боевые награды отца зубным порошком (бабушка подсказала), я прицепил их, как смог, на отцовский пиджак. Оставалось самое сложное: уговорить его выйти со мной во двор. С помощью всех домашних и заведомо невыполнимых обещаний относительно своего поведения я вывел отца во двор. Да-да! Не он меня,

В Отечественной войне тов.ГОРОДЗЕЙСКИЙ принимает непосредственное участие с февраля 1942 г. Проходил службу в стрелковых частях и участвовал в боях на Волховском фронте при прорыве блокады Ленинграда и в районе Синявино был ранен. После излечения работал в тыловых частях.

С апреля 1944 года тов.ГОРОДЗЕЙСКИЙ работает в Отделе Вещевого Снабжения. Порученную работу выполняет добросовестно, аккуратно и в срок.

Примерный, дисциплинированный и инициативный работник. Своей хорошей работой тов.ГОРОДЗЕЙСКИЙ Способствовал хорошему и своевременному обеспечению войск вещевым имуществом.

Достоин награждения правительственной наградой медалью "ЗА О Т В А Г У".

а я его. Стеснялся он страшно. Бабки на скамейках застыли, открыв рты, а я, довольный как слон, протащил отца прямо перед ними. Он поздоровался, и они наперебой стали поздравлять его с праздником. Потом от стола, где уже всюю шли возлияния, отделились два мужика и пригласили отца за стол. Отказаться было невозможно. А за нами уже шла целая ватага моих дворовых друзей. И это был МОЙ день!

А награды отца с остатками зубного порошка между букровок «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кёнигсберга» и др. — сейчас у меня.

УМРЁМ ЗА ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО

На сайте газеты *Times* в архивах есть отсканированная страница из номера за 1904 год, в котором опубликована заметка корреспондента, пишущего из Порт-Артура.

Перевод фрагмента заметки:

С яростными криками ‘youb tvoou mat’ русские солдаты перешли в контратаку и отбили очередной приступ японцев к горе Высокой. После атаки ваш покорный слуга [корреспондент] спросил русского офицера, что означают слова ‘youb tvoou mat’, на что тот ответил: «Умрём за Царя и Отечество».

Заметка эта отправила меня в лейтенантскую юность, когда я однажды, будучи свободным от полётов (а служил я тогда на транспортниках Ан-12), слетал на выброску десанта в кабине стрелка. Просто так, с разрешения командира высадил прапорщика-стрелка, а тому это и в радость. Но прежде чем улечься на диванчик в кабине сопровождения, стрелок с напускной важностью проинструктировал меня, что на посадке надо доложить командиру по СПУ: мол, закрылки вышли. Невелика работа. Для незнающих: кабина стрелка находится в корме самолёта. Сидит стрелок за своими пушками один-одинёшенек, и делать ему абсолютно нечего. Скука неимоверная! Плюс ещё и сидит задом наперёд. Про него, кстати, и песенка есть:

*Будешь ты стрелком-радистом,
А в душе пилот.
Будешь ты летать со свистом
Задом наперёд.*

Взлетаем. Непривычно. Вот походите спиной вперёд — поймёте. А вот и десантирование. Высыпаются ребята из-под тебя, как горох, и колбасит их в потоке, несмотря на стабилизирующий парашют, со страшной силой. Мне с Ан-12 прыгать не приходилось, но знающие люди

говорят, что, если с Ан-2 или вертолѐта — это как с телеги, то с Ан-12 — как с поезда под откос. Почувствуйте разницу. Я, правда, и с «телеги» не особо любил.

А потом ещё разок слетал в грузовой кабине — хотелось понаблюдать за тем, как десантники покидают самолѐт. Между тем уже стемнело, за бортом тьма кромешная. Солдатики сидят спиной к бортам, а по центру установлены ещё два ряда кресел. Прыгать будут в два потока. Карабины стабилизирующих парашютов — на тросах. В кабине полумрак. Сидят тихо, почти никто не разговаривает. Кто-то вроде бы дремлет, но вижу, веки подрагивают — волнение. В отсеке вспыхивает жѐлтым светом фара и коротко вопит сирена. Это значит «приготовиться». Ребята встают, проверяют друг на друге, что и как. Штурман открывает грузолуки, а там сплошная чернота — «Квадрат» Малевича в оригинале. И в эту бездну придѣтся сейчас бросить своё брненное и, надо заметить, единственное тело. Ужас да и только!

Мы над площадкой десантирования. Загорается зелёная фара, и уже непрерывно и противно воеет сирена! Вау-вау-вау!!! И настолько этот вой отвратителен, что мне самому, хотя я без парашюта, захотелось нырнуть в этот чёрный квадрат — только бы не слышать! С криками, точь-в-точь как у русских солдат, оборонявших Порт-Артур, десантура выбрасывается из самолѐта. Через несколько секунд самолѐт был пуст! Сирена смолкла и, несмотря на работу двигателей, мне показалось, что настала какая-то просто пронзительная тишина.

P.S.

Перевод того, что кричит русский солдат в критической ситуации, в разное время может, конечно, отличаться. Однако по смыслу это всё одно и то же, и никакого отношения к царям, генсекам и президентам не имеет.

Мне кажется, что именно эти слова кричали красноармейцы, отбивая атаки немцев под Сталинградом, Москвой и Ржевом, идя на приступ Кёнигсберга или Берлина. Мой отец — фронтовик, познавший горечь отступления, переживший страшную мясорубку Синявинских высот, участвовавший в прорыве блокады Ленинграда, в штурме Кёнигсберга, — о войне не вспоминал и рассказывал что-то, только если я его спрашивал. А спрашивал я, к сожалению, мало. Но хорошо помню его ответ на мой вопрос о наступлении, об атаке: *«Язык войны, и особенно атаки, был матерным! Ведь это как добавка к ста граммам перед боем. Матерным криком прогоняли страх, заставляли себя встать и бежать, хотя так хотелось лечь и зарыться в землю. Но никогда за все четыре года войны я не слышал в атаке криков «За Сталина!». Никогда».*

07.09.2020

Елена ЕВСТИГНЕЕВА

ВОЕННЫЙ ПОДВИГ

*Моим родителям, прошедшим
Великую Отечественную войну, посвящается.*

*Лев Николаевич Толстых.
Дошёл до Берлина, имел одно
ранение, награждён медалями
«За освобождение Варшавы»,
«За взятие Берлина», «За победу
над Германией в Великой Отече-
ственной войне», Орденом Оче-
ственной войны I и II степени.*

*Екатерина Андреевна Лячкова.
В составе Третьего Белорусского
фронта дошла до Кёнигсберга,
имеет медали «За боевые заслу-
ги», «За взятие Кёнигсберга».*

Наконец настали минуты тишины и покоя, когда молодые сотрудники с чувством исполненного долга покинули стены редакции, отсалютовав приходу вечерней зари многократным хлопаньем массивных дверей, а закатное солнце

в последний раз лукаво блеснуло мандариновой спинкой, прежде чем закатиться за соседнюю пятиэтажку. Уставший за долгий суетный день Юрий Аркадьевич наконец устроился в своём любимом кресле поудобнее и взял в руки стакан с горячим чаем. Толстое стекло уютно позвякивало в металлическом кружеве подстаканника и честно согревало натруженные за день пальцы. Больше всего на свете не хотелось ему сейчас брать в руки листы, которые ярко белели на тёмном фоне его рабочего стола. Это был рассказ очередного вундеркинда, набранный мелким, убористым шрифтом, дочитывать который у Юрия Аркадьевича не было никакого желания, а не дочитать не позволяла профессиональная этика. Так и лежал на столе опус юного дарования, пафосно озаглавленный «Военный подвиг».

Юрий Аркадьевич уже дочитал до строчек «...И вот, когда уже казалось, что битва будет проиграна, бесстрашный майор Скворцов поднялся во весь свой немалый рост и с криком “Смерть, моджахедам! Русские не сдаются!” побегал к “зелёнке”, где засели ненавистные враги. Он верил, он знал, что за ним сейчас поднимется вся его боевая рота и, дружно сомкнув ряды, пойдёт крушить...», но прервал чтение сего шедевра, малодушно позволив себе отложить это малоинтересное занятие ради стакана горячего чая. Редактор небольшими аккуратными глоточками прихлёбывал душистый напиток, блуждая взглядом по скучному кабинету и недовольно морщась, словно от зубной боли, каждый раз, когда на глаза попадались листы с недочитанным рассказом.

В памяти всплыл образ отца, ушедшего добровольцем на фронт в далёком сорок первом. Он прошёл всю войну и в составе Третьего Белорусского фронта встретил известие о долгожданной Победе тёплой майской ночью на территории освобождённого Кёнигсберга.

Тогда Юрий Аркадьевич ещё не был редактором популярного молодёжного журнала, а был совсем маленьким пацаном и часто приставал к отцу с расспросами о войне. Ему очень хотелось услышать рассказ о каком-нибудь героическом подвиге своего папки — о таком подвиге, который решил исход важнейшей битвы, а ещё лучше не битвы даже, а вообще всей войны. Недаром же у отца было столько медалей и даже один орден в виде пятиконечной звезды, залитой кроваво-багровой блестящей эмалью! Но по непонятной для Юрки причине отец всегда лишь отшучивался, уходя от подобных расспросов, и даже на майские праздники никогда не надевал заслуженных наград.

Только однажды, когда пятилетний Юрка свалился с жесточайшей ангиной, несколько суток не выпускавшей его из своих сорокаградусных объятий, только тогда, обессиленному, но уже выкарабкавшемуся из болезни сыну, он рассказал одну, совсем не героическую историю. Отец непривычно долго гладил спутанные болезнью светлые волосы сына и говорил так тихо, словно не разговаривал с Юркой, а просто включил на громкость кнопку, отвечающую за внутренние монологи, рождавшиеся в его рано поседевшей голове.

— Вот ты сейчас стяхнул с себя и раздавил эту гадину, свою ангину, ты сумел победить её смертельные атаки, сынок. А много ли было в твоей борьбе прекрасного и героического? Вот и во время войны так. Помню, окопались мы возле одной высотки, напротив фрицы залегли в такой же позиции, и между нами — несколько сотен метров ничейной земли. Ни нам, ни им приказа наступать не дают, так и лежим третьи сутки подряд. А мороз, между прочим, не шуточный — декабрь месяц. На шинели час полежишь, а потом её от земли не отдерёшь, примерзает. Пока насту-

пали, хоть верные сто грамм выручали, а как залегли — так всё, жди следующего приказа.

Был у меня тогда товарищ один Серёга Мостовой, тоже москвич, с Малой Бронной — ну прямо как в песне сейчас поют. Сели мы тогда с ним, спинами друг в дружку упёрлись, любимых, семьи наши вспоминаем: я о тебе мечтаю, а он о своей трёхлетней Ксюшке рассказывает. Убили его в сорок пятом, свои же, при взятии Берлина шальной пулей зацепили...

Так вот, сидим мы, вдруг слышим, со стороны немцев звук какой-то подозрительный. Пригляделись — точно, оттуда шустрый такой фриц к нам на пузе ползёт. Ползёт и через каждые два метра портянкой какой-то семафорит: дескать, не стреляйте. Заметил нас, размахнулся, бросил к нам какой-то предмет и, ужом подалее от нас отползая, замер. Ну, я тогда молодой, горячий был, быстренько слазил за этой вещицей — оказалось мешок. Развернули мы его, а там три бутылки шнапса ихнего и записка на ломаном русском: мол, желает обменять на валенки и ждёт нашего решения пять минут. А у нас добра этого — в смысле, обуви — очень даже много излишков образовалось: солдат погибает, а вещи его остаются. Так мы отослали! А что ты думаешь, они там все идейные были? Думаешь, все немцы по своей воле под наши пули лезли? Нет, брат, из них многие войну эту треклятую не меньше нашего ненавидели. Этого немчика тоже, небось, где-нибудь под Берлином заплаканная фрау с ещё не рождённым Гансиком или пятилетней Гретхен могла ждать. Это ж понимать надо. Короче, уполз этот фриц, довольный, ну и мы согрелись, раз такое дело. А меньше чем через час, глядим, ещё двое в нашу сторону поползли. Ребята вокруг оживились, в общем, всю ночь потом такой обмен шёл, словно мы не на войне, а на рыночной площади встретились.

А утром мы как раз в наступление пошли. Вначале, как положено, артобстрел, а потом царица полей — пехота, мы то есть. А уж когда танки на подмогу пришли — тут и погнали мы этих фрицев к чёртовой матери! Серёгу как раз в этом бою ранило, и больше мы с ним так никогда и не виделись: отстал он от нас, провалявшись в госпитале почти три месяца.

Бой тот закончился, а наступление-то продолжается. Тогда знаешь как бывает... Трупы кругом, раненные стонут — и мы в наступление прём. Всё быстро делать надо! Своих-то мы ещё с дороги успевали оттащить, а уж про фашистов и думать некогда. И вот я, совсем молодой парень, иду по дороге — а подо мной фарш из кровавого снега, мяса и костей. А вонь!.. Не дай Бог тебе, сынок, когда-нибудь это амбре понюхать! Вокруг, куда ни глянь, всюду трупы, все вперемежку — наши, не наши. Смерть ведь, эта сука с косой, она всех уравнивает и примиряет. Глаза мои тогда только на небе и отдыхали. Да разве ж на войне, задравши подбородок, далеко уйдёшь!

Только я по сторонам оглядываться начал, вижу — к обочине нашу медсестричку оттащили. Совсем ещё девчонка была, между боями всё кукле гимнастёрку шила, Клавочка наша. Вот лежит она — ни кровинки в ней, только маленькая чёрная дырочка у правого виска, глазками своими мёртвыми в небо удивлённо смотрит, а рядом с ней на снегу её кишки ещё тёплые дымятся... Не самые страшные те дни, оказывается, были. Но вот за них-то я и получил свою первую медаль.

Отец замолчал, а Юрка, хоть и был тогда совсем зелёным пацаном и не совсем понял, для чего ему папка про всё это рассказал, однако своим чутким сыновним сердцем почувствовал, что не надо больше никогда отца про войну расспрашивать.

Юрий Аркадьевич допил из гранёного стакана последний, уже чуть тёплый глоток чая, смахнул с рукописи большую зелёную муху, суетливо перебежавшую через шпалы печатных строчек, и подумал: «Хорошо всё-таки, что сейчас рукописи не рецензируются и не возвращаются. Может, у этого мальчика нет второго экземпляра, и он, не дождавшись заветной публикации, обидится на глупого редактора, так и не сумевшего разглядеть его несомненный талант, да и не станет больше никогда писать героических военных рассказов».

Екатерина ИВУШКИНА

ВАРВАРСТВО

Он проснулся от резкой боли в руке. Перелом, видимо, уже начал срастаться, но от неловких движений кости расходились.

Открыл глаза и облизнул потрескавшиеся губы. Слева стонал новенький, видимо ему всё же сломали рёбра. Надо будет стянуть ему тряпьем грудину, должно стать полегче. Ему же помогло...

С трудом поднялся и подошёл к окну. Это уже ритуал. Надо смотреть через решётки на кусок голубого неба, чтобы не видеть реальность. Больше ничего не было видно, но Муса знал, что там ходят люди, так как слышны шаги и тихие голоса, бродят собаки (ведь слышен лай) и чирикают птицы. И не хотелось думать о том, что люди там внизу — фашисты, а собаки настолько агрессивны, что могут разорвать взрослого крупного мужчину за пару минут. И только птичий гомон вызывал радость. Из окна дуло. Он закрыл глаза и вдохнул так глубоко, как мог.

Вспомнилось, как в детстве, ещё там, в Мустафино, бегали с двоюродным братом Сулейманом на речку, сидели с удочками, смотрели на закат. Когда солнце садилось, Неть превращалась из простой реки в чудесный дышащий организм, над водой поднимался пар, словно ей зябко, то тут то там плескалась рыба, водомерки играли в догонялки, пахло прелой травой и костром. И вот сидишь, дышишь, слышишь сопение брата, смотришь на небо, на воду, деревья на том берегу и веришь, что это всё твоё, родное, любимое. Хочется обнять мир со всеми обитателями, прижать к сердцу, крепко-

крепко, до судорог в кистях, почувствовать покалывание еловых верхушек леса на подбородке — и так остаться. И тогда бросишь удочку, не глядя на удивлённое лицо Сулеймана, перевернёшься на живот, раскинешь руки и обнимешь землю, ещё тёплую после жаркого дня. Трава щекочет лоб и ухо, по подбородку пробежал муравей, а ты лежишь, зажмурив глаза, пытаясь удержать слёзы восторга. Ах, как же было хорошо!

Новенький опять застонал, громче и протяжнее. Кто-то тихо что-то сказал, стон прекратился, но еле слышно пронеслось: «Мама». Муса опять вздохнул.

Как пахли её руки! Молоком, хлебом, сеном... Что за восхитительная смесь! Она всё время была занята, всё время за работой. Жили очень бедно, можно даже сказать, на грани нищеты, но опускать руки было некогда. Дом и хозяйство надо держать. Ведь шестеро детей — всех накормить, вырастить и в люди вывести. Она никогда не жаловалась. На каждого находила время. Выслушает, пожурит, подскажет, поможет. И всегда говорила: «Ты очень талантлив, сын, тебе надо учиться». И судьба подарила счастливый случай — удалось поступить в медресе Хусаиния, который потом переименовали в институт. Как было радостно, интересно жить! Писалось легко, стихи порхали в голове как бабочки, только успевай записывать. И как хотелось всё успеть! Счастливое время...

Надо же, как быстро и неожиданно кончилась жизнь! Он ещё дышит, но жизнь уже закончилась. Только и остаётся — вспоминать и творить. Вспоминать, чтобы не сойти с ума. Творить, чтобы жить. День за днём. В ожидании конца.

Муса растянул потрескавшиеся губы в усмешке, вспоминая немца, который его пытал. Тот издевался, пугал

смертью, заглядывал в глаза, надеясь увидеть там ужас или, на худой конец, страх. Но невозможно испугать того, кто уже мёртв.

Ветер пронёс мимо окна одинокий лист клёна. Он закрыл глаза, вспоминая, как, будучи студентом университета, поехал с друзьями по общежитию осенью на природу. Сидели прямо на земле, смеялись, читали каждый свои произведения, обсуждали, спорили. Варлаша Шаламов, сосед по комнате, красивый, с высоким лбом и громоподобным голосом, обнимал его за плечи и кричал: «У Мусы куча достоинств! Комсомолец — раз! Татарин — два! Студент русского университета — три! Литератор — четыре! Поэт — пять!» А он стоял рядом и конфузился. Но как же было здорово! Счастье окутывало тогда, словно солнечным покрывалом, с каждым днём открывались всё более и более захватывающие перспективы. И когда он стал заведующим литературной частью татарской оперной студии при московской консерватории — его мечты воплотились в реальность. Как же — ему доверили переводить оперу «Евгений Онегин»! Он помнил, как дрожали его пальцы, когда он сел за стол, взял перо, обмакнул в чернильницу, занёс руку над чистым листом. Так хотелось — нет, не соответствовать, ведь это невозможно, — но хотя бы чуть коснуться Пушкина.

А потом судьбоносная встреча с Аминой, рождение Чулпан, его маленького солнышка. Жили хорошо, счастливо, беззаботно... Всё то время почему-то вспоминалось одним летним солнечным днём, ярким и жарким. А потом...

А потом пришли чёрные люди в чёрной форме. Огромная сизая туча заслонила солнце и не оставила выбора. Двадцать третьего июня он пришёл в военкомат с требованием отправить его на фронт. Тогда же написал стихотворение на

русском «Весенние резервы Гитлера» — под впечатлением от гибели Севы Багрицкого, талантливого поэта, который когда-то переводил его стихи. Оказывается, смерть так близко ходит рядом, забирает, не спрашивая, хороших, добрых, невиновных... Чувство ненависти, злобы захлестнуло с головой. И оказавшись во второй Ударной армии, хотел только одного — драться! А дальше было нехорошо...

Когда пришёл в себя после ранения и понял, что попал в плен, только одно чувство овладело сознанием — ярость. Не убит как герой, а пойман в ловушку, безвольный маленький человек. Разве когда-то можно было представить, чтобы он — поэт, переводчик, известный литератор, коммунист, в конце концов, — оказался в роли загнанного зверя. Тогда-то он и умер.

Муса прекрасно понимал, что на Родине его скорее всего считают без вести пропавшим. Потом станет известно, что он в плену. А как относятся к пленным в Советском Союзе, он знал. Спасти имя — вот что стало целью. Именно поэтому он стал Гумеровым. К сожалению, инкогнито надолго сохранить не удалось. Но он придумал другой способ отомстить фашистам...

За окном раздался собачий лай. Поморщившись, отошёл от окна и сел на койку, придерживая левую руку чуть ниже места перелома. Попытки были жестокие, но мёртвому они не страшны. Вот чистые страницы кончаются, а новых не найти — это плохо. Химический карандаш есть, а бумаги нет. Не на чем записать стихи. И надо ещё озаглавить стихотворение, которое закончил вчера...

«Мама...» — опять простонал новенький. Видимо, ему совсем худо.

Как удивительно мы устроены. В сложной ситуации, забыв о возрасте и жизненном опыте, зовём маму.

Она придёт, поможет, спасёт... И люди в это свято верят. Ведь у всех была мама... Хотя, глядя на зверства фашистов, в это верится с трудом. Как случилось, что из пухленьких розовощёких Гансов и Фрицев выросли твари? В какой момент у них отмерло сердце и они перестали быть людьми? Ведь они не люди! Разве человек с сердцем может, покуривая папироску и посмеиваясь, добивать штыком восьмилетнего ребёнка? Ведь у каждого немца была мама. Была ведь???

После того как выяснили, что Гумеров — псевдоним, тон резко поменялся. Как та сволочь с повязкой на глазу назвала предложение? «Сотрудничество». СО-трудничество. Совместный труд. То есть вместе, СО-вместно, делать одно «дело». Он, преодолевая чувство мерзости, согласился, ведь у него уже был план. Раз он ещё может послужить, этим надо воспользоваться. Немцы решили, что под его именем, как под знаменем, легче будет собрать Национальный легион из военнопленных татар. А сам он уже продумал, как можно будет вместе с подпольным сообществом совершать диверсии, даже устраивать побег из лагерей.

Неужели они действительно поверили, что он может с ними СО-трудничать? Стать таким же, как они? Получать удовольствие, глядя убийства. Издеваться над женщинами и детьми. Соревноваться в изощрённости пыток. Возбуждаться при виде крови. Ну уж нет, он хоть и «умер», но у него ещё билось сердце. И каждый день Муса недоумевал — как земля, та самая, тёплая, родная, которую он с любовью обнимал в детстве, может носить на себе подобных тварей? Почему не развернется и не отправит этих иродов туда, где им самое место — в ад?!

Дело было опасное — подпольная работа под прикрытием «культурно-просветительной деятельности». Ездил по ла-

герям в гражданской одежде (ведь от формы он отказался наотрез) и под видом отбора из числа пленных самодеятельных артистов для хоровой капеллы устанавливал конспиративные связи и вербовал новых членов подполья. Несмотря на риск, результатом был очень доволен. Когда батальон татарского легиона вместе с оружием — а это почти шестьсот человек — перешёл к партизанам, он понял, что всё не зря. Казалось, они с товарищами всё продумали и предусмотрели, уже началась работа по подготовке мятежей. Но нашёлся предатель.

Арест, пытки — всё как в тумане. Главное — не сошёл с ума! Теперь только и осталось — вспоминать и творить. Надо успеть записать стихи. Вот только чистой бумаги больше нет. Беда...

Он никогда не вернётся домой. Никогда не увидит детей. Не обнимет жену. Не встретится с друзьями. Он к этому готов. Одно осталось — спасти имя! Чтобы маленькая Чулпан, его комочек счастья, знала, что у него никогда не было ничего общего с людьми, которые могут избивать человека до полусмерти просто ради удовольствия. Ради забавы натравливать своих псов. Пытать ради шутки. Это не люди, это варвары. Примитивные агрессивные живые существа. И всё, что они делают, — это варварство. Да, именно так!

Он с минуту подумал и, преодолевая стреляющую боль в руке, полез в свой тайник. Достал маленькую самосшитую книжечку, похожую на тетрадь. Перелистнул и вздохнул. Осталось лишь две чистые страницы. Если не удастся найти бумагу, больше сотни стихотворений умрут вместе с ним. Но ничего, он что-нибудь придумает. Долистал до стиха, который закончил вчера, вытащил из-за пазухи химический карандаш и размашисто, с сильным нажимом, написал название «Варварство».

Долго думал, кому оставить свои записи. Кому можно доверить самое важное — спасение чести. И такой человек есть, сосед по камере Андре. Он понял, что на страницах этой самодельной тетради смысл жизни Мусы, той малой толики что осталась. Эти страницы нужно обязательно сохранить и передать домой. Там должны узнать, что он не предатель! Не предатель!

Спрятав обратно тетрадь и карандаш, он с трудом поднялся, опять подошёл к окну и устремил свой взгляд в голубое небо. Чтобы не сойти с ума.

Елена ЛЕЩЕНКО

Главы из повести «ГРЕШОК»

По рассказам мамы Саморуковой (Трубниковой) Марии Захаровны. События происходили в селе Мармыжи Курской области, где жила её семья. В 1942 году село переходило из рук в руки — то к советской, то к фашистской армии. А летом 1943 года через Мармыжи прошла та самая Курская дуга.

Бабушка Маша дурит немцев

Декабрь 1941

Первый раз Марийка увидела фашистов зимой. Хотя нет, ещё раньше, в конце лета. Смутно помнится, как люди шли по пыльной дороге, Марийка ехала «на горшках» у двенадцатилетней Раиски, которой очередь была нести сестру. А потом в небе появилось три самолёта, и всё вокруг загрохотало, засвистело. Народ с криками бросился наутёк, врассыпную.

Мария Трубникова, 1954 г.

Раиска с сидящей на загривке двухлетней Марийкой кинулась в рожь. Один из самолётов пролетел над ними так низко, что Марийка увидела лицо смеющегося лётчика, он был весь рыжий и бородатый. Как потом говорили, это летали финны. Раиска упала на землю, а самолёт прошёл низко-низко, прямо над ними, но почему-то не стал стрелять. Пожалел, видно, детей... или патроны.

Но по-настоящему немцы зашли в деревню зимой, в декабре. Стояли лютые морозы. На улице затарахтели мотоциклы, залаяли собаки, раздались выстрелы — и в дом ввалились три фрица. В руках у одного было две расстрелянных курицы. Он кинул добычу на стол и что-то пролаял. Высокий конопатый немец улыбнулся и перевёл бабушке: «Матка, готовь курка суп и картошка!» — а потом разулся и, не раздеваясь, влез на лежанку. А два других фрица протопали к печи прямо в сапогах и тонких шинельках, прижались к теплу. Их лица были обморожены, они хлюпали сизыми носами и о чём-то отрывисто говорили. Тот, который знал русский язык, сказал, что хозяйева должны им всё приготовить и уйти. Куда идти? На улице ночь, мороз. Но бабушка с мамой спорить не стали. Они нагрели воды, ошпарили и ощипали кур.

Фрицы потихоньку согрелись, подобрели. Конопатый слез с лежанки и стал задавать вопросы Алёне и бабушке. Ему хотелось поупражняться в русской речи. Оказывается, дед конопатого был русским, но когда-то уехал из России в Германию, а внука назвал русским именем Николай. Он похвалился, что знает почти все русские загадки и умеет отлично их отгадывать. Бабушка Маша стала загадывать ему разные загадки — то простые, то замысловатые. Конопатый, когда отгадывал, шумно радовался и всё переводил своим однополчанам. Те тоже увлеклись. Когда ужин был почти готов, конопатый, поглядывая на Алёну, объявил:

— Давай, бабушка, бери внучат и уходите. А дочь твоя пусть останется. Постель стелить нам будет.

Алёна вскинулась:

— Да ни в жисть!

Конопатый схватился за кобуру, два фрица тоже напряглись, стали о чём-то галгатать. А бабушка Маша спокойно сказала:

— Тихо-тихо! Ты, доча, погоды, не гоношись! А ты что ж, Николай, деда своего позоришь! С бабами воюешь? А если баба сильнее тебя окажется, тоже воевать с ней будешь?

— Кто? Баба? Она, что ль?

— Може и она, а може и я! А давай поспорим, что ты не сможешь под столом усидеть, если я по нему три раза стукну?

— Ха! Я? Не смогу? А давай!

Конопатый что-то стал рассказывать фрицам, те захотали.

— Только тогда уж на обоюдный интерес будем спорить! Чтоб, по-честному! Выиграешь ты — Аленуха тебе постель стелет, а коль уж проиграешь — изволь ты моё исполнять! Что? По рукам?

— По рукам!

— Даже желание моё не спросишь?

— Чего его спрашивать?! Давай начинать!

— Тогда лезь под стол!

Конопатый под смешки дружков, согнувшись в зюю, забрался под стол. Бабушка Маша важно подошла к столу:

— Ну что, готов?

— Да готов я, готов! Давай уже скорее!

Бабушка замахнулась и как ударила по столу! Конопатый из-под стола говорит:

— И что?! Это всё?

— Нет, почему усё? Сёдни я только один раз гокнула, а второй раз завтра приду вдарю!

Конопатый посидел ещё немножко, видно до него долго доходило, а потом вылез. Дружки что-то спрашивали у него, а он только рукой махнул. Но, надо отдать ему должное, бабушкино желание он исполнил. Вместе с варёной курицей отпустил их спать на чердак.

Простояли эти немцы две недели и ушли восвосяи, наши их выперли. А вот когда в другой раз фашисты пришли, тут-то и случилось страшное... Вот тогда они остались без дома и перешли жить в блиндаж. Зато Марийка поняла, что нужно делать, когда хочется плакать. Но обо всём по порядку.

Соломенная кукла

Лето 1942

Это случилось в конце лета. Ей тогда и трёх лет ещё не было.

Однажды спозаранку в посёлке поднялась кутерьма. Кто-то звонил в подвешенный у сельпо рельс. По дворам шли немцы, стучали в окна, двери и кричали: «Всем выходийт! Шнеллер-шнеллер!» Лаяли собаки, кричали перепуганные дети. Марийка тоже расплакалась. Но бабушка взяла её на руки и успокоила:

— Ах ты, кокля-мокля, глазоньки промокли! Тш-ш, моя хорошая! Неча плакать-горевать, будем солнышко встречать. Ща погуляем чуток да вернёмся.

За лесом занималась заря. Где-то далеко грохотали взрывы. Возле сельсовета стоял грузовик, и немцы спешно грузили в него какие-то ящики.

— Господи, неужто наши на подходе?! — перекрестившись, шепнула бабушка маме.

Алёна оглянулась и ахнула:

— Ой, мамочки мои! Глянь-кось, наш дом поджигают!

— Ой, батюшки, что деется! — бабушка крепче прижала к себе Марийку. — Вот ироды треклятые! Чтоб им пусто было! Чтоб их всех жиром раздуло!

Марийка оглянулась и увидела, как полыхает их дом. «Куда ж мы вернёмся, если дом весь в огне?» — думала она.

— Липочка, как думаешь, нас убивать ведут? — спросила Рая у старшей сестры.

— Не знаю... Может, вообще в Германию погонят, — хмуро ответила Липа.

— Хватит! — строго одёрнула их мать. — Бабушка гадала, надвое сказала: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет!

От неизвестности происходящего и волнения людей вокруг у Марийки громко стучало сердечко, но она понимала, что взрослым сейчас не до её переживаний.

Сначала всех собрали на площади, а потом куда-то повели. Шли долго, за деревню. Солнце уже поднялось, лёгкие облака безучастно плыли в иные дальние страны, а толпа людей пылила по дороге. Немцы прикладами подгоняли отстающих.

Людей загнали в колхозный амбар и заперли. Сквозь щели в стене пробивались солнечные лучики. Марийка присела на корточки и стала разглядывать сидящего на соломинке кузнечика. Он увидел Марийку и грозно зашевелил усами — наверное хотел её напугать, а потом подпрыгнул и ускакал в щель, на волю. Марийка тоже захотела на улицу. Она стала тербить бабушку за подол:

— Бабуль, пошли уже гулять!

— Сейчас пойдём, деточка. Подожди ещё маленько.

Марийка почувствовала запах гари и чихнула.

— Горим! — вдруг раздался истошный крик.

Бабы разом заголосили. Дед Петя, отбросив костыль, начал биться плечом в дверь. Сёстры заревели в голос. Марийка посмотрела на мать — та стояла с окаменевшим лицом, совсем чужая. От этой картины холодный ужас сковал Марийкино сердечко, губы затряслись и в носу защекотало.

— А ну, унучечка, глянь-кось, что у меня есть! — вдруг весёлым голосом позвала её бабушка Маша.

Девочка обернулась и увидела: бабушка из пучка соломы ловко сделала куклу, а затем оторвала часть своего подола и лоскутами повязала кукле платочек и юбочку. Марийка приоткрыла рот от неожиданного превращения пучка соломы в девочку. Единственная слёзка, успевшая капнуть с реснички, скатилась со щеки и затерялась между соломинок. Марийка взяла игрушку и тут же начала с ней играть. Бабушка широкой юбкой укрыла её от происходящего в это время в амбаре. Девочка не видела ни струящегося из-под амбарных ворот дыма, ни мечущихся вокруг взрослых. Ей было спокойно сидеть в дальнем углу рядом с бабушкой. Липа с Раей уткнулись в грудь матери и рыдали. Побледневшая Алёна прижимала к себе дочерей, смотрела на дверь и шевелила губами.

Внезапно за стеной раздалась громкие выстрелы, и в амбаре наступила тишина.

— Наши! — подняв голову, шепнула бабушка, и все услышали.

— Наши! Наши-и-и!!! Мы здесь!!! — заорали все вокруг и начали с ещё большим ожесточением барабанить в ворота.

Через мгновение двери распахнулись, и на пороге появился солдат. Освещённый со спины солнцем, он стоял в ореоле дыма. Марийка выглянула из-за подола бабушки:

— Бабушка, это ангел? — спросила она.

И стоящие вокруг люди засмеялись. А мама подхватила дочку на руки:

— Ангел, конечно! Ангел, моя деточка!

Она стала её обнимать, целовать и была такая красивая и счастливая, как никогда раньше! А Марийке было щекотно, и она тоже стала смеяться — оттого что всё вдруг стало как прежде, и мама снова превратилась в маму.

После этого Марийка уже почти никогда не плакала. Когда ей становилось очень плохо, она вызывала в памяти то мгновение восторга, и сердечко тут же сладко сжималось, а все неприятности делались такими маленькими, почти игрушечными.

Полсела в тот день стали погорельцами. Кто как решал проблему с жильём. Марийкина семья решила расположиться в блиндаже, неподалёку от их полусгоревшего дома — успели потушить тогда. Поначалу, пока мама с бабушкой обустроивали блиндаж, ночевали на свежескошенной траве под открытым небом. Благо ещё, что лето было.

М. З. Саморукова, 2003 г.

В этот блиндаж бабушка с мамой однажды притащили раненого с поля. Бабушка лечила его почерневшие ноги травяными отварами. А потом там же, среди ковыля, ещё много раненых нашла. Рассказывала, как крикнула в поле: «А ну, кто жив, шевельни травинкой!» Тут всё поле и зашевелилось. Всей деревней переносили раненых в школу. Потом уж их наши забрали, в медсанбаты отвезли.

Жили в блиндаже и хату понемногу восстанавливали. Следующим летом они уже вернулись в дом...

Валентина МУКАСЕЕВА

ЖИЛ ПАРЕНЬ МОЛОДОЙ

Жил

Бурные реки — редкое явление в засушливых степях юга Оренбуржья. Открытый казахским ветрам, пыльный и засушливый район нашей родины не побалуует изысканного взгляда приезжего матёрого туриста. В июле трава здесь жухлая, по степи торчат высохшие палки от стеблей васильков и белые космы пучков ковыля. Удушливыми знойными вечерами весь простор степи покрывается золотистой пылью, а воздух, пропитанный глиной, тяжелеет и сдавливает лёгкие. Тем удивительнее встретить здесь мощную и быструю реку, получившую название Урал, по её берегам растут ивы и тополя, под кронами которых адское пламя солнца меркнет и даёт отдых измученным сизифам. Если посмотреть издалека на местность, где протекает Урал, то создаётся ощущение, будто увёртливая извивающая зелёная змея раскинула своё туловище вдоль мёртвой степи. «Масса и Мерива» — «искушение и укорение» таил в себе гордый Урал.

На востоке вдоль реки расположилась деревня Кузьминовка. Преимущественно здесь проживало русское население, переселившееся сюда в качестве крепостных ещё в XVIII веке при Екатерине Великой, раздававшей эти территории в уделы дворянам и изгонявшей вольный дух из местности. Ближе к концу деревни находился дом, где родился и рос Коленька, или Колюсик, как часто называла его мать; по возрасту 16-летний подросток, по сути, как его отец и старший брат, кормилец большой семьи. У Коленьки, помимо старшего брата Ивана, были двое младших Егор и Владимир, восьми

и семи лет, и три сестры Мария, Дуся и Татьяна, двенадцати, десяти и пяти лет. Отец Николая работал конюхом на колхозной конюшне, мать была дояркой, а брат Иван пас телят. Младшие братья и сестры были ещё малы, чтобы работать в колхозе, но уже достаточно взрослые, чтобы помогать матери по хозяйству. Коленька удивлялся тому, как мать справляется с этой «мелкотой», сам он не особо любил оставаться с ними: вроде взрослые, а бывает, раздерутся как дети, что-нибудь да вытворят.

В текущем 1941 году Коленька окончил семилетку. В учёбе он не был силен, что задавали, выполнял удовлетворительно, к знаниям особо не тянулся. «Зачем они нужны в деревне? Отцу с матерью больно не пригодились», — думал подросток. Когда Коленьке исполнилось 16, он начал работать на ферме скотником: вычищал навоз, грузил его на коляску и вывозил на поле. Работать ему нравилось — это придавало значимость в глазах взрослых. Колхоз расплачивался с ним молоком и зерном, что уже было весомым вкладом в общий семейный котёл. Дома Коленька копал матери землю под грядки, поливал, ездил за водой.

Что будет с Коленькой, когда он вырастет, его родители не задумывались. Им было не до этого, слишком тяжелы рабочие будни в колхозе. Не задумывался и сам подросток. Но в Коленькиных мечтах часто представлял он в образе председателя колхоза. Вот Коленька ведёт важное совещание, все его слушают, подчиняются, а он говорит правильно и красиво о том, что нужно собрать урожай, увеличить удои, начать разработку новых целинных земель. Так проходили дни и месяцы уже не детской беззаботной, а тяжёлой трудовой жизни. О том, как в эти дни был счастлив Коленька, он ещё не мог осознать — как не смог осознать и беды наступившей в июне 1941 года войны.

Утром 30 июня 1941 года в 6:30, когда Коленька собирался идти на ферму, к дому верхом на коне прискакал отец, он нервно кинул уздцы, забежал в дом. Его встретила мать.

— Настя, повестка пришла, забирают меня на войну. Думал, и увидиться не дадут. Сегодня после обеда сбор у клуба — и сразу отправляют на фронт. Война страшная началась, говорят, уже пол-Белоруссии под немцами. Погибну там — что вы делать без меня будете? Совсем по миру пойдёте. Не хочу уходить, сейчас в самую бойню кинут, всех нас в мясо превратят. Резня будет великая, у немцев силы огромные. Пропаду я, милая.

Настя замерла, сжалась в комок. Как под буйным ветром качаются ветви деревьев, её руки неестественно поднялись вверх и затряслись. Она схватилась за платок на голове, стянула его, вцепилась в свои волосы, морщинистое лицо женщины перекосилось.

— Ой, Тимофеюшка, горе какое! Божье наказание на нас. Да на кого ж ты меня и дитяток оставишь? Что же мы без тебя делать будем? Не пущу тебя, — кричала она, цепляясь за рубаху мужа.

Тимофей упал на стул, поставил локти на стол, уронил голову на руки. Страх и отчаянье охватили его. Идти на фронт — значит идти на смерть. Остаться, убежать, спрятаться в степях — найдут, посадят, а семье его отвечать ещё придётся, позор на всю деревню. Жить так хочется, на небо смотреть! Дом надо поднять, детей воспитать. Только кое-как пережили засуху и голод, стало всё налаживаться, в этом году корову завели — а теперь к смертушке готовиться. Всё немцы проклятые — вырывают плуг из рук и заставляют винтовку брать! Не живётся им спокойно, буржуи ненасытные. Что бы он ни предпринял, конец был известен. Оставалось

подчиниться судьбе. Настя металась по избе и голосила, усиливая его терзания.

Коленька стоял в углу, теребя штанину, и не знал, куда ему глаза деть и что говорить. Вот так новость... Только 22 июня объявили о войне — и уже отца забирают. Видно государство своими силами справиться не может, вот и отцу повестку прислали.

Коленька услышал голос отца и поднял голову:

— Николай, не слушай бабье нытьё. Беги к Ивану, пусть домой к обеду возвращается, — сказал отец и добавил, обращаясь к жене: — Успокойся, Настя. Сейчас разговор держать будем.

Коленька вышел и бегом побежал к брату на выпас. Солнце уже пекло, нестерпимо обжигая его спину. По дороге подросток думал, что отец, скорее всего, вернётся с войны через месяц-другой с медалями и орденами. По-другому и быть не может! Ведь СССР мировая держава, она раздавит немца как клопа. Потом он сам всей деревне будет хвастаться подвигами отца. Ещё попросит у него медаль или орден и всей деревне будет показывать. А немцы сами сбегут с нашей земли, как Наполеон. Думать же о тех, кто погибнет на фронте, Коленька не хотел. Всё это только быт и мещанство, как сказал бы председатель.

Коленьке сегодня показалось, будто отец струсил идти на фронт, будто испугался сражаться за Отечество. Ему стало стыдно за слабость отца. Вот если бы Коленьку призвали на фронт, он бы показал немцам, как вторгаться на его Родину. В своих мечтах Коленька представил, как он перекатывается по окопу и стреляет в немцев, а те падают мёртвыми. Эх, отец просто не понимает, как ему повезло! Но Коленька тоже не промах. Он посчитал, что сейчас его задача вместе с Иваном держать хозяйство как можно лучше, чтобы, когда отец

вернётся, заслужить от него похвалу. Теперь Коленька будет помогать ещё больше. Он сможет, ведь молод, здоров, и мать в беде не оставит. С такими мыслями пришёл подросток на выпас к брату.

Сделав серьёзное лицо, Коленька строго сказал:

— Отцу повестка пришла на войну. Домой к обеду приходи, его забирают сегодня.

— Колька, что мы будем без отца делать? Война, видно, надолго, — задумчиво ответил брат.

— Мы пока с тобой будем работать, а месяца через два отец придёт.

— Ничего ты пока не понимаешь, молод ещё, — нервно ответил Иван.

— Ты много понимаешь! — обиделся Коленька.

<...>

Ферма, где работал Коленька, находилась рядом с рекой. Урал здесь делал крутой поворот, и образовалась глубокая заводь. Раньше они с мальчишками часто купались в ней, а сейчас конец июня, но он ещё ни разу не окунулся. Что же, Коленька теперь взрослый, ему не до мальчишеских игр.

Он зашёл на ферму. Дойка только закончилась, коров выгнали пастись. Тачка, на которой он возил навоз, стояла при входе. Николай положил в неё лопату, подхватил её за ручки и с грохотом покатил вдоль стойла. Для каждой коровы в стойле имелся загон. Загоны располагались параллельно друг другу, всего их было пятьдесят, Коленька ещё в первый рабочий день подсчитал их. Вдоль загонов шёл длинный коридор, по нему и вёз тачку подросток. Останавливаясь, он лихо загружал навоз и катил дальше. Тачка имела одно колесо, поэтому малейшее неловкое движение Коленьки могло

перевернуть её. Он очистил только десять загонов, а тачка уже была неподъёмной. Нужно было везти её на поле для удобрения. До поля было метров триста. Навалившись на тачку, он рьяно толкал её вперёд.

<...>

Коленьке пришлось за утро сделать шесть заходов, в хорошие дни он делал только четыре. Стрельнув самокрутку у конюха, он сел с ним рядом и задымил.

— Слышал, отцу твоему повестка пришла, — сказал конюх, 60-летний старик.

— Пришла. Сегодня провожать будем.

— Дай бог, живым вернётся. Вот, помню, нас в 14-м году здорово немцы прижали. Стояли мы под Гумбинне-ном... — начал старик.

— Ладно, дед, некогда. Дела... — оборвал Коленька.

Коленьке не хотелось слушать басни старика, вечно он своим шепелявым ртом рассказывает про очередные подвиги. Вот Коленькин отец непременно приедет с орденом или медалью, и тогда можно будет хвастаться. А у старика нет ничего.

Подросток направился к дому. Войдя в избу, он увидел, что мать его хлопотала по хозяйству.

— Колюсик, ты к Ивану бегал? — заботливо спросила мать.

— Бегал, мамак, — ответил Иван.

Коленька, посмотрев, как мать собирает отца в дорогу, вышел, взял коляску с бочкой и ведром и покатил на Урал за водой. Солнце жарко палило, по коричневому загорелому лбу Коленьки катились струйки пота, глаза от пыли слезились. Приблизившись к воде, он скатил коляску с пригорка к Уралу, и на него пахнуло свежестью. Коленька глубоко

вздохнул и принялся черпать ведром воду. Наполнив флягу, сел на белую махровую простыню, сплетённую из тополиного пуха, и начал прикидывать: что ему нужно без отца сделать. Придётся ехать за дровами в лес, подремонтировать избу, накосить сена, утеплить сарай. Прохлада в знойный день не давала ему больше мыслить. Коленьке нестерпимо хотелось окунуться. Скинув одежду, он вошёл в воду. Его тело, угловатое и худое, медленно погружалось в нежную и манящую пучину Урала. Стоя по грудь в воде, он посмотрел на свои ладони, с обратной стороны они были белые, перевернул их — а здесь тёмно-коричневые. Это показалось ему очень удивительным. Он ещё долго стоял и разглядывал свои руки. Потом сделал резкое движение и поплыл. Искупавшись, Коленька вышел на берег, надел штаны, подхватил коляску с бочкой и покатил её домой. Он съездил за водой ещё семь раз, пока ёмкость в огороде не наполнилась. Время подходило к двум часам.

Вернувшись домой, Коленька увидел, что мать испекла отцу лепёшек, положила в дорогу яиц, сала, налила пол-литра самогона. Она уже не плакала, делала всё быстро и рассудительно. Свою долю Настя приняла, как принимает наказание приговорённый к повешению человек, входя на эшафот. Женщина без мужчины в бедных российских селениях — сирота. Всё ей приходится делать самой: воспитывать детей и тащить плуг, готовить еду и ворочать мешки. Никто её не приголубит и не пожалеет. Покосившийся дом без мужчины рухнет, земля без мужнего труда пустует. Женщина-горемыка падает поздней ночью и не может уснуть от изнурительного труда. Кости ломают, а жилы ноют, она, раскинувшись на деревянных полатях, бредит сквозь сон о сильном мужском плече. Оттого деревенская баба держится за мужика сильнее, чем за жизнь, всегда он у неё накормлен, всегда сидит в центре стола.

Если муж деревенской женщины умер или оставил семью, то она, будто засохшее дерево, ждёт, когда ветер трудностей и препятствий свалит её.

Коленькина мать машинально накрывала на стол. За столом сидели отец и старший брат, Коленька расположился рядом. Дети бегали по избе, резвясь и ругаясь. Они всегда обедали после того, как встанут из-за стола кормильцы семьи.

Настя сказала старшей Марии:

— Маня, выйдите на улицу и там поиграйте. Позже зайдёте.

Весь обед мужчины провели молча. Отец ел не отвлекаясь. Потом он встал и сказал сыновьям:

— Пойдёмте во двор, поговорим. — И, обращаясь к жене, добавил: — Настя, покорми пока детей.

Коленька и Иван вышли за отцом. Подойдя к сараю, отец начал давать сыновьям наставления.

— Летом нужно накосить сена на нашем участке, сложить всё на сеновале. Колька, ты дров на зиму наготовишь. Ванька, тебе надо печку починить. Матери помогайте. Больше ничего не скажу.

Он отвернулся от сыновей и пошёл обходить своё подворье. Коленька и Иван стояли и ждали его. Потом Тимофей поднялся на крыльцо, сыновья шли за ним.

— Сядем на дорожку, — сказал он.

Дети вели себя тихо: кто забрался на печку, кто сел за столом, а Коленька расположился рядом с отцом. Молчание прервала мать:

— С Богом, — сказала она.

Всей семьёй они отправились к клубу. Какое-то раздражающее душу молчание всю дорогу сопровождало их. Коленька чувствовал, что ему тесно в своём теле. Он хотел подбодрить отца, но слова застывали у него на языке.

У клуба собрались ещё двадцать призывников и их родственники. Коленька видел слёзы на лицах, но для него всё казалось понарошку: на недельку-другую, а потом все снова будут веселы, снова примутся за колхозные дела.

Призывники выстроились в шеренгу, председатель перечислил всех поимённо и начал говорить торжественную речь:

— Призывники, страшный враг напал на рубежи нашей родины, он несёт смерть и разрушения. Немец хочет сделать нас своими рабами. Вам выпала высокая честь сражаться за Родину. Сыны, не ударьте в грязь лицом перед немцем! Бейте его, вытравите из наших краёв. Сражайтесь за Родину, за Сталина. Вам выделено две минуты на прощание с родными.

Тимофей подошёл к семье:

— Милые мои, время сейчас трудное начнётся. Даст бог, Иван дома останется, он вашей опорой будет. А если Ивана заберут, то, Николай, на тебя всё бремя ляжет. У тебя ещё два года есть. Мать береги, о сёстрах заботься. Если я не вернусь, то вот вам мой завет — живите дружно. А уж как председатель, я не умею красиво говорить. Главное, мать не обижайте, помогайте ей.

Взгляд отца, выразивший страх и любовь, испугал Коленьку, его начала окутывать волна скорби. Он вдруг испугался, что может навсегда потерять отца. Заныло юное сердце, не ведающее боли утрат. Если правда, немец так силен, то как отцу с ним справиться? Он в драке с пьяным скотником себе рёбра переломал. Коленька сильно прижался к отцу, ему захотелось, как маленькому, спрятаться у него под мышкой и почувствовать запах солёного трудового пота.

— Всё будет хорошо, отец. Ты, главное, возвращайся живой, — еле ворочая языком, произнёс он.

Отец отстранился от него, поцеловал остальных и пошёл в сторону машины. Шаги его были медленными, он весь

ссутулился, сгорбился. А золотая пыль поднималась от земли к небу. Отец прыгнул в кузов машины, за ним поднялись остальные призывники. Машина тронулась. Николай почувствовал, как часто-часто, будто молотилка на току, забилося сердце. Он бросился за машиной. Коленька бежал со всех ног, ветер слизывал слёзы с его щёк.

— Папка! Папка! Возвращайся, — что есть силы кричал он.

Коленьке стало не хватать воздуха, в желудке начался спазм, машина быстро уходила вперёд. Он споткнулся, упал на колени и согнулся. «Боженька, миленький, пусть батька живой вернётся», — зашептал он.

Так он просидел несколько минут, потом поднялся и пошёл обратно к клубу. Мать, его братья и сестры стояли обнявшись. Когда Коленька оказался рядом, Иван коротко сказал:

— Мне пора телят выгонять. Колька, ты на ферму идёшь?

— Да, — ответил Коленька.

Как прошёл остаток дня, Коленька не заметил. Куда-то подевались его мечты о скорой победе. Сердце царапалось о рёбра, а впереди ещё было столько утрат. Вечером, когда семья собралась в избе, Коленьке было как-то неуютно от того, что место отца пустовало.

Ушёл

Жарким выдался июль в Оренбургских степях. Жаркие были бои 1941 года на западе. Великий труд совершал русский человек. Хранимый божьим благословением, он шёл по земле, выжженной солнцем и минами. А когда не оставалось сил идти, неведомая сила подхватывала и не давала упасть изнурённому народу. Выносливость рождала ненависть к вра-

гу, бесстрашие превращалось в силу. И весь народ связали радиосигналы, письма и телеграммы: фронт и тыл, вокзалы и площади жили одной жизнью, одним смыслом — осилить наступающего врага. Вот и Коленька в июле 1941 вычистил навоз на колхозной ферме и вышел закурить.

— Колька, к председателю тебя, — крикнул беззубый конюх.

— Зачем?

— А я почём знаю.

<...>

Коленька, как обычно бывает у курящего человека, машинально затягивался и думал о положении дел. Два дня назад он проводил на фронт отца. Пусто стало в доме. Коленька слышал, как ночами плакала мать. Старший брат Иван семье помогал мало, после ужина уходил к Дуське и пропадал там. Муж этой самой Дуськи спился и помер, она была вдова и совсем захомотала Ивана. Коленька злился на брата, но всё было без толку. Дуська имела власть над Иваном больше, чем семья. Это то, что касалось положения дел в доме, а в округе было ещё хуже. Жители Кузьминовки, как кроты перед солнцем, жмурились, тыкались в землю, теряли сознание от происходящего и ждали известий с фронта. Каждое утро они слушали Информбюро, и новости об отступлении нашей армии всё больше и больше пугали их. Мечты Коленьки о быстром исходе войны рассеивались. Только бы фашисты не победили. Страшные люди, эти фашисты, жгут советских людей, угоняют в рабство.

Коленька затынулся: «К чему это к председателю идти?» Мысли вертелись у него в голове, но он никак не мог понять причины его вызова. Коленька бросил окурочек, втоптал его

в пылящуюся медную, будто котёл с расплавленным металлом, землю и скорым шагом пошёл к председателю.

Председатель работал в маленьком одноэтажном кирпичном здании. Весь день он пропадал на полях и сенокосе, и его можно было поймать только утром. Хороший мужик был у них председатель. Зря не накажет, похвалит, если есть за что. У него была БРОНЬ. Бронь — это очень много в военное время, это значит, что ты будешь жить.

Коленька постучал в дверь.

— Войдите.

— Вызывали?

— Да, Николай. Садись, поговорим.

Коленька сел на табурет у стола. Председатель начал:

— Николай, как без отца? Справляетесь?

— Справляемся помаленьку.

— Вот что Николай, ты ещё мал пока, но сейчас время военное, работать некому. Поэтому всё на плечи женщин да детей ложится. Закон вышел о всеобщей мобилизации. Поэтому надо тебе, Николай, на сенокосе помогать. Будешь ометы метать у Илюшкиного оврага.

— Как скажете, — ответил Коленька.

Честно признаться, этому подросток не обрадовался. Коленька и так ночами падал без задних ног. За ночь, какие-то пять-шесть часов, он так и не успевал выспаться.

— К работе приступай после обеда.

Подросток молча вышел, подошёл к плетню и перемахнул через него. Мысли Коленьки были так далеки от настоящего. Пекло солнце, нестерпимо жгло голову, ныло и подсасывало в желудке. Не кончится это, видно, никогда. Хоть собирайся сам и на фронт уходи. На фронте-то что: там войой себе да войой, а тут попробуй каждый день повкальвай; ни отдыха, ни сил. В Урал пойти утопиться, что ли?

Коленька направился к дому, чтобы взять воды и картошки на обед. В избе его встретили сёстры, смеющиеся над котом, который от голода ел огурец, рычал, сверкал расширенными зрачками, никого не подпуская. С высокомерным спокойствием Коленька глянул на эту детскую забаву: над чем смеются дурёхи! Зима скоро, как бы сами друг друга не переели.

Матери в избе не было. Коленька глянул в окно — Настя полола бахчу. Сложив в тряпочку остатки завтрака, он налил себе тёплой противной на вкус воды, взял вилы, закинул их на плечи и пошёл к оврагу метать сено.

Овраг находился южнее деревни в тридцати минутах ходьбы. По старым поверьям, здесь зверски казнили участников Пугачёвского восстания. Тела без голов побросали в яму, а головы, натывав на ружья, носили по окрестности, пугая население.

Спустившись к оврагу, Коленька увидел, как соседские мальчишки Егор и Никита вместе со старым конюхом метали сено на рыдванку. Конюх принимал навильники с сеном и раскладывал их так, чтобы гружёная рыдванка не перевернулась. Мальчишки, напрягая ввалившиеся животы, подкидывали охапки сена, делая глубокий вдох, и расслаблялись после каждой подачи. Запряжённый бык мотал головой, отгоняя слепней, нервно бил передними ногами по животу, отпугивая бесновавшихся мух. Из-под покатога лба с широкими рогами смотрели влажные затравленные глаза.

— Жаждались тебя уже, Николай, — прошепелявил старый конюх. — Подавать тебе придётся.

Мотнув головой мальчишкам, Николай стал молча поднимать навильники с сеном. Когда закидывал первый, руки его не выдержали, вилы резко накренились назад. Коленька, пытаясь удержать их, сделал шаг назад, перехватил вилы повыше и забросил сено на рыдванку.

— Коля, меньше бери, не осилишь же, — советовал конюх.

Работали молча, болтовня мешала. Нагревшаяся на солнце вода жажду не утоляла. Каждый сосредоточенно брал свой навильник и отправлял наверх. Когда первую рыдванку загрузили, конюх скатился с неё, взял грабли, обчесал сено, потом взял быка за поводья и повёл к ферме.

— Мы брата сегодня провожаем, — сказал тихонько 14-летний Егорка. — А твоего забирают?

— Повестка ещё не приходила, — промямлил Коленька.

Не было сил говорить, язык опух от жажды и заплетался, словно старый пьяный сторож. У мальчишек ломило поясницу, а сквозь подранные штаны были видны капельки пота. В лапти набилась труха и колола ступни, солнце палило их головы. Дойдя до фермы, Егор и Никита запрыгнули на рыдванку и начали скидывать сено, а Коленька вместе с конюхом складывали его в омёт. Конюх постоянно поучал Коленьку:

— Николай, плохо делаешь! Левее клади, смотри, какой омёт покатый получается.

Коленька на десятой минуте работы не выдержал:

— Кончай учить, сам вижу.

— Как же вас не учить, молодёжь, кто вас ещё, кроме меня, научит?

Коленька не стал спорить. На дотошливые выпады конюха нужны были силы, а с Коленькиной усталостью оставалось только согласиться с ворчливым стариком.

Так начинавшие жить юнцы и старый выдавший виды дед привезли и разгрузили три рыдванки сена. Последняя далась им особенно тяжело, её разгружали уже в девятом часу.

После работы пацаны пошли на отдых. Не прельстил их тёплый Урал своей водой. Пошли они неумытые, нечёсанные,

чтобы завтра снова выйти на работу. Везунчики! А Коленьке ещё чистить ферму.

Он поплёлся по выжженной земле, собирая ногами ухабы. На ферме Коленька взглянул на ненавистный ему коридор, приподнял тачку — и тут же ухватился за правый бок. Видно, живот поднатужил. Но работа не ждёт. И покатилась тачка, гремя одним колесом по ферме. Загрузив навоз, он отвозил его на поле. Дело шло к глубокой ночи. Раскидав навоз по полю, Коленька на последнем издыхании пошёл домой. Мать не спала, прибиралась в доме: суетилась над посудой, разливала молоко.

— Коля, я тебя искала. К председателю бегала. Сказали, тебя на сенокос забрали.

— Да, мамака. Забрали. Меня да Васюткиных. Возим сено теперь.

— Ты есть будешь, Коленька?

— Да, с обеда ничего во рту не было.

Мать подошла к печи, засутилась, положила в чашку картошки:

— Ешь, Николай, ешь, дорогой.

Николай осилил несколько штук, донося их до рта трясушимися руками. Заурчало у него в животе, заныло, не стал он больше есть. Встал Коленька и повалился в переднем углу на пол. Ивана не было дома, видно был у Дуськи. Коленька, свернувшись клубком, заснул. Ночью он стонал и покрикивал от невыносимой боли в животе и мышцах. А мать, уже не жалея Колюсика, не считая его маленьким, молча гордилась им как мужчиной.

Понеслись дни с этих пор так, что и не сосчитаешь. Считали-то эти дни они — те, кто был в советской власти, кто командовал войсками, кто ждал и боялся. А для Коленьки всё был один страшный, жуткий день. Ничем не мог он помочь

матери. За водой теперь ездила она сама, взвалив флягу на тележку, перебирая, будто колотушками, отёкшими ногами. Начиная с сентября от отца не было писем. Мать бегала узнавать на почту, несколько раз отправляла Коленьку, но всё без толку.

Коленька не переживал. Все чувства как-то притупились. Постоянная тяжёлая работа убивала надежды, страхи, опасения. И вот оно пришло — запечатанное со звездой страшное письмо, которого уже ждала мать. Уже ждала, уже понимала, что придёт оно. И, стиснув зубы, готовилась к нему. В письме значилось: Истомин Тимофей Фёдорович при отводе армии под Орлом пропал без вести. Что страшнее получать — похоронку или такое письмо, — не понятно. Похоронка ставит семью перед фактом. А без вести пропавший — эта постоянная до боли ноющая надежда, маленькая и очень часто призрачная. Это такая вера, которая ничем не подкреплена, это постоянная дрожь, постоянные мысли. А вдруг жив? А вдруг придёт?

В тот же вечер Настя собралась идти к бабке Прасковье, ведьме и гадалке, которая и жила тем, что ворожила. Собрала со стола остатки еды, сложила их. И вперёд — за надеждой. Мать пришла поздней ночью и сказала Коленьке так:

— Жив наш папка. Прасковья сказала. Не будем поминать, грех большой.

Вот и начала вся семья жить с надеждой, веря в слова старухи. Каждый день они ждали почтальона, который мог бы принести эти вести. Забегу вперёд, скажу, что даже 10 лет спустя после войны Настя продолжала ждать письма от мужа, каждый раз с волнением встречая почтальона, и так никаких известий не получила.

Но сейчас 41-й, и немцы движутся к Москве. И снова страшные вести пришли в их семью. Августовским утром

в 6:00 заглянул в дом почтальон и торжественно под расписку вручил повестку Ивану. Матери не было, она была на ферме. А Иван, как увидел повестку, весь затрясся. Судорожно расписавшись, он проводил почтальона. В этот день на работу он не пошёл, а направился к Дуське, чем ещё больше разозлил Коленьку.

А Коленька, как обычно, вычистил ферму и пришёл к обеду домой, чтобы взять воды на сенокос. Матери он о повестке не сказал. Посчитал, что это должен сделать Иван. А вышло так, что Настя сама увидела повестку в доме, прямо перед приходом Коленьки. Только он вошёл в избу, как встретил мать, которая рыдала, упав под иконами, и билась головой об пол.

— Колюсик, зови Ивана, — навзрыд кричала она.

Коленька побежал к Дуське. Зашёл в избу и увидел, как Иван развалившись на кровати смотрит вдаль, а Дуська хлопочет вокруг него. Коленька грубо сказал Ивану.

— Пошли, мамака зовёт.

Иван встал, отряхнулся, поцеловал пожирневшую Дуську и пошёл за Коленькой. Молча они пришли к своей избе. Мать к тому времени успокоилась и начала собирать Ивану еды в дорогу.

— Вот, Ванечка, и тебя забирают. Крепись. Молод ты ещё. Много не понимаешь. Садись отдохни перед дорогой.

Пока Настя накрывала на стол, Иван ходил, опустив голову, и всё спрашивал:

— Мамка, мамка, как же я там?

— Сможешь, сможешь, сынок. Домой живым вернёшься.

Большого Настя не могла сказать, до того ли ей было. Забирали ещё одного кормильца на фронт. Коленьке было жалко Ивана и стыдно за него. Но рассусоливать было некогда, он собрался и пошёл на сенокос. В этот день ему

и Васюткиным нужно было отвезти две рыдванки сена. Этого мало, но такую норму выставил председатель, чтобы к вечеру все родные могли проводить близких на фронт. Работа шла быстро, ребята торопились, чтобы вернуться домой и побыть несколько лишних минут с близким.

Вот и очередное собрание у клуба — провожают призывников. Провожать Ивана пришла мать, младшие братья и сёстры, Коленька и Дуська. Иван на семью обращал внимания мало, а всё больше стоял подле Дуськи, поглаживая её руку.

Мать не выдержала и сказала.

— Ты бы, Ванечка, со мной попрощался. Али я тебе не мать?

— Мамака, сейчас.

Но Иван так и не подходил. Сёстры играли в песке. Коленька сел и закурил. Коленька никогда не мог понять Ивана: как же так брат про семью забывает, что же в этой Дуське такого хорошего?

Председатель выступил с торжественной речью, которую повторял на каждых проводах. Призывники стали садиться. Иван подошёл к матери, уронил ей голову на плечо. Она его поцеловала в волосы — и всё. Такое прощание. Прощание навсегда. Коленька так и запомнил брата: странным, смешным Дуськиным подкаблучником. Но тогда все они жили надеждой, и каждый искренне верил, что Иван вернётся, отыщется отец, а проклятая война кончится победоносно.

После проводов Ивана время продолжало идти своим чередом. Иван писал им редко, зато Дуська через день хваталась на ферме, что получает от него письма.

Днями и ночами пропадал Коленька: приходил, валился на топчан и утром снова вставал. Мать он видел редко, а когда Коленька и Настя встречались, то от усталости говорить

у них не было сил. Поздним вечером они садились за стол, ели лук, репу и, если повезёт, картошку. Хлеб стал редким гостем в их доме. Коленька постоянно чувствовал урчание и головокружение, особенно по утрам, а его младшие братья и сестрёнки, один другого меньше, постоянно просили есть, жалобно плача у печки. Вот и печка, словно чуя недобрые голодные времена, покренилась и начала валиться.

Сенокос кончился, но работы по-прежнему было хоть отбавляй. Вместе с матерью Коленька весь август кружился то на ферме, то на элеваторе. С детьми теперь оставалась 12-летняя Мария.

Однажды поздним вечером Коленька сидел за столом, наклонив голову. Мать подошла к нему, погладила по жёстким волосам:

— Взрослый ты стал, Коллюсик.

Какая-то печаль нахлынула на него тогда. Ему захотелось схватиться за мамакину юбку, броситься ей на шею и рассказать, как он устал. Но Николай сделал по-другому. Он встал и сказал:

— Устала ты, мамака. Шла бы спать.

Призвали

Наступил январь 1942-го года. Завьюжило всю степь, колючий ветер завывал в поле, поднимал снежную пыль и гнал вдоль дорог. Страшна была зима 1942-го. Летом хотя бы ягоды да съедобные коренья отыщешь, а зимой остаётся гнилая картошка. Никто её не чистил, съедали картошку с кожурой, закусывая мороженой капустой из колоды, да ели так, будто на столе были самые дорогие яства — каждую кроху бережно собирали со стола и отправляли быстрее в рот. Чувство голода преследовало постоянно. Успокаивало

только одно: ночи становились длиннее, человек больше спал, и меньше ему надо было, чтобы выжить.

Зимой в колхозе работы для Коленьки почти не было. Коров угнали с летних пастбищ, и ферма пустовала. Лишь раз в неделю приходилось на быках ездить в район за кормами для овец. Коленька возил зерно в ту голодную зиму, но ни разу горсти пшеницы для себя не отсыпал. Не потому что боялся, а просто не мог себе это представить: как же он государственное добро будет брать. Всё-всё до зёрнышка он отвозил на ферму. Съездить раз в неделю в 20-градусный мороз в лаптях — это пустяки. Силы всё-таки, как летом, расходовать не нужно, вот Коленька и терпел протяжное посасывание в желудке.

А младшие сестрицы горько плакали от недоедания. Труднее всего приходилось сейчас им. В школу заставляли ходить в обязательном порядке — ликбез. «Учиться, учиться и ещё раз учиться», как говорил Ленин. Вот и шли они — в чулках не выше колен, в обмотках да лаптях — в школу. А холод стоял такой, что, когда доходили до школы, открытые ляжки под платьем горели от мороза. Помня народную мудрость «мороз не велик, да стоять не велит», сёстры бежали быстро. К обеду они возвращались обратно домой и готовили уроки.

Длинными зимними вечерами сёстры помогали матери ткать. Настя летом вырастила на огороде коноплю, спряла её и теперь делала дочерям платья при тусклом свете керосиновой лампы. Мария наматывала нить на навой, а Дуся следила за уточной нитью, в нужный момент продевая её в зев. Коленька помогал ухаживать за коровой.

Все ждали писем от отца, но тот словно сгинул. Под Рождество Иван написал, что его тяжело ранило в ногу под Москвой, кость раздробило, что в санчасть забрали его

с фронта. Все ждали от него новых писем. Настя молилась Пресвятой Богородице, прося дать сыну здоровья. Следующее письмо с известиями от Ивана пришло через две недели. Медсестра писала, что Ивану ногу ампутировали, у него началась гангрена, и жизнь его висит на волоске. Настя металась по избе, рвала на себе волосы и причитала перед иконой. Коленька переживал молча, понимая, что даже если Иван выживет, то будет калекой, который сможет только побираться. Трудно было представить его высокого, плотного брата с начёсанным чубом без ноги.

Прибегала Дуська каждый день узнавать новости. Как она услышала, что Иван без ноги остался, оторопела, широкие её мужские плечи обвисли. Но не выдала тогда Дуська своих мыслей, только как-то уж очень внимательна стала к Коленьке: то руку ему невзначай пожмёт, то сядет рядом. Через месяц с известием от Ивана пришло последнее письмо. Почерк был той же медсестры, она сообщала, что Иван умер, не приходя в сознание.

Коленька с Настей сели вечером перед лампадкой и помянули убиенного воина Ивана. А потом, чтобы отвлечь мать, Коленька перешёл на деревенские новости. Он начал рассказывать, что похоронки сейчас в каждый дом несут, в деревне нет дома, где не лили бы слёзы матери по своим убиенным сыновьям. Почтальона ждут, как святого, и по первому его слову заливаются смехом или впадают в нервную истерику.

<...>

Шло время ко дню рождения Коленьки. Ему должно было исполниться 17 лет. Как тут не вспомнишь строки запрещённой Марины Цветаевой:

Христос и Бог! Я жажду чуда

Теперь, сейчас, в начале дня!

О, дай мне умереть, покуда

Вся жизнь как книга для меня.

<...>

Люблю и крест, и шёлк, и каски,

Моя душа мгновений след...

Ты дал мне детство — лучшие сказки.

И дай мне смерть — в семнадцать лет!

Только Коленька Цветаевой не знал, смерти не хотел, и всё у него было не как у мечтательницы Цветаевой. Детство тяжёлое, как у всех деревенских, шёлка он в глаза не выдывал, а жить при этом он хотел страстно.

Настал день рождения, к вечеру все собрались за столом. Мать посадила Коленьку в передний угол, а ему как-то неудобно было на месте отца. Мать заплакала:

— Вот тебе, Коленька, исполнилось 17 лет. А отец твой не видит, какой ты стал помощник. И не знаю: увидит ли когда.

— Увидит, мамак, увидит. Вот посмотришь!

В переднем углу за столом сидел Коленька. Только не так широки были у него плечи, как у отца, не такой большой лежал кулак. Тоненький юноша с худыми, острыми плечами и выступающими вперёд рёбрами робко ёрзал на стуле. День рождения отметили картошкой и капустой, но по случаю праздника мать выдала всем по кусочку сахара. Коленька рассасывал его, положив на язык, и причмокивал как ребёнок. Давно он не ел сахара! Мелкие сахаринки попали между зубами, он прищёлкнул языком и ловко их высосал. Надо же, какое наслаждение! Вкус детства!

Через два дня после дня рождения утром пришёл почтальон и принёс Коленьке повестку на фронт. Для всех это было

такой неожиданностью, словно в мирной овчарне появился волк, словно в застывшем Урале раскололся лёд и понёс по устью горячий поток. Коленьке только 17 стукнуло! Мать зарыдала в голос:

— Не отпускаю тебя, Коленька. Должны разобраться же. Нет тебе ещё 18 лет.

А Коленька лёг поперёк кровати, плакал и ничего не говорил. Понятно, о чём он думал: было страшно, и жить ещё хотелось. Настя глянула на него, взяла платок и скорым шагом направилась к председателю.

Председатель встретил её по-душевному тепло.

— Как же это так? Почему Коленьке повестка пришла? Ему только 17 исполнилось.

Председатель задумчиво ответил:

— Ничего не знаю, Настя, надо ехать в район. Я помочь ничем не могу.

До района было девять километров, два часа пешком. Настя вышла от председателя и, не возвращаясь домой, пошла вперёд по дороге. Материнское сердце, словно сердце воробья под лапой кошки, бешено колотилось и хотело вырваться наружу. Показался районный центр, надо же как быстро, она и не заметила дороги. Вот уже военкомат. В помещении Настю подхватил поток снующих людей. Тут же привозили и увозили призывников. Настя пошла по коридору, зашла в первый кабинет и начала объяснять ситуацию.

Молодая барышня резко оборвала её:

— Я за это не отвечаю. Выйдите.

Настя пошла дальше по коридору во вторую дверь. Здесь её встретил юркий старичок, который расставлял папки по полкам:

— Нет, гражданка, это не ко мне. Освободите кабинет.

Настя вышла, и у неё полились вдруг слёзы обиды, тупая боль пронзала тело. Она вошла в третью дверь. Здесь её встретил толстый опрятный гражданин.

— Моему сыну повестка пришла, а ему только два дня как исполнилось 17. Разобраться бы.

— Вам гордиться нужно, что вашего сына на фронт забирают. А вы, мамаша, плачете. Отставить! Повестка пришла — собирайте призывника в армию.

И весь разговор. Настя вышла в коридор. Лицо её, которое от колючего ветра было красным, вдруг побелело. Мимо неё шли призывники, толкали её, а она, не обращая внимания, продолжала стоять, понимая, что уже сделать ничего не может. Настя вышла на улицу и побрела к Кузьминовке.

Тоска овладела ею, она шла и плакала, роняя солёные материнские слёзы. Они незаметно скатывались на снег и растапливали его горячей материнской любовью. Ей всё представлялось, как они с Тимофеем радовались рождению Коленьки. Вспомнилось Насте, как Николай однажды чуть не утонул в Урале, тогда Тимофей схватил его за волосы и вытащил из воды. Коленька, жадно хватая воздух, кричал и морщился. А потом Коленька заболел ветрянкой, и был у него жар. Настя не оставляла его, носила три дня на руках, поила чаем с малиной, смазывала сыпь, а когда Коленька поправился, в первый же день пошла на сенокос. Сколько лет минуло с тех пор, остались одни воспоминания. Теперь Коленька уже большой, только не знает ещё ничего о жизни. Как же такого несмышлёныша на фронт отправлять? Ивана было не так жалко, как Коленьку. Иван где-то схитрит, где-то обманет, с него было многого не взять. А Коленька — сама честность. Не смогла Настя его уберечь.

Придя домой, она села на кровать и начала говорить Коленьке такие слова:

— Сынок, ты себя береги. Смотри на рожон не лезь. Где-то отсидись, осмотрись. Труднее всего тебе будет, маленький. За нас не волнуйся. Мы зиму переживём. Мария с Дусей помогать будут. Ты, главное, себя береги.

— Мамак, я скучать буду, — как-то по-детски ответил он.

В дорогу Настя испекла пшеничных лепёшек из последних остатков муки, сварила картошки. А Коленька тем временем надел тулупчик и пошёл прощаться с родной деревней. Направляясь на ферму, он встретил братьев Васюткиных, с которыми возил летом сено.

— Колька, тебя на фронт забирают? — спросил старший Васюткин.

— Да, — ответил Коленька.

— Ну, прощай, брат. Авось ещё свидимся, — как будто на похоронах сказал Васюткин.

И Коленька побрёл дальше. Ему попался старый колодец. Сюда 40-летний Алибай бросился несколько месяцев назад, чтобы не идти на войну. Алибай переломал себе все ноги и сломал позвоночник. Теперь он был прикован к постели. Сменил шило на мыло! Алибая в деревне все осуждали. Уж лучше за Родину один раз сразиться, чем всю жизнь под себя ходить. Но сам Алибай и ухом не вёл: всё-таки жив остался. Только жена Алибая проклинала, когда ухаживала за ним, как за дитём малым. Взвалив на себя весь дом и малолетних детей, она с утра до вечера металась то на ферме, то по дому. Коленька обошёл колодец. Нет, он не трус, как Алибай. Он всё выдержит.

Коленька направился на ферму. Тоска завозилась червячком внутри него. Здесь он провёл свою юность, здесь напрягал свои жилы. Кому-то другому придётся теперь летом чистить стойла.

Коленька свернул к Уралу. Урал весь перемерз и сейчас под снегом казался ровной гладкой дорогой, какая разве что в городе бывает.

Коленька встал на лёд:

— Страшно мне, брат Урал. Прощаться пришёл.

Искушение и укорение таил в себе Урал. Вдруг Коленька словно почувствовал поддержку, стыдно стало за себя. Он воспрянул и прошептал:

— Буду бить фашистов за папку, за Ивана!

Вернувшись домой, Коленька собрал в дорогу обмотки, портки и по уже проторённой дороге вместе с Настей, сёстрами и братьями отправился к клубу. Здесь они постояли несколько минут. Потом он расцеловал их всех. Коленька был похож на заведённый механизм, всё делал машинально, чувства куда-то ушли, осталась неизвестность.

Убит

Коленька ехал в стареньком ЗИСе. С ним из Кузьминки было направлено ещё шесть призывников. Всем им было за тридцать. Они нарочито басисто смеялись и запевали: «Идут полки со славою за наше дело правое...» Рядом с Коленькой сидел дядька Остап, тракторист.

— Ну, Коленька, воевать едем, — сказал он. — Боишься?

— Боюсь, — тихо ответил Коленька.

Дядя Остап похлопал Коленьку по плечу и отвернулся к другим призывникам. Коленька провожал глазами застывший Урал и родные покрытые снегом степи. Потом юноша обнял колени и опустил голову, время для него вдруг остановилось. Вернее, всё, что дальше происходило с ним, казалось фантазией, сном. Когда приехали в районный военкомат,

призывников распределили по гарнизонам. Коленьку вместе с дядей Остапом и ещё семнадцатью призывниками отправили на Ржевско-Сычѳвско-Вяземское направление. Здесь, проиграв битву за Москву, немцы оборудовали плацдарм, на котором находилось до одной трети всей армии фашистов. Немцы называли Ржевско-Сычѳвско-Вяземское направление «трамплином для прыжка на Москву», «пистолетом, приставленным к сердцу России» — Москве. Здесь немец упорно оставался на месте, был напорист и жесток. Эти известия Коленька часто слышал по сводкам Информбюро.

Рядовых посадили на поезд и отправили к воинским частям. Коленька первый раз ехал в поезде, слушал стук колѳс, и в унисон ему билось сердце юноши. Первое время вдоль дорог он видел лишь бедные колхозные дома, женщин и детей на станциях. Когда начали приближаться к фронту, всё чаще и чаще встречались поезда, везущие грузовые машины и танки. Они производили на Коленьку устрашающее впечатление. Их везли сотнями, тысячами. Такие разрушительные силы и великую мощь своей Родины ему ещё не приходилось видеть. На прифронтовой территории начали встречаться похоронные команды, хоронившие погибших в медсанбатах здесь же, вдоль железной дороги. Убитых воинов раздевали, клали их на брезент и засыпали мѳрзлой землѳй. Словно отдавая погибшим дань почѳта и уважения, гудели поезда, проносившиеся мимо и спешащие на фронт с новыми бойцами.

Через три дня Коленька прибыл на фронт. Он сменил валенки на сапоги, рубаху на гимнастѳрку. Надевая старенькую шинель, он заметил заплатку в области сердца: видимо пуля сразу убила того, кому раньше шинель принадлежала. Коленьке выдали винтовку СВТ-40, он как-то неловко закинул её через плечо.

После обмундирования рядовых выстроили в шеренгу и строем отправили к передовой. Коленька шёл, путаясь в шинели, подёргивал за ремень винтовку. На передовой рядовых отдали в распоряжение взводного. Взводный — не по годам седой мужчина, как увидел Коленьку, отправил его в связисты:

— Сынок, будешь катушку разматывать по передовой. Какой из тебя солдат! Иди к связистам, они расскажут тебе, в чём суть.

Связисты Коленьке сказали, что следом за продвижением наших солдат ему необходимо тянуть провод по линии фронта и следить, чтобы его не перебило. Вот такая, как выразились выдавшие виды мужчины, плёвая работа. Наступления пока здесь не планируется, так что Коленька может осмотреться. А сами между собой зашептали:

— Какого ребёнка прислали. Что же это в тылу делается?

К вечеру бойцов накормили. Ужин был хорош. Коленька давно не ел каши с маслом. После ужина рядовые разошлись по блиндажам. Ночью Коленька вздрагивал от разрывающихся снарядов, гудения танков и самолётов. Дома, в Кузьминовке, ночи спокойные, сны снятся от этого хорошие. Разве что шальная собака своим воем может разбудить. За целую ночь на фронте Коленька так и не смог уснуть. Ему всё казалось, что он бредит в своей кровати дома.

На следующий день после завтрака Коленька вышел из блиндажа, встал на открытой местности, поднял голову к небу и начал любоваться пасмурными тучами, нависшими над землёй. Весна чувствовалась в этом прохладном мартовском воздухе. Под ногами слипались маленькие льдинки, похрустывали, ломались. Стояла невыразимая тишина, которая после бессонной ночи разливалась по всему телу. Вдруг

эту пронзительную тишину прорезал гулкий вой. Начался фашистский налёт.

Взводный кричал:

— Воздух, ребята, воздух! Ложись, прячься.

Юнкерсы низко летели над землёй, приближаясь к Коленке, и устрашающе выли. Чёрный крокодил, неповоротливый и тяжёлый, спикировал. Взрыв. Там. Здесь. Вокруг Коленьки. Коленька стоял как замороженный и смотрел на небо с ужасом. Снег с мёрзлой землёй вперемешку сыпались на него.

Дядька Остап кричал:

— Колька, ложись.

Но Коленька не двигался, а так и стоял, словно прирос к земле. Летели новые бомбы. Одна из них упала рядом с Коленькой.

...Ничего не осталось от жизни, некогда бившейся в теле. И где-то там, на востоке, вздрогнул Урал подо льдом, похоронив своего солдата.

Виктория РАДУГИНА

ПАМЯТЬ ЕЛОВОГО БЕЗМОЛВИЯ

Огромные, мохнатые, высоченные тёмные ели со свисающими тяжёлыми лапами, щедро, рясно усыпанными крупными длинными шишками, и великое множество сосен — «фирменный знак» Пруссии. Пруссия когда-то была отдельным государством, а не частью Германии, да и вся нынешняя Германия была отдельными лоскутками-странами, которые теперь зовутся «землями». Южане до сих пор называют население земли Берлин-Бранденбург и соседей по региону пруссами, а не немцами. Таких роскошных елей я не видывала нигде. Большинство — темнуще-зелёные, некоторые — голубые. И все — одинаково огромные, мохнатые, сказочные. Прекрасно сочетаются со сказочными домиками

в окрестностях городов и в чистеньких немецких сёлах, дремлющих среди хвойных лесов.

Сядем же в машину и умчимся от будней. В наш высокий, удобный автомобиль легко забираться людям большого роста. И путешествовать в нём интересней, высоко сидя — далеко глядя, засматриваясь, как я, на каждый сноп, на каждый поворот в лесную просеку, каждое озерцо и пашущуюся на лугу корову. Забуримся опять далеко-далеко в красивые пролески, в узкие просёлочные дороги, которые, как аллеи, обсажены по сторонам высокими и толстыми деревьями и даже на совсем безлюдных участках удивительно ухожены и симпатичны.

Укатим, куда глаза глядят, доберёмся и до других земель (*Bundesländer*), тут всё недалеко... Поедем по дальним тропинкам, соединяющим аккуратные сёла... Мимо плоских лугов с просматривающимися издалека, за многие километры, приветно машущими крылами, громадными, но дружественными ветряными «мельницами» — ветрогенераторами. Что-то в них есть и от «этого света» (ведь они заботливо собирают силу природного ветра на нужды народного хозяйства), и от инопланетян или вообще чего-то нефизического, неземного. Они как будто соединяют длинными крылами-пальцами земной мир с его хозяйством — и воздушный мир души, света, неба. Смотришь на медленно, грациозно поворачивающиеся лопасти — и кажется, вот-вот зацепится гигантское крыло за что-то эфемерное, что в тебе есть, за твой случайный вздох удивления от их вида посреди полей — и загребёт тебя в воздушные миры... Ты легко поднимешься — и растворись в этом высоком, прозрачном светло-лазорево-небе... И непонятно, страшно ли тебе от этого или, наоборот, легко, невесомо и приятно. А вдруг воспарившей душе понравится в том высоком измерении?..

Если много, а главное, внимательно путешествовать по земле Бранденбург, то обязательно почувствуешь эту невидимую, но чёткую связь: всего осязаемого, цветущего, живого, физического — и неземного, духовного, сакрального. Трагического, но просветлённого через годы. Это дух когда-то проходивших здесь нескончаемые километры сквозь леса и тропы советских солдат — шедших, истекая кровью, падая под пулями в еловую сень, стонавших от боли и нечеловеческого напряжения. Они шли за победой, только за ней, чтобы настигнуть врага прямо в его логове, чтоб наверняка. Шли, чтобы спасти свою страну и мир.

А сейчас эти же забывчивые ели и сосны бросают шишки в мох, как когда-то падали с неба пули. Но эхо боёв здесь по-прежнему обертоном, почти неслышно гудит за завесой птичьего гомона, за тихим шумом огромных еловых лап и за жужжанием солнечных шмелей. Могилы советских солдат встречаются в этих краях повсюду. И в соседних землях тоже. И большие захоронения — все в блестящем, торжественном граните, где лежат сотни и тысячи бойцов. Там стоят памятники освобождению человечества от страшного приговора — мирового фашизма. Там всегда лежат живые цветы. И маленькие островки захоронений — то в лесу, то в населённом пункте, скромные и почти незаметные, из пары десятков могил. Это могилы тех, которые «толкали от себя» тяжёлыми сапогами эти живописные километры мирного леса уже более восьмидесяти лет назад. Они не любовались этими прекрасными лесами и полями. Тащили, изнемогая, груз беды в сердцах, груз ответственности на плечах и горе за спинами. Груз неподъёмного горя разрушенных городов, осиротевших семей, убитых родных, потерянной юности, несбывшихся надежд.

Некоторые из этих захоронений, разбросанных по лесам и селениям, настолько малы, что стоит над ними только

неввысокий обелиск со скромной красноармейской звёздочкой. Но тем более обязанной я себя чувствую прийти или приехать километров за сто и посетить хотя бы некоторые из этих мест. Принести ребятам, которые лежат там, память и благодарность. Поклониться в пояс, отплатить хотя бы слезой тем, кого забросила судьба в эти незнакомые прусские дали да там же и оставила. Посетить покоящихся за тысячи километров от родной земли, под этими красивыми, но чужими елями.

Повисшая в воздухе тишина сосновых, буковых и еловых владений, тонущая в мягких моховых коврах, только глубже подчёркивает ужасающую память произошедшего на подступах к Берлину не так, в общем-то, и давно. Кровь впиталась в почву, слова и крики на русском языке давно растворились в кронах деревьев...

Указатели деревень написаны на немецком, тихая мирная жизнь идёт своим чередом. А как же быть с эхом? Оно не может замолчать навсегда. Будет гудеть над домишками как напоминание самой людской совести — как бы ни пытались в некоторых местах местные власти «прикрыть», замолчать, оболгать события исторической правды; затереть память о том, что вынуждена была пережить, перестрадать моя страна — не по своей воле, а по трусости, трагическому попустительству и предательству всего человеческого в себе народонаселения тогдашней Германии. Но есть и те, кто не даёт в обиду наши островки скорби и памяти, постоянно отстаивает, сберегает от забвения, следит за могилами павших из далёкого Советского Союза, приносит цветы.

Пять лет назад молодой берлинский фотохудожник Флориан Визорек создал галерею фотоснимков мемориалов-захоронений и памятников советским воинам в Восточной Германии и в Берлине. Назвал он её «75 лет, 75 советских памятников». В этой галерее есть фотографии больших

мемориалов и маленьких могил и памятников освободителям. Под снимками — пояснения, названия мест. Но больше потрясло ещё одно проникновенное произведение Флориана. Фотограф снял видеофильм прямо за рулём своего велосипеда, объезжая на нём несчитанные километры от памятника к памятнику, знакомя зрителей с захоронениями и мемориалами советских солдат. Повествование «сокращает» сами отрезки пути по лесам, лугам и населённым пунктам, показывая их в убыстренном темпе, и — замедляется в местах захоронения и славы павших. И от этого простого рассказа без единого слова, под редкие аккорды фортепиано и одинокий голос скрипки на всего нескольких нотах (музыка только к концу обретает силу, воет, гремит, и — внезапно стихает, превратившись в тихие отзвуки людского говора у памятников), от вида сменяющих друг друга стел, гранитных камней, табличек имён — длинных и не очень — слёзы стоят в глазах.

Ветерок шумит в высоких кронах бранденбургского хвойного великолепия, шепчет, передаёт послание душ сотен тысяч солдат, многие из которых и военными-то не были: не забывайте, люди, о нас... помните, как трудно и горько далось нам ваше счастье и спокойствие.

Сергей СИДОРОВ

ЗА ДЕНЬ ДО БУДУЩЕГО

Завтра наступило будущее. Именно то, о котором мы мечтали вчера: без войны, стрельбы, смертей и похоронок.

Но сегодня было настоящее, где нам приказано взять «языка», чтобы узнать о планах немцев, даже после капитуляции рвущихся к Праге. Нам — это четверым полковым разведчикам: лейтенанту Виктору Фугаеву, старшине Павлу Петренко, рядовому Сашке Клюеву и мне, капитану Фёдору Сидорову. Мы с Пашей и Витей родом с Урала, а вот самый молодой из нас, восемнадцатилетний Саня — москвич. Команду мы получили предельно краткую и ясную: «язык» должен быть штабником в звании не ниже майора. И это вполне понятно: только офицер в таком звании может гарантированно иметь доступ к данным об ожидаемом нами прорыве фашистов.

На задание мы выдвинулись, как обычно, в три часа ночи: самое время перехитрить вражеские посты и просочиться поглубже в расположение немцев. На передовой со стороны фрицев располагался небольшой городишко. Он, словно остров среди горных ущелий и отвесных скал, компактно разместился на небольшом плато. По нашим сведениям, больших сил противника в нём не было, посему мы планировали миновать его, не создавая лишнего шума.

С точки зрения фортификации, средневековые строители очень удачно и по-умному возвели замок, вокруг которого позже сформировался весь городок. С одной стороны в него вёл подъёмный деревянный мост, перекинутый через горную речку. С противоположной, откуда двигалась наша группа, мост был капитальный, каменный. Без него преодолеть глубокое

ущелье было бы невозможно. Других вариантов попасть в город, равно как и уйти из него, попросту не было.

— Фёдор, — раздался за моей спиной прерывистый шёпот Виктора, — в будке перед мостом часовой. Дрыхнет, скотина... Второй у парапета курит. Что делаем?

— Сделай так, чтобы он тоже уснул. Пусть потом голову ломает, почему вырубился.

Фугаев с задачей справился на раз, словно призрак возникнув за спиной часового. Уж сколькими приёмчиками он владеет, чтобы на время или навсегда отключить человека, я не знаю, но этого фрица усыпил моментально, сжав ему шею своей железной пятернёй.

На противоположной стороне моста часовых вообще не оказалось. То ли немцы были настолько самоуверенными, то ли нас ждал какой-то секретный караул. Чтобы избежать неожиданностей, мы каждый свой последующий шаг выверяли так, словно минное поле преодолевали. Но если тут и были предусмотрены патрули, то в такую тихую и безвёздную ночь они явно предпочли отсыпаться, что нам было лишь на руку, потому мы и продолжили беспрепятственно продвигаться по окраинным улочкам к разводному мосту.

Оказавшись в нужном месте, мы сначала подумали, что сбились с маршрута и вышли не там: моста перед нами не было. Только внимательно осмотревшись и ещё раз сверившись с картой, мы убедились, что шли правильно, а вот моста тут действительно не было... больше не было. Теперь на его месте виднелись лишь обгоревшие балки и остатки опор, торчавшие из реки.

Анализировать, кто уничтожил мост, было не время. Срочно следовало придумать, как перебраться через реку, чтобы не сорвать задание. И тут послышался звук мотора.

В нашу сторону двигался автомобиль. Мгновенно приняв решение, я шепнул друзьям: «Берём» — и показал на остаток балки, валявшейся неподалёку. Чтобы перегородить проезд, его вполне хватило. Прежде чем из-за поворота выехала машина, мы беззвучными теньями растворились в предрасветной серой пелене.

Автомобилем оказался «Хорьх» в полевой раскраске. Водитель в последний момент заметил препятствие и резко затормозил. Выбравшись наружу, он, чертыхаясь по-немецки, попытался сам сдвинуть обгоревшую балку. Безрезультатно. Тогда он вернулся к машине и обратился к сидевшему в ней:

— Господин штандартенфюрер, мне одному не справиться.

Что ему ответили, я не расслышал. Солдат же извиняющимся тоном продолжил:

— Не пойму, откуда это дурацкое бревно взялось. Вечером я тут проезжал беспрепятственно.

Должен сказать, что немецкий язык я знал почти в совершенстве. До войны с удовольствием учил его, а уже на фронте на практике отточил разговорную часть и стал пользоваться им, как родным. Так что в общении с вражескими «языками» у меня проблем никогда не было. «Не будет и сейчас», — подумалось мне, когда я услышал, кто находится в «Хорьхе».

По моему молчаливому сигналу ребята приступили к захвату. Виктор молниеносно оказался за спиной водителя, после чего тот как подкошенный повис на его руках. Павел же, отворив водительскую дверцу, влетел внутрь машины, одновременно нанося сокрушительный удар в челюсть офицеру, сидевшему на первом сиденье.

— Нокаут, — буркнул Петренко себе под нос и показал мне через лобовое стекло большой палец.

— Федя! — услышал я голос Виктора, который стоял возле недвижимого водителя с разведёнными руками. — Прости, но фриц хлипкий попался, концы отдал. Не рассчитал я.

— Ладно. Он нам не очень-то и нужен был. А вот его форма тебе, похоже, в самый раз придётся.

Затем, обращаясь уже ко всем, я сказал:

— Давайте-ка тело в багажник, а машину загоним вон в ту арку, пока нас не засекали. Только балку с проезжей части не забудьте сдвинуть.

То, что за аркой находился глухой двор-колодец, было нам тем более на руку. Пока мы снимали обмундирование с немцев, я прикидывал, как будем действовать дальше. Для начала велел Фугаеву переодеться в водительскую шинель и сапоги, натягивая которые он недовольно пробурчал: «Жмут маленько». Зато форма и обувь офицера мне пришлись в самую пору.

Потом я привёл в чувство связанного штандартенфюрера и задал вопрос: почему сожжён мост. То ли тот не вполне пришёл в себя, то ли пока не мог поверить, что его захватили в плен, но ответил сразу:

— Чтобы никто из гарнизона не смог уйти из города. Трусов будем расстреливать на месте.

— Какого гарнизона? — удивлённо переспросил я. — Здесь не должно быть ваших регулярных войск, только авангард.

Видимо, полностью придя в себя и поняв, что уже и так сказал лишнего, немец стиснул зубы и отвернулся, показывая тем самым, что больше говорить не будет. Его сообщение окончательно убедило меня, что тут что-то не чисто. Моё интуитивное желание разведать обстановку в самом городке теперь становилось насущной необходимостью.

— Паша, вы с Сашком остаётесь в машине. Место тут более-менее укромное. Если вас обнаружат, прорывайтесь на

ней с «языком» за каменный мост и ждите нас. Мы с Витей идём в город. Думаю, штандартенфюрера в лицо не все знают, так что постараемся разузнать подробнее, что тут происходит.

После этого мы без лишних слов и вопросов крепко пожали друг другу руки. Затем двое забрались в «Хорьх», а двое вышли на дорогу под видом патруля.

Буквально на второй улочке мы наткнулись на колонну танков и бронемашин. Стояли они вплотную друг за другом, так что поместилось их здесь достаточно много. Часовой возле одного из «Тигров» при виде высокого чина из СС вытянулся во фронт. Видимо, их действительно часто проверяют, подумалось мне. Значит, и наш немец тоже ехал с проверкой.

Дальше мы почти в каждом переулке встречали как боевую технику, включая пушки и миномёты, так и машины для личного состава. А на ратушной площади стояли ряды армейских палаток.

— Вот где живая сила расположилась, — тихо сказал Виктор.

Чтобы не привлекать к себе особого внимания, мы зашли в подъезд одного из домов, где и обсудили увиденное.

— Вот какая картина складывается, Витя. Похоже, немцы незаметно для нас умудрились сконцентрировать в этом городишке всю свою ударную мощь. Причём это какие-то фанатики, если не сказать — смертники. Самим себе путь для отступления отрезали.

— Да, уж, — продолжил Фугаев. — Силы тут немалые. И получается, что мы-то их отсюда никак не ждём: думаем, что они широким фронтом ударят. А они вона как, решили сконцентрированным кулаком врезать.

— Самое гнусное, что на нашем участке нет мощного заслона от такого «кулака». И посему надо нам, друг мой,

срочно возвращаться с этой вестью, чтобы к нам успели перебросить хоть какое-то усиление с других участков.

Только я произнёс последние слова, как с той стороны, где мы оставили машину с ребятами, раздались выстрелы.

— Чёрт, — вырвалось у меня, — засекли наших! Теперь бы им до моста добраться. Да и нам тоже.

Уже без особых предосторожностей, но стараясь не срываться на бег, мы оба заспешили к мосту. Утро было ещё очень раннее, но город уже начал просыпаться, а с ним и враги, заполонившие его. Способствовала этому и стрельба моих ребят. Я очень надеялся, что им удастся прорыв за мост. «Язык», которого они везли в машине, оказался весьма ценен. Но расскажет ли он про забитый под завязку фашистами город — вот вопрос. Так что добраться до своих с этим известием теперь обязательно должны и мы с Виктором.

В этот момент сердце моё сжалось вдруг от осознания того, что война-то не сегодня-завтра закончится, а друзья могут не дожить до победы уже прямо сейчас. Допустить такого я не имел права. О себе я не думал. Все мысли были только о них: Викторе, Павле и Александре. Ведь меня с ними столько связывало, и я им был многим обязан, включая мою жизнь...

* * *

Военные пути-дороги сложились так, что уже третий год рядом со мной воюет шурин. Это я про брата моей жены Виктора. На фронт мы с ним ушли в июне сорок первого года добровольцами, правда не одновременно. Потому и служить попали в разные части, но оба стали разведчиками. А зимой сорок третьего под Сталинградом, когда я собирал свою новую разведгруппу, его перевели к нам в полк.

Сказать, что я был рад такому пополнению — не сказать ничего. Фугаев ещё до войны стал одним из первых

в стране признанных мастеров джиу-джитсу. Если добавить к этому парашютные навыки и меткую стрельбу, то любые сомнения в его профпригодности для нашего дела отпадали сами собой. Мало того, его навыки не только обеспечивали нам безупречное выполнение поставленных командованием задач, но однажды спасли мне жизнь.

Дело было так. Весной сорок четвёртого группу под моим командованием забросили в тыл к белорусским партизанам. Надо было выяснить, что за сомнительное подразделение «народных мстителей» появилось в этих местах. Немцы уже практиковали создание псевдоотрядов, которые помогали им обнаруживать и уничтожать настоящих партизан. Нам предстояло разобраться, действительно ли сформировался новый отряд из местных жителей и окруженцев, или же в дело вступили враги.

Встречали нас после десантирования бойцы отряда «Полесье». С его командиром мне и до того приходилось встречаться. Это был проверенный и смелый человек, за голову которого немцы предлагали сумасшедшее вознаграждение. Но отряд был неуловимым, а его командир настолько хитрым и прозорливым, что врагу всё время доставались лишь пустые партизанские стоянки да минные ловушки на подступах к ним.

Именно с Сахно мы и разработали окончательный план операции, которую для себя стали именовать «Проверкой на болотах». «На болотах» — потому что неизвестный доселе отряд базировался хотя и неподалёку, но в таких непроходимых и топких местах, что связи с ним пока не установили.

К кроме болот нас вывел подросток из местных жителей, бывший в отряде связным и проводником. От него мы получили и схему прохода вглубь белорусских топей. Отряду же предстояло быть наготове и ждать нашего сигнала: жёлтой

ракеты, если мы нашли своих; красной — если это враги. Во втором случае нам следовало захватить командира лжеотряда и держаться до прихода партизан, для которых мы оставляли по пути специальные метки.

Поплутав некоторое время по зыбким кочкам и гатям, мы вышли на дозорных, которые забрали у нас оружие, но не обыскали, поэтому ракетница осталась у меня за поясом под гимнастёркой. В их сопровождении мы и дошли до лагеря — довольно широкой и светлой поляны, окружённой берёзами и осинами, среди которых виднелись землянки. В центре стоянки виднелось некое подобие лесной избышки. Скорее всего, когда-то это была одна из заимок местных охотников. Сейчас же в ней располагался штаб отряда, куда нас и подвели.

Из избышки вышли трое: коренастый усач в кожаной тужурке с португеей через плечо и в кубанке со звездой на голове; высокий, худой, словно мумия, человек в галифе и кителе без опознавательных знаков, но в офицерской фуражке; и вёрткий рыжеволосый парень в ушанке с красной ленточкой и овчинной безрукавке поверх гимнастёрки.

Старший дозорный обратился к усачу совершенно не по уставу:

— Вот, Михей Гаврилыч, задержали. Командира требуют.

— Требуют, говоришь? Ну, я командир. А вы кто ж такие будете?

Вопрос адресовался нам. Ответил я, давая понять, кто в нашей группе старший:

— Мы из-за линии фронта. Присланы на связь с вами. Только давайте продолжим дальнейший разговор без лишних ушей.

— А почему я должен вам верить? Может, вы провокаторы и засланы фашистами? — Михей Гаврилович, ух-

мыльнувшись, повернулся в сторону худощавого, словно ища у него одобрения.

Пришлось мне произносить очевидные истины про то, что если бы мы были от немцев, то почему же только втроём? Ведь если враги знают, где располагается этот отряд, то они давным-давно нагрянули бы сюда. А так нам помогло найти отряд руководство партизанского движения, которое заинтересовано, кстати, вовлечь и его в общее дело борьбы с оккупантами. Для этого нас и послали, чтобы со своей стороны на месте понять общую ситуацию, выяснить, как образовался отряд, каковы его боевые возможности и ресурсы, обсудить то, что уже удалось сделать, и ближайшие планы.

После такого своеобразного ликбеза командир отряда без лишних слов приказал дозорным отдать нам оружие и возвращаться назад, а нас пригласил в избушку. Внутри было довольно уютно, хоть и тесновато. Все расселись вокруг грубо сколоченного стола. Познакомились. Командиром отряда, как и следовало ожидать, оказался тот самый Михай Гаврилович. Он представил нам своего заместителя — худого в галифе.

— А это Семён, — кивнул командир на рыжего парня, — главный наш разведчик.

Я тоже представился и отдал Михею Гавриловичу текст специального обращения к партизанам Белоруссии, в котором советское командование призывало всех к объединению — так сказать, верительную бумагу за подписью и печатью. Пока командир изучал документ, я попросил его заместителя разрешить моим ребятам осмотреть лагерь и пообщаться с коллегами: взрывниками и разведчиками. Сопроводить их отправился Семён.

Как только Михай Гаврилович дочитал документ, я задал свои вопросы: когда образовался отряд, какова его

численность, кто входит в состав, хорошо ли вооружены? И главное, какие акции отряду уже удалось провести и где?

— Что ж, — пригладив усы, произнёс командир отряда, — начну с конца. За время существования мы захватили большой продуктовый обоз в деревне Яшкино, разбили моторизованную колонну, следовавшую из Мисевичей в Кашепаровку, а также взорвали состав с боеприпасами на станции Мулявино. Так что нам есть чем гордиться.

Дальнейшее я слушал уже вполуха. Всё по причине того, что ни одна из перечисленных акций не была зафиксирована в сводках партизанской активности не только у нас, но и в сведениях, полученных нашей разведкой у немцев. Значит, всё, чем хвастается Михей Гаврилович — липа, и доверять остальному тоже нет смысла, размышлял я. По всему выходило, что отряд этот не настоящий. А значит, одно из двух: или это немецкие прихвостни, или ушлые местные, которые на самом деле просто отсиживаются в лесу, чтобы потом предстать героями-партизанами, а не дезертирами.

Ребятам тоже многое показалось странным и каким-то постановочным: Павел, например, заметил, что боеприпасы складированы в новых ящиках, словно вчера с завода. Виктор же обратил внимание, что обувь у всех бойцов хоть была и разношёрстной, но ни у кого — рваной или сильно поношенной, что для нерегулярных подразделений по нынешним временам было редкостью. Об этом они успели мне рассказать, когда я под предлогом размять ноги тоже вышел на воздух. В том, что это оказалось не настоящее партизанское подразделение, сомнений больше не оставалось.

Действовать я предложил решительно:

— Захватываем избушку и командира. Даём красную ракету. Наша задача — продержаться до прихода партизан. Место удобное, простреливается во все стороны. Должно получиться.

Снова все собрались в избушке. Не присаживаясь за стол, я заявил Михею Гавриловичу:

— Нестыковка получается. Не взрывал никто состав в Мулявино. Нет таких данных даже у немцев. Что скажете?

Поняв, что раскрыты, псевдопартизаны больше не таились и попытались взяться за оружие. Если рыжего Семена Павел нейтрализовал сразу, то, пока я приказывал командиру поднять руки и зря не шуметь, сзади на меня с финкой бросился его заместитель. По всему, достал бы меня его клинок, не окажись проворнее Виктор. В невероятном броске ногами вперёд он провёл какой-то замысловатый приём и скосил нападавшего, словно молодую берёзку. Падая, тот ударился головой о скамейку и уже не поднялся.

— Что вы задумали? — подняв руки вверх, сквозь зубы спросил Михей Гаврилович. — У вас же нет шансов.

— Шанс есть всегда. Главное, как им распорядиться, — ответил я и выпустил из окна в небо красную ракету.

Это вызвало некоторое замешательство в лагере. Сразу три человека захотели войти в избушку, чтобы разобраться, в чём дело, но, сражённые моей очередью из автомата, попадали у входа. Тут же со всех сторон по бревенчатому домику стали стрелять другие. Поскольку внутри оказалось предостаточно оружия, включая гранаты, мы втроём достойно ответили и не подпускали к себе никого до появления бойцов из «Полесья» во главе с Сахно. Ему же мы передали и «Михея Гавриловича».

Так мы помогли партизанам разоблачить и почти полностью уничтожить вражеский отряд, а Виктор спас мне жизнь.

* * *

В отличие от Виктора, с Павлом Петренко мы воюем вместе с первых дней. До этого жили в разных местах. На фронте же сошлись друг с другом легко и сразу. А когда выяснилось, что у нас в тылу остались семьи, да ещё у каждого было по двое детей, — дружба наша стала ещё крепче. Небольшая разница была лишь в том, что я оставил с женой Люсей двух пацанов, а Петренко с войны дожидались на Урале жена, дочка и сын.

Паша с первых дней заинтересовался минным делом. Овладел он навыками минирования быстро. И так у него ловко получалось управляться со своим смертоносным хозяйством, что молва о нём как виртуозе-взрывнике разнеслась по всему фронту со скоростью радиоволны. В результате он стал первым членом разведывательно-диверсионной группы, которую мне было поручено собрать во время битвы под Москвой.

С тех пор мы и идём бок о бок по опасным тропам войны. Перерывы случались только на время лечения в медсанбатах и госпиталях. Пашу в левую руку зацепил осколок вражеского миномёта при освобождении Белоруссии. Меня же сначала легко контузило в сорок втором, а потом пуля застряла в правом бедре, найдя меня на Курской дуге.

Благодаря Петренко я тоже стал неплохим минёром. Так что, пока он залечивал свою рану, я замену не искал, пускал на воздух фрицев сам. Не без гордости скажу, марку уральских подрывников не уронил. Осечек не было.

Мы настолько сблизились с Павлом, что уже не раз представляли, как после Победы, в которую ни на минуту не прекращали верить с первых дней войны, наши дети познакомятся, а там, глядишь, его Валюшка с кем-то из моих сыновей создадут новую семью, нарожают нам внуков, и станем мы тогда фактическими родственниками.

— Представляешь, Паша, ездить будем друг к другу не просто как фронтовые друзья, а как сваты, — в очередной раз мечтательно произносил я.

На что будущий потенциальный родственник с подковыркой продолжал:

— Тебе чаще придётся ездить. Молодые-то будут у нас жить.

— Чего это вдруг?

— А того! Зачем им ютиться в вашей городской квартирке? У нас-то в селе и дом просторный, и коровка своя имеется. Да и заводов вокруг, как у вас, нет. Что ещё нужно, чтобы внуков здоровых вырастить!

Поскольку подобные разговоры велись всё чаще, а финал у них был один и тот же, мне оставалось лишь улыбнуться и развести руками:

— Ох, и хитёр ты, Петренко! Но спорить не буду. У вас так у вас. Лишь бы войну скорее закончить да приступить к исполнению этого плана.

* * *

Последним в мою группу влился Сашка Ключев. Это и не мудрено: он совсем пацаном попал на войну, приписав себе в сорок третьем году пару лет. То, что он, несмотря на малолетство — спасибо Осоавиахиму! — в совершенстве разобрался в различных моторах и классно управлял любой техникой, включая рацию, привело его в конечном счёте в разведку, а затем и к нам.

Свои умения Саня демонстрировал неоднократно. Помню, как-то раз достался нашему полку трофей — «Фердинанд» в леопардовой раскраске. Всё бы ничего, только заводиться он никак не хотел. Что там с ходовой частью самоходки произошло, неизвестно, но никому из штатных

технарей справиться с ней не удалось. А тут ещё, ко всему, к нам на передовую с целью рекогносцировки прибыл комдив. Увидел трофей и спрашивает комполка:

— Товарищ полковник, не на ходу ли техника вражеская?

— Никак нет, товарищ генерал-майор. Не заводится треклятая.

Комдив пристально посмотрел на «Фердинанда» и с досадой произнёс:

— Жаль! Мыслишка дерзкая у меня родилась. Да видно, не судьба ей реализоваться.

Наш полковник, скорее из вежливости, а не любопытства, уточнил всё же:

— Разрешите поинтересоваться, что за мысль? Вдруг справимся.

— Для этого сей «леопард» должен двигаться, а не стоять тут в качестве экспоната, — услышал он в ответ от комдива.

Наверное, тут бы всё и закончилось, не будь моя группа свидетелем этого разговора. Ключев всё слышал и буквально не находил себе места от желания обратиться к командирам. Умоляющим взглядом он смотрел на меня, словно спрашивал разрешения на это. Ну как я мог отказать? Раз Сашка рвётся в бой, значит ему есть что сказать.

Увидев мой разрешающий кивок, Александр сделал два чеканящих шага в сторону комдива и, приложив правую руку к пилотке, выпалил:

— Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться к товарищу полковнику!

Командир дивизии, на секунду опешив от такого лихого обращения, козырнул в ответ и сказал:

— Обращайтесь.

Клюев, не опуская руки, развернулся к комполка:

— Товарищ полковник, разрешите посмотреть «Фердинанда»!

— Что значит «посмотреть»? Тут вам не музей, рядовой, — с некоторым раздражением ответил наш командир.

Сашку это не смутило, и он продолжил как ни в чём не бывало:

— Я не из любопытства. Думаю, смогу его починить.

— Думаете или уверены? — спросил уже комдив, которому явно понравился этот энергичный боец.

— Уверен, товарищ комдив. Мы изучали их технику на курсах. Правда, в живую не видели. Но матчасть я сдал на отлично.

Обращаясь к полковнику, командир дивизии с улыбкой спросил, а фактически отдал приказание:

— Что, дадим шанс юноше?

После такого поворота комполка оставалось только сказать:

— Действуйте, Клюев. И не подведите ни себя, ни всю часть.

Сразу скажу, не подвёл Александр никого. Буквально за полчаса, пока комдив проводил совещание в штабном блиндаже, победил-таки он немецкую технику: завёлся «Фердинанд». Как Сашке это удалось — непонятно.

Зато сразу стало ясно, что генеральская задумка теперь вполне может осуществиться. И заключалась она в следующем. Для уточнения возможностей врага требовалось именно в районе нашего полка провести эшелонированную разведку вплоть до разведки боем с углублением в позиции фашистов. Задача обычно невероятно сложная и опасная, связанная с людскими потерями. Но при наличии в нашем распоряжении немецкой самоходки она становилась очень даже реальной.

Так и получилось. В сумерках мы смогли не просто подъехать к вражеским позициям, но и проехаться вдоль них, словно выбирая, где пересечь передовую, чтобы вернуться в «свой» тыл. Пока немцы отвлекались, чтобы разобраться, откуда на нашей стороне взялась их самоходка, курсирующая теперь перед ними взад и вперёд, другим разведгруппам тоже удалось подобраться к фрицам гораздо ближе обычного, а где-то и языка захватить.

Напоследок мы открыли шквальный огонь по окопам противника, лихо развернулись и рванули через нейтральную полосу к себе. Ответный огонь уже не смог причинить нам никакого вреда. Боевая задача была выполнена без потерь. Единственный, кто пострадал, да и то морально, — это Клюев, сильно расстроившийся, что ему не позволили самому вести починенную им машину. Словно компенсируя его досаду, комдив перед строем выразил Сашке личную признательность за отличную службу и велел внести его фамилию в приказ на поощрение.

* * *

... Нам повезло, по пути никто из повстречавшихся немцев не заподозрил в спешащих куда-то двух эсэсовцах лазутчиков и не помешал нашему движению. Срезая путь, мы выскочили к мосту не с той стороны, откуда к нему подъехал «Хорьх» — подъехал, но не проехал по нему, потому что его перегородил шлагбаум, за которым теперь расположился усиленный караул с пулемётом. Александр с Павлом вовремя сообразили, что в лоб им не прорваться, и остановились чуть поодаль. Похоже, пытались придумать другой вариант прорыва.

Долго думать им не позволили. Унтер-офицер с двумя солдатами направились к ним. Подпустив их почти к самой машине, ребята открыли огонь. Завязалась перестрел-

ка. Сложно сказать, чем бы она закончилась, не пояись мы с Виктором. Немецкая форма сбила с толку охранение моста, и нам беспрепятственно удалось сблизиться с ним настолько, чтобы можно было начать прицельную стрельбу.

Наше нападение заставило немцев ослабить атаку на автомобиль и перекинуться на нас. Главное, что они развернули пулемёт в нашу сторону. Поняв, что другого шанса может и не быть, Клюев — а за рулём был он — нажал на газ. Павел же не прекращал строчить из окна «Хорьха». Разогнавшись, машина протаранила шлагбаум, влетела на мост и через несколько мгновений преодолела его. Теперь очередь была за нами.

Закидав пулемётчика и остававшихся на мосту фашистов гранатами, мы совсем было расчистили себе путь для отхода, но именно в этот момент появились мотоциклисты с пулемётами в колясках. Теперь уже нам пришлось занять оборону на мосту и отстреливаться от наседавших фрицев. Положение складывалось — хуже некуда. Мы даже голову не могли приподнять из-за шквального пулемётного огня, не то что отступить.

Я лихорадочно думал, что предпринять. И вдруг наступила тишина, вместе с которой всё вокруг стало каким-то размытым, словно отступив на второй план. Я престал видеть не только немцев, но и Виктора. Зато слышал голоса. Они раздавались словно откуда-то сверху. Поскольку я никого вокруг себя не видел, то сперва подумал, что это сказывается контузия и в момент сильного душевного волнения у меня возникла галлюцинация. Помнится, о подобном и предупреждали врачи в госпитале. Но так как я не только отчётливо разобрал два различных голоса, но и уловил суть разговора, то версию своего бреда отмёл напрочь. А речь собеседники вели в том числе и обо мне.

— Коллега, зачем вы активизировали Замедлитель временного потока? — вопрос был задан глухим обволакивающим голосом.

— Я просто хочу окончательно разобраться, куда мы движемся, — послышался в ответ более молодой и звонкий голос. — Вы и так уже поступили нелинейно, продолжив военные действия немцев после полной их капитуляции. Теперь вы хотите повернуть всё вспять?

— Не вспять, а в сторону. На мой взгляд, такая мощная группировка войск не должна была просто взять и сдаться. И вообще, интересно экспериментировать, а не следовать канонам.

— Да, иногда нестандартный эксперимент идёт на пользу делу, но не за счёт же огромного числа людских жизней, которые по вашей милости уже неделю продолжают уничтожаться.

Не понимая до конца, что обсуждают собеседники, главное я уловил — идёт научный спор. И спорят они о войне.

— И чего же вы хотите? Остановить то, чего не остановить: прорыв немцев на этом плацдарме? Каким же образом? — посыпались вопросы в сторону молодого спорщика.

— Есть вариант. Вот почему я решил оставить в буферной зоне одного из русских. С его помощью можно попробовать прекратить ваш безумный эксперимент.

«Наконец-то, — подумал я, — и про меня вспомнили». Похоже, что и эти двое только сейчас обратили на меня внимание и поняли, что я слышал часть их разговора.

— Приветствуем вас, — услышал я сдвоенное обращение к себе.

Должен сказать, что я не понял, на каком языке со мной общались — скорее всего, ни на каком. Просто в моей голове раздавалась речь, а я её понимал. Я же ответил по-русски:

— Здравствуйте! Могу я поинтересоваться, с кем говорю, где вы и что происходит?

— Называйте нас, ну, скажем, Планировщиками. Где мы — не так важно. Увидеть нас вы всё равно не можете, так что просто слушайте. Подробно отвечать на третий вопрос нет времени. Вкратце скажу так. Я, например, хочу, чтобы идущая сейчас на Земле война наконец-то прекратилась, а вот мой коллега настаивает на её продолжении, поскольку один раз ему уже удалось повернуть ход её событий в обратную сторону. Это было в сорок первом, у вас под Москвой, — ответил мне голос молодого, так пусть и будет, Планировщика.

— То есть это вы остановили время? — осенило меня. — Так если вы можете делать такое, почему же вам не договориться между собой и просто взять да самим всё не переделать? Я-то вам зачем?

— Видите ли, Фёдор, кодекс Планировщика не предусматривает возможности реализации нами личностных поступков конкретных людей, — вступил в разговор второй Планировщик. — Проще говоря, мы лишь намечаем основные направления развития человечества, готовим, так сказать, почву для этого, настраиваем временные потоки. Иногда что-то корректируем, как сказал коллега. Но реализуют всё сами люди.

— А заставить человека поступить, как вам надо, вы разве не можете?

— Нет, это категорически запрещено. Мы не можем ни заставлять людей поступать как нам надо, ни менять их судьбу ради реализации наших планов.

— Что-то с трудом верится, при вашем-то могуществе, — не удержался я от того, чтобы высказать своё мнение.

В ответ раздался вздох молодого, который произнёс:

— Увы, поверьте на слово, но это так. За всю историю человечества был только один случай — с Иисусом. Среди нас до сих пор нет единого мнения: надо ли было его воскрешать.

Интересный завязывался диспут. Но я понимал, что в то же время мои друзья по-прежнему оставались в смертельной опасности. Пусть даже во временно остановленном времени.

— Так всё-таки чего вы хотите от меня? — повторил я свой вопрос.

— Коллега, идея была ваша, изложите её нам. Мне тоже весьма любопытно узнать подробности, — поддержал меня старший Планировщик.

Молодой выдержал паузу и начал:

— Я активизировал Замедлитель временного потока в момент, когда ещё возможна развилка: либо вы с друзьями возвращаетесь к своим, либо вы делаете то, о чём я скажу чуть позже. Принципиальная разница заключается в том, что в первом случае немцы безотлагательно ударят по вашим позициям, а вы, хоть и знаете теперь об их плане, ничего не успеете предпринять: очевидный перевес на их стороне. Следовательно, скорее всего, и вас, и ваших друзей убьют во время прорыва: фашисты озверели и не щадят никого. Сметя вас, они двинутся к Берлину, война продолжится, погибнет ещё масса людей. То, что может произойти дальше, будет зависеть уже не от вас...

— Давайте уже про то, что зависит от меня, — с нетерпением перебил я.

— Вы можете сделать так, что немцы окажутся в ловушке, которая заставит их буквально завтра сдаться без боя. При этом в живых останутся все ваши друзья и ещё масса солдат, — как ни в чем ни бывало продолжил Планировщик.

— А со мной что будет?

— К сожалению, вас не будет, совсем. Родным напишут, что вы пропали без вести, поскольку не найдут не единого вашего следа после того, что произойдёт.

Сказано это было так просто и без эмоций, что я по инерции, будто согласившись, уточнил:

— То есть я погибну? Из-за чего?

Молодой голос объяснил:

— Вы же видели, что совсем рядом с мостом расположена пороховая башня. Так уж повелось в средние века — располагать их на окраинах крепостей и возле мостов. Именно в ней, а точнее, в её подвале, фашисты разместили почти весь свой боезапас. По моему плану, если его взорвать, то не только башня разлетится вдребезги, а немцы лишатся снарядов, гранат и патронов, но и мост будет разрушен до основания. Про другой вы уже сами выяснили. Так что немцы окажутся в западне. Наводить переправы для техники — дело не одного дня, значит, завтра же советское командование сможет предложить немцам ультиматум: сдача без боя или полное уничтожение с воздуха.

— Да, при таком мощном взрыве вы просто растворитесь в огне, — констатировал другой Планировщик.

Теперь я понял, что меня ожидает, если я действительно соглашусь с планом молодого. Понял я и то, что эти двое не просто так ждут моего решения. От него зависит сам ход истории. А главное, жизни моих друзей и соратников. Альтернатива у меня была, честно говоря, не ахти: откажусь — погибну с большой долей вероятности, причём вместе с друзьями, соглашусь — погибну один и гарантировано, но другие будут жить.

— Как я попаду в арсенал? — задал я, наконец, вопрос, которым фактически оформил мой выбор.

Молодой планировщик, как мне показалось, облегчённо вздохнул, а затем подробно рассказал, как проникнуть в Пороховую башню через потайной ход.

Поскольку я больше ничего не спрашивал и ничего не просил, он лишь уточнил:

— Итак, вы готовы?

В ответ я молча кивнул...

... Через мгновение реальность вернулась. Под всё тем же шквальным огнём я подполз к Фугаеву и сказал:

— Слушай, Витя. Слушай внимательно. Я сейчас отвлеку немцев, а заодно наведу кое-куда. Ты же сделай всё, чтобы добраться до машины живым. Что передать нашим — знаешь, да и офицер подтвердит наши данные. Деваться ему будет некуда.

— Федя, что ты задумал? Давай вместе...

— Приказы не обсуждаются, шурин ты мой дорогой, — прервал я Виктора. — Единственное, что прошу: не бросай моих, если что.

После этого я обнял друга и родственника за плечи и откатился к перилам моста. Уже оттуда крикнул ему:

— Как только брошу гранаты, отступай! Я поддержу огнём.

Две лимонки, брошенные мной, дали возможность мне добежать до начала моста, где начинался спуск под его опору, а Виктору — начать отступление. Не жалея патронов, я стрелял, пока он не оказался на безопасном расстоянии, а затем и сам скользнул вниз, под мост.

Оказавшись под опорой, я понял, почему за сотни лет никто не открыл этого хода в Пороховую башню: до него надо было карабкаться опять вверх, но чуть левее спуска с моста. В общем, не зная, куда лезть, — не доберёшься. Я — знал.

В арсенал вёл узкий тоннель, входом в который служила не дверь. Это был скорее люк, только стоящий вертикально. Отворился он хоть и не сразу, но без скрипа. Средневековые мастера сработали на совесть. Пригибаясь и выставив вперёд руку, я двигался вперёд, пока не наткнулся на фальшстену — она загораживала подземный ход изнутри. Вот почему и немцы, складирова боеприпасы, не могли его обнаружить. Я легко выбил препятствие плечом и сразу увидел стеллажи ящиков со снарядами, минами, гранатами и патронами.

— Ну что же, капитан Сидоров... — сказал я самому себе вслух, отдавая последний приказ и выдёргивая чеку из лимонки. — Действуй!

Пока граната была ещё в руке, я вдруг отчётливо увидел, словно на экране перед собой, как Виктор после войны заменил моим пацанам отца; как у Павла родились ещё две девочки, а его дочь Валентина не только познакомилась с моими сыновьями, но и вышла потом замуж за младшего — Юрку — и родила моего внука Серёжу; как Сашка обзавёлся своей семьёй и родил дочку, которую назвал Катей; как потом она стала женой Сергея и у них родились уже мои правнуки...

И последнее, в чём я окончательно уверился, разжимая ладонь, — что если уж не наши дети, то внуки точно напишут о тех, кто сложил свои головы за день до будущего.

Ирина ЧЕЧУЛИНА-СОБЕЩАНСКАЯ

АХ, АРБАТ, МОЙ АРБАТ...⁴

Из цикла «Пять рассказов о войне»

Когда прошло 50, а затем и 60 лет после Великой Отечественной войны, ветераны в последние годы жизни рассказывали подчас необычные фронтовые случаи, которые не всегда отражались на страницах официальной хроники. Ключевой путеводной нитью в создании этого и других рассказов послужили слова поэта-фронтовика Анатолия Байкова из Наро-Фоминска: «Потомки, память сохраните о тех, кто победил войну».

*Для нас, потомков, мила и любопытна
и самая малейшая черта
из жизни наших предков.*

*Офицер А. Т. Болотов,
с 1758 по 1762 г. служивший в Кёнигсберге⁵.*

Время течёт стремительно. Подчас будничные, повседневные дела недавнего прошлого по прошествии всего нескольких десятилетий воспринимаются новыми подрастающими поколениями, по слову великого поэта Пушкина, как «предания старины глубокой» — далёкие, «канувшие в вечность» события. Наши родители мало рассказывали

---

⁴ Из текста песни Булата Окуджавы.

⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738-1795. Т.1. Спб., 1875; Щерблыгина И.В. Андрей Тимофеевич Болотов: Гармония души и мира. Монография. — М.: Андреевский флаг. 2003. С. 38. — 288 с.

о Великой Отечественной войне. Им было трудно вспоминать тяжёлые испытания. «Не дай тебе Бог пережить такое... И сам не знаю, как я выжил... Много раз должен был умереть, но почему-то оставался в живых...», — это почти всё, что отвечал мне отец. Примерно так же говорил житель Арбата, отец нашего школьного товарища: «Несколько раз погибал рядом со мной почти весь наш артиллерийский расчёт, конная полковая артбатарея 76-миллиметровых пушек. Я помню все могилы боевых друзей, которых приходилось хоронить по пути в Берлин...».

В 1965 году, через 20 лет после окончания войны, день 9 Мая стал государственным праздником, на торжествах чествовали ветеранов, которых год за годом становилось всё меньше и меньше. Все стремились оказаться 9 Мая в том доме, где ещё были живы фронтовики — непосредственные участники событий. Важно было просто побыть с ними рядом, послушать их рассказы. Почти сорок лет мы приходили в гости к нашему школьному товарищу, отец которого Кирилл Константинович Берендс, кавалер Ордена Славы I степени, прошёл пешком от Ельца до Берлина и Праги.

Однажды, в радостный день 65-летия Победы, придя поздравить ветерана, мы застали его в слезах. Как оказалось, его обидела незнакомая девушка в метро, когда в предпраздничный день он ехал на работу, надев пиджак с боевыми наградами. Личного автомобиля у ветерана никогда не было, он ежедневно до 92-летнего возраста ездил на работу в общественном транспорте. Девушка, увидев пожилого человека с орденами, громко сказала на весь вагон: «Настоящие участники войны давно в земле лежат, а в живых остались одни интенданты, которые были в тылу и не воевали на передовой!» Тогда мы впервые увидели, как плакал ветеран...

*Старший лейтенант К. К. Берендс,
сентябрь 1945 г.*

В тот день Кирилл Константинович поделился с нами своими сокровенными размышлениями: «Когда я задумываюсь, почему я выжил, и пытаюсь понять, что много раз спасало меня от смерти в самых безвыходных ситуациях, мне почему-то всегда вспоминается одна и та же картина детства. 1928 год. Мне пять лет. Мы с мамой на извозчике едем с Арбата на Брянский вокзал, а оттуда на

поезде до Калуги. От станции железной дороги телега, запряжённая одной лошадью, привозит нас на окраину села. К нам выходит старенький монах с ясным взором синих глаз, беседует о чём-то с мамой и кладёт тёплую руку мне на голову, благословляя меня. Ощущение этой тёплой руки на голове несколько раз возникало у меня на опасных поворотах фронтовых дорог. С годами я чувствую — всё больше и больше растёт во мне уверенность, что благословение этого старца, имени которого даже не помню, не раз спасало мне жизнь».

Из десятого класса выпуска 1940 г. арбатской школы, где учился Кирилл Константинович, вернулось с войны два фронтовика.

Летом 1941 года начались регулярные налёты немецкой авиации на Москву. Воздушные траектории движения бом-

бардировщиков Третьего рейха с большой точностью совпадали с направлением движения сухопутной наполеоновской армии в 1812 году вдоль Старой Смоленской дороги. Самолёты летели с западных аэродромов и иногда сбрасывали свой смертоносный груз в западной части Подмосковья. Но одной из главных целей этих налётов была Москва, а именно Кремль, где располагалась Ставка Верховного главнокомандующего. Высокую колокольню Ивана Великого на Соборной площади Кремля специально замаскировали, чтобы она не служила ориентиром для вражеской авиации, в изобилии сбрасывавшей с неба на город зажигательные снаряды.

30 сентября немецкие войска 2-й танковой группы армии «Центр» нанесли удар по войскам нашей 50-й армии на Брянском фронте. Началось сражение, которое немецкое командование самоуверенно назвало операцией «Тайфун», не сомневаясь в скором завершении этого мощного наступления. Гитлер в приказе по Восточному фронту самоуверенно подводил итоги: «Создана наконец предпосылка к последнему огромному удару, который ещё до наступления зимы должен привести к уничтожению врага... Сегодня начинается последнее, большое, решающее сражение этого года...»⁶.

Деревянные перекрытия на крышах довоенных домов в Москве были подвержены лёгкому возгоранию при попадании зажигательных бомб, которые в России вскоре стали называть «зажигалками». Это «чудо» немецкой пиротехники, по замыслу его разработчиков, могло бы наносить максимальный ущерб жителям столицы, создавая очаги пожаров.

Особо повышенная плотность бомбёжки «зажигалками» наблюдалась в районе старинной улицы Арбат,

---

⁶ А. М. Василевский. Дело всей жизни. М.: Издательство политической литературы. 1974. С. 153-154.

являвшейся продолжением Старой Смоленской дороги, непосредственно ведущей к Кремлю. Осенью 1941 года для населения московского жилого района Арбат быстро вошло в привычку находиться по ночам на крышах своих домов, чтобы не дать разгореться пожару. Горожане сообща определили, что самое действенное средство — это непрерывные дежурства, чтобы вовремя погасить с помощью песка или даже сбросить вниз на землю залетевший на чердак или крышу дома зажигательный снаряд. «Зажигалок» вскоре перестали бояться и научились отважно им противостоять, но фугасные снаряды приносили неотвратимые беды.

Житель Каковинского переуллка вблизи Арбата с 1923 по 2003 год, правнук участника сражения при Бородино, ветеран Великой Отечественной войны Кирилл Константинович Берендс к лету 1941 года успел окончить первый курс Московского авиационного института и имел «бронь» от службы в действующей армии как учащийся по специальности оборонной промышленности. После окончания Битвы за Москву он добровольцем уйдёт на фронт, пройдёт пешком от Ельца до Берлина и Праги в составе армии маршала Конева, а после напишет свои ценные личные воспоминания, начиная с первых дней войны, в том числе о бомбёжках Арбата.

В 1980-е годы ветеран в кругу друзей, собравшихся в его старинной арбатской квартире в День Победы 9 Мая вспоминал:

«Через месяц после начала войны, в ночь на 22 июля 1941 года в Москве была впервые объявлена уже настоящая боевая воздушная тревога. От выстрелов, разрывов снарядов и взрывов бомб стоял в городе оглушительный грохот. Были первые нацеленные падения со взрывами вражеских фугасных и зажигательных бомб. Было множество огней

в небе, очагов огня на земле и зарева от пожаров. Были в ту ночь в Москве первые разрушения и человеческие жертвы. В городе ещё мало было бомбоубежищ, и станции метро ещё не были для этого приспособлены, поэтому большая часть москвичей, разбуженных сигналами воздушной тревоги, находилась в своих квартирах. Люди выходили на улицы, собирались толпами, волновались и переживали случившееся. Вот и сюда пришло дыхание войны.

На следующий день Москва переменялась: город маскировали: раскрашивали, застраивали и заставляли различными макетами, очищали от лишних предметов и всякого мусора чердаки и подвалы домов, оборудовали чердаки для наблюдения за воздушным противником и тушения зажигательных бомб, подвалы приспособляли под укрытия для защиты людей. Заготавливали средства для тушения пожаров и инструмент для спасения людей из-под обрушившихся домов, необходимые препараты для оказания пострадавшим и больным первой медицинской помощи. На территории дворов многих домов сооружались лёгкие земляные укрытия.

В памятный день 30 августа 1941 года большой фугасный снаряд, сброшенный с немецкого бомбардировщика *Ju-88*, который называли «заряд смерти», залетел прямо в центр Москвы и упал на Арбате, непосредственно в помещение театра им. Евгения Вахтангова. Близко расположенные жилые дома оказались сильно повреждёнными: сорваны крыши, сбиты с фасадов архитектурные детали и украшения, напрочь выбиты окна, сорваны со своих мест внутренние стены и перегородки, повреждены полы и потолки; погибло немало людей. Сброшенная на театр бомба была весом в 1 тонну, она прошла через крышу и разорвалась в центре зрительного зала. Разрушения были огромны, чудом

уцелели главные стены и фасад здания, выходящий на Арбат, всё остальное превратилось в пыль и туман»⁷.

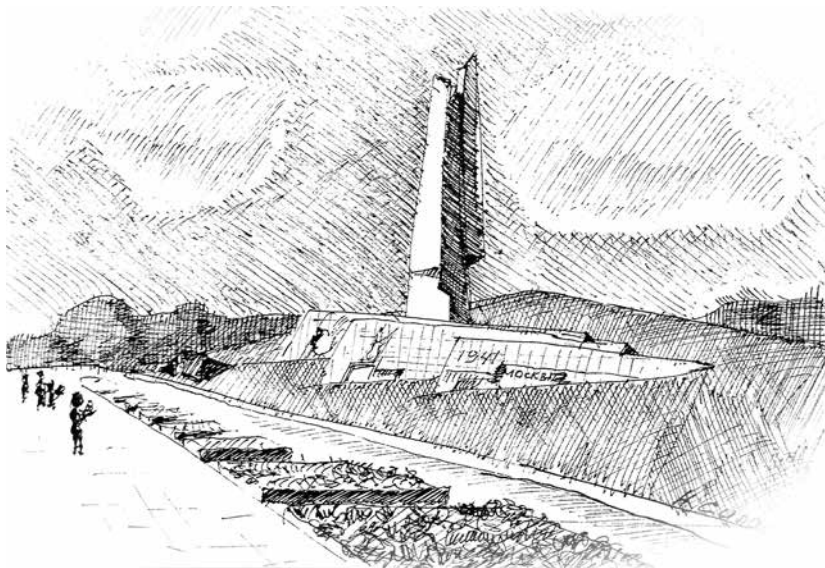
24 июня 1945 года в Москве состоялся Парад Победы. Для участия в торжествах в Москву вылетел из Берлина военный комендант города генерал армии Горбатов Александр Васильевич. В книге воспоминаний «Годы и судьбы» генерал записал то, что его наиболее впечатлило из увиденного тогда в городе: «Несмотря на то, что война закончилась всего сорок суток назад, столица выглядела по-праздничному; улицы были переполнены людьми, их радостные взгляды были полны благодарности ко всем встречающимся военным, и всюду чувствовалась уверенность, что скоро мы залечим раны войны, на пепелище построим ещё лучшие, красивые дома, которые наполнятся достатком и радостью»⁸.

Вскоре на вокзалы Москвы всё чаще стали прибывать и с запада, и с Дальнего Востока поезда с солдатами, что возвращались с войны домой.

---

⁷ К. К. Берендс. Дедушка, расскажи о войне... М., 2015 г. Рукопись.

⁸ А. В. Горбатов. Годы и войны. Воениздат. М. 1989. С. 346. – 366 с.

И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ

Стихи

Юрий ВЛОДОВ

(1932–2009)

***

Сгорел в подбитом старом танке,
Останки вылизал огонь...
И мать на дальнем полустанке
В сундук поставила гармонь.
И прикорнула на лежанке,
Фитиль убавила на треть —
И снова сын в горящем танке!
Все сто ночей ему гореть!..
И тысячу ночей гореть!..
Ни отдохнуть, ни умереть!

***

Солдат любим седой старухой,
И молодой женой-стряпухой,
И малыши детьми...
Солдат врубился в голый пламень! —
И превратился в голый камень!
Попробуй — обними!..

Василий ГРУБОВ

НА ВОЙНЕ Я НЕ БЫЛ

На войне я не был — и понятно:
Много лет спустя я был рождён.
Только в мае каждом многократно
Вижу почему-то странный сон:

На войне я всё же был как будто.
И не зря мне снится по ночам:
То я в танке, пешим, на попутке,
То в траншеях, по госпиталям...

Не дают покоя, ноют раны
Те, которых не было и нет...
На войне я не был, как ни странно,
Но прожекторов мне снится свет,

Да истошно твякают зенитки.
Юнкерс пойман в крестике лучей!
Я боец, который не был в списках
Брестской, да и многих крепостей...

Я солдат, шагнувший храбро в вечность,
Я носитель тысячи имён.
Пепел я из бухенвальдской печи,
Вознесённый в рай без похорон...

Я — безвестно канувший в историю.
Я — замученных предсмертный стон.
Неумолчный глас из крематориев.
Колокол, звонящий в унисон

С памятью, не проходящим горем,
Болью ноющих смертельных ран,
Со слезами вдов, которых — море!
В шествии «бессмертном» ветеран.

Я исчез — не числюсь среди погибших,
В списках не присутствую живых...
Не зачистит Русь пока фашистов,
На путях плутать мне фронтовых.

Иван КОЛЕСНИКОВ

ДЕДА НЕ ВИДЕЛ

Моему деду Фадею Наумовичу Колесникову

Хоть и родился я namного
Поздней, чем кончилась война,
Безруких видел и безногих,
И боевые ордена,
И моложавых ветеранов
От роду тридцать-сорок лет...
Однажды как-то я в чулане
Увидел Сталина портрет.
Я любовался тем портретом,
И почему-то мнилось мне,
Что воин, именно вот этот,
Был победителем в войне.
И про усатого солдата
Просил я взрослых рассказать,
Но молча унесла куда-то
Портрет рассерженная мать.
Я бабушку спросил на ухо:
«Быть может, это был мой дед?»
Но та ответила мне сухо,
Тайком перекрестившись: «Нет!»
И больше обсуждать не стали,
Какой ценой далась война,
Кто был такой товарищ Сталин,
На ком и в чём была вина.
Мне позже снился победитель,
И про войну я видел сны,
Но деда так и не увидел,
Он не вернулся с той войны.

Виктор КОЛЛЕГОРСКИЙ

ЭХО ВОЙНЫ

Дмитрию Кедрину

Грызть железную просфору...

Мать Мария⁹

Дождись железной просфоры!..

Дмитрий Кедрин¹⁰

Строки провидческой Марии
В горниле бедствий ты не знал,
Но, повторив её в России,
Ты сам судьбу свою избрал.

Знать, уготовал смерть на деле
Стих о железной просфоре
Ей — на Страстной вкусить неделе,
Тебе — в злосчастном сентябре.

16-17 марта 2017

---

⁹ *Мать Мария* (Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева) — замечательная русская поэтесса, героиня французского Сопротивления, погибла в Равенсбрюке 31 марта 1945 года.

¹⁰ *Дмитрий Кедрин*, один из моих любимых поэтов, погиб 18 сентября того же 1945 года.

Кабриолет

Не об одном печалюсь лете —
С прохладой зимнею в ладу —
И в стужу мы в кабриолете
И в зной палящий — на ходу,

Чтоб вновь, как Лермонтов в телеге,
Огни всё тех же деревень
Встречать, вздыхая о ночлеге,
Пронзая взором ночи тень,

Иль в лёгкой пименовской дымке
По новой разъезжать Москве,
Где пешеходы-невидимки
В рассветной тают синеве.

Меж танков, брошенных в кювете,
Под пушек беспрестанный вой —
Всё в том же мы кабриолете¹¹
И на дороге фронтовой¹².

И новый гений с пылу, с жару,
Не забывая о Москве,
Изобразит нам и Самару,
И Тверь, и город на Неве,

---

¹¹ Имеется в виду знаменитая картина Юрия Пименова «Новая Москва» (1937), где изображена молодая женщина за рулём кабриолета.

¹² «Фронтальная дорога» (1944) того же Пименова, своеобразное повторение композиции «Новой Москвы», но в иных, военных, обстоятельствах.

Юрий Пименов. «Фронтальная дорога»

Вновь из окна кабриолета
Волшебной кистью в полный рост
Из дымки выхватив рассвета
Фонтанку иль Дворцовый мост,

Чтоб от ступенек Эрмитажа
В Антверпен, в рубенсовский дом, —
Нам не в закрытом экипаже,
А так и мчаться с ветерком,

Персея с Андромедой¹³ ради
Встав под заветное окно,
Где на трёхъярусном фасаде —
Пусть в камне — то же полотно.

9–15 июня, 1 ноября 2016

---

¹³ Композиция будущей эрмитажной картины Рубенса «Персей и Андромеда» была повторена им на фасаде своего дома в Антверпене (ныне Дом-музей Рубенса).

Ландау

Ландау — лев и светский, и советский,
Ежовских не избегнувший застенков,
В неистовствах любви — хан половецкий,
В них различая тысячи оттенков.

Кому — Непрядва, а кому — Каяла,
Кому костями с дружиной лечь на Калке,
Иль безымянная какая доконала
Стugna, Дубна, не с ядерной ли свалки

Текущая под волжский бережок
По жилам гения. Природа не скупится
И нового создаст без проволочек
Нам Пушкина, глядишь, или Капицу,

Но чаще — Муссолини с Аль Капоне,
Маньяка захолустного Адольфа —
Да мало ль гениальной шелупони! —
В спасительную Англию Рудольфа

Свалившегося, лет до ста в Шпандау
Почти что дотянувшего, Востока
Всех деспотов, а вовсе не Ландау,
Не Моцарта, не Бергмана, не Блока,

И уж не Кору любящей укору —
Марии лик под пальмами Сиона
И вечность, где другой он ловит Кору
Минутный взор прощальный с Парфенона.

28–30 марта 2013

Шостакович

С Катериной вместо Карменситы,
Сам себе — Сен-Санс и Персимфанс...
Вальс прелестный из Второй сюиты,
Ангельский из «Овода» романс.

Как Бетховен некогда — Девятой,
Памятник воздвиг себе — Седьмой,
Чудотворной молнией крылатой
Над блокадной просиявшей тьмой.

1-2 октября 2022

Цветаева

...И страшно не участи мужа,
Едва ль её участь не хуже —

Зреть тьму, поглотившую дочь.
О, есть ли беззвёзднее ночь?!

Уж ей на земле не житьё.
И жаль не себя самоё —

Жаль милого сына, который,
Вернувшись в недобрую пору

С ней вместе на круги своя,
Погибнет за други своя.

Марина МЕРЦАЛОВА

Памяти моего деда С. Г. Михалина

***Михалин Сергей
Гаврилович***

Родился в 1910 г., жил и учился в Москве. К началу войны имел два высших образования: юридическое и экономическое. На фронте был политруком 874 сп 282 сд СЗФ.

Погиб под Ленинградом 19.07.1942 г. Ему было 32 года.

ИЮЛЬ 1942 г.

Лето в разгаре военное.
Сводки по волнам эфира.
Деда записка бесценная
В коробочке из-под зефира.

Сердце его геройское
В схватке с блокадным адом.
Где-то село Никольское.
Где-то под Ленинградом.

Тихая низкая травушка.
Свечи таганского храма.
Тридцатилетняя бабушка.
Девятилетняя мама.

НОВАЯ КАТЮША

Расцветала ягода малина,
Ветераны вышли поутру,
Чтобы спеть про то, как до Берлина
Под «Катюшу» гнали немчуру.

Пиджаки надели с орденами,
Фронтовые приняли сто грамм,
Закусили русскими блинами
Петя, Вася, Гиви и Абрам.

Ты лети до самого Рейхстага
И аукнись через океан,
Песнь о том, как русская отвага
Прикурить за всё дала врагам.

Выходили правнуки героев
И несли портреты высоко
Тех, кто планы вражьи порасстроил,
Хоть и было это нелегко.

Полк Бессмертный, прадеды и деды
По стране идут за рядом ряд —
Это внуки и правнуки Победы
Под «Катюшу» вышли на парад!

Я ПОМНЮ С ДЕТСТВА

Я помню детства сны кошмарные:
Как после фильмов про войну
За мной гнались войска ударные,
И я почти уже в плену.
Хочу бежать — а ноги ватные,
Хочу взлететь — и не могу,
А фрицы близятся отвратные,
Во тьме стреляя на бегу.
Меня, от ужаса застывшую,
Они готовы затравить
Овчарок сворою охрипшею,
А после этого добить.
И тут я делаю усилие
И набираю высоту,
Как бы невидимые крылья
Меня уносят за версту.
И от такого надувательства
На фоне дыма и огня
Внизу я вижу замешательство
У них по поводу меня.
А я парю ночью ведьмою,
Ни штык, ни пуля не берёт,
И хохочу как дикий медиум,
События зная наперёд.
И бормочу под нос в ударе я,
Хоть мне расправую грозят:
«А всё ж Егоров и Кантария
Флаг над Рейхстагом водрузят!»

ноябрь 2018

Людмила ОСОКИНА

***

...И подступают даты.
Родные имена.
Давно ушли солдаты
В другие времена.

Победа бьёт набатом,
Салюты вновь зажглись.
Но нет дорог солдатам
В простую нашу жизнь.

Победы гневной знамя
Горит в который раз.
Глядят они из камня
На вечность и на нас.

Стоят, как братья, рядом,
Взирая сверху вниз,
Своим бессмертным взглядом
Благословляя жизнь!

1987

***

На площади в мае,
Где знамя Победы горит,
Где, вечность вздымая,
Застыл отрешённо гранит,

Тяжёлые даты
Со всех подступают сторон,
Приходят раскаты
Из тех не забытых времён.

От памяти белый,
Спешит к обелиску старик,
Кладёт неумело
Букет животворных гвоздик.

Сурово и немо
Стоит обелисковый щит.
Он землю и небо,
Он мир от войны защитит!

1986

Наталья РОЖКОВА

ВОСПОМИНАНИЯ ВНУЧКИ

Дедушка мой, пехотинец,
Шёл по войне.
Дедушка мой
Начинал под Москвой,
Близко совсем.
Дедушка мой
С другом стоял
У рябого от пуль Рейхстага.
Дедушкин гроб
Был тяжёл,
Осколки с собой уносил.
Дедушка мой
Никогда не смотрел
Фильмы военные.
Очень любил оперетту.

С. Г. Поплавский Начало 1970-х гг.

Алёна РУСАНОВА

СКАЗ О ГОРДЫНЕ

Издревле царит поныне
Неуёмная Гордыня.
Уловила души в невод,
Разрослась почти до неба,
Что висит над сгнившей рожью.
Чёрной ночь была Сварожья.

Пот и кровь — льняным рубахам.
А сердца без веры — страхам.
Зло скрывалось под забралом.
Где врывалось, где вползало
В души и сердца без веры,
Дав гордыни им — без меры.

Самый страшный бой — бой невидимый.
Тот, что сердце рвёт — муками да в кровь.
От него — не встать над обидами,
Ядом от него напиталась мовь.
Отдых в том бою не предвидится.
Рати полегло — не сочесть в веках.
Смерть стоит с косой над потылицей.
В ней равны вовек все — и друг, и враг.

И победы были ложны.
Все мечи вернулись в ножны.
Воевать не ими силу,
Что сердца заполонила.
С тех далёких пор поныне
Нет победы над Гордыней.

Да в веках катит над рожью
Так же колесо Сварожье.
Знать, ведические Боги
Ждут молитвы о подмоге:
К Свету показать дорогу.
Да в Гордыне люди — Боги!

Ни признания, ни смирения.
Не поможет здесь вся земная рать.
Сколько ж нужно ещё нам времени
Перестать Гордыню подпитывать?!
Позабылась Правь. Только Явь и Навь.
Промеж ними мы — потеряшками.
В Прави Веру и совесть свою поправ,
Проживаем жизнь... ох и тяжкую!

ПАМЯТЬ

Память за сердце берёт... Я — за околицу.
Там присяду и послушаю соловушку.
А в груди так больно, остро что-то колется.
А что колется — неведомо головушке...
Проведёт меня по саду ночкой лунною
Макошь: путь укажет да осветит тропочку —
Как давно, когда счастливою да юною
Возвращалась поутру в свою светёлочку.
Ой, ведёт меня по саду память девичья.
Вижу, ровно как вчера я: за околицей
Шёл с дружиною в поход и мой нареченный,
Зелены его глаза, да кудри кольцами.
Мы под ивами прощались по-над речкою,
И в прибежище тумана непроглядного
Обнимала я его с молитвой вечною
К Роду: чтоб вернул живым мне ненаглядного!
Уверял, что возвратится, да с победою!
Целовал да всё шептал слова приятные.
И... как в омут канул. Сгинул. Где? Не ведаю.
Видно, вышла та дорога — невозвратная...
...В серебре коса, а я — всё за околицу:
Ожидать, пока не встанет зорька ясная.
Все глаза уж проглядела — жду, а в горнице
Ждёт его рубаха вышитая, красная.
Обереги все на ней — стократ усилены,
Заговоры все — стократ слезой омытые.
...Снова Макошь уплыла за горы синие.
...Снова поутру бреду одна... с молитвою...

ПЕРУНИЦА

Ах ты, Перуница, Перуна девица! Коли ты слетала к нему, суженому моему, Живой водицы дать из рога напиться — яви о сём знак. Чтобы не тоску тосковать мне, а в путь его провожать.

Ах ты, Матушка-Сва-Слава! Коли приняла ты его, суженого моего, на свои крыла Славы — яви о сём знак. Чтобы не тоску тосковать мне, а путь его прославлять.

Ах ты, Перун-Громовержец! Коли взял ты к себе его, суженого моего — яви о сём знак. Чтобы не тоску тосковать, не горевать, а к тебе его отпускать.

Ах ты, Род-Рожанич! Коли дал ты нам, внукам твоим, место и волю под оком твоим, то милосердным будь!.. Милосердным...

Сергей СИДОРОВ

41-й ГОД

Сорок первый год —
Пограничный год.
Между миром и войной,
Между счастьем и бедой.

Сорок первый год.
Помнит наш народ
Скорбь и слёзы матерей,
Обездоленных детей.

Сорок первый год.
В забвенье не уйдёт
Подвиг под Москвой —
Героизм людской.

Сорок первый год —
И сто лет пройдёт —
В мирной тишине
Напомнит о войне.

НЕТ ВОЙНЕ

Помним мы окопы Сталинграда,
Крепость Брестскую и битву под Москвой.
Помним про блокаду Ленинграда,
Помним Прагу и последний бой.

Нет войне забвения вовеки.
Нет! За гибель женщин и детей,
Отзываясь в каждом человеке,
Память не даёт забыть о ней.

В памяти останутся: Освенцим,
Треблинка, Майданек, Бухенвальд.
Как бы ни хотелось европейцам —
Память не загонишь под асфальт.

Нет войне прощенья и не будет.
Ей не оправдаться никогда.
Наш народ войну не позабудет,
Вычеркнув те страшные года.

Помним мы вернувшихся героев,
Тех, кто целый мир закрыл собой,
Кто, взамен руин дома отстроив,
Всем нам гарантировал покой.

«Нет войне!» — призыв не для парада.
В двух словах — трагедия и боль.
Не нужна нам больше канонада.
«Нет войне!» — вот мирный наш пароль.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

АТАКА

Поле полно ромашками
бабочками и васильками
Фашисты сверкая пряжками
идут по нему рядами
у всех рукава закатаны
чуть повыше локтя
всей Европы солдаты
по полю идут шутя
Немцы венгры хорваты
румыны в строю СС
Русские тем виноваты
что посчитал их Гесс
неполноценной расой
В пилотках стоят без касок
у каждого свой окоп —
не дал слабины чтоб
Взводный сто грамм налей-ка
Наша жизнь что копейка —
не пропадёшь дважды
Губы ссохлись от жажды
твёрже держи прицел
каждый кто ещё цел
Цепью идут фашисты
закатаны рукава
против них коммунисты
пчёлы шмели трын-трава

Немец торчит в прицеле
венгр румын хорват
залпом по каждой цели
бьёт из окопа солдат
быстрый глоток из фляжки
фрицев мелькают ляжки
ротный орёт: в штыки!
Будто жуки мужики
выкарабкались из окопа
лихо бежит Европа
В задницу из трёхлинейки
сходу не промахнусь
в прошлом — ныне — навеки —
за неотмщённую Русь!

Лидия ЩЕРБАКОВА

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС ИЗ БЛОКАДНОГО СЕВАСТОПОЛЯ

Кровожадно кружил в небе мессер.
Шёл блокады девятый месяц.
Горе в город текло потоком,
Но держался ещё Севастополь.
Ждали помощи с моря, с неба,
Но тонули подряд суда.
Отступала надежда немо,
И сжимала кольцом беда.
Лишь «Ташкент», главный лидер эсминцев,
Смог сквозь вражий огонь пробиться.
Сотни раненых с тихим стоном
Покидали на нём Севастополь.
Свой привычный маршрут урезав,
Выбирая кратчайший путь,
Вырывал он последним рейсом,
Чьи-то судьбы из вражьих пут.
Шёл «Ташкент», предводитель эскадры,
Оставлял Севастополь блокадный.
На корме под торпедным обстрелом
На полотнах девчонка сидела.
В рюкзаке — только спички да мыло
(Это мама распределила).
Папа туго набил ей карманы
Папиросами разных марок.
Помнил он, как ещё при белых
Папирос было не найти,
А курить и тогда хотелось —
В этот раз решил запастись.

А на девочку, обессилев,
Смотрят раненые с носилок.
Свежий шрам под щетиной грубой...
«Закурить бы», — шепнули губы.
Хоть боялась отцовского гнева,
Папиросы рукою несмелой
Положила на грудь солдату,
С кровоточащей раной рядом.
Было в жизни потом немало
У девочки счастливых дат,
Все она их воспринимала
Благодарностью тех солдат.
Волны в бурю морскую скомкав,
Рвались бомбы и тут и там,
Непрерывный фонтан осколков
Брызгал смертью по всем бортам.
Взрыв ворвался в семью расколом:
Мать, сестра, брат остались там...
Выжил только отец — осколок
В сантиметре от сердца встал.

Плыл «Ташкент», предводитель эскадры,
Покидал Севастополь блокадный.
На корме под немецким обстрелом
На полотнах девочка сидела.

На полотнах была панорама,
А девочкой была моя Мама.

БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ

К 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова

Осень наступила, снова стаей
В небе пролетают журавли.
Видно, их неправильно считают,
Цифры о погибших не сошлись.
Белых журавлей не наберётся,
Сколько гибнет на войне солдат.
Косяки с земли стремятся к солнцу,
Не вместит всех воинов их ряд.

Непосильной стала эта ноша,
С каждым годом горше и трудней,
Даже белых журавлей тревожит,
Сколько погибает на войне.
Видя журавлей, под сердцем ноет,
В белом проступает чернота.
Стерхи возвращаются с весною,
А солдаты остаются там.

Я молю, чтоб, видя этих стерхов
В небе, на земле и на воде,
Мы бы вспоминали не о смерти,
А о чистоте и красоте.
Пусть живыми мирно спят солдаты,
Пусть на страже Родины стоят,
Ну а журавли — краса пернатых —
Радуют и восхищают взгляд.

БУДУТ НОВЫЕ ПОБЕДЫ, ВСТАНУТ НОВЫЕ БОЙЦЫ

Эпилог

Анна ГОРНОСТАЕВА

РЕПОРТАЖ ИЗ г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

13.03.2025 г.

В Набережные Челны я собиралась давно: это малая родина моего деда, героя Великой Отечественной войны. Прославленный танкист, легендарный комбриг 11-й гвардейской Корсуньской танковой бригады, Николай Михайлович Кошаев защищал Родину с первых часов начала Великой Отечественной войны до рокового дня 8 марта 1944 года, когда в тяжёлом бою под Уманью он был ранен, искалечен и уже не смог вернуться в строй. Тем не менее, дед не оставил военную службу и продолжил служить своей стране, занимаясь подготовкой танкистов на военной кафедре, которую он организовал в Московском институте стали и сплавов и возглавлял в течение 18 лет. В родной город Кошаев уже не вернулся, хотя всегда мечтал вновь посетить Набережные Челны и встретиться с земляками. Может быть, он передал мне это своё намерение, потому что мне всегда было интересно и заманчиво побывать на малой родине дедушки.

В 2023 году вышла моя книга «Николай Кошаев. Воспоминания о герое», посвящённая боевому подвигу деда. По счастливой

случайности книга попала на глаза сотруднице историко-краеведческого музея города Набережные Челны, где любят своего героя и чтут его память. Алия Аликовна Мухаметханова связалась со мной и пригласила выступить на открытии выставки «Солдаты Победы», посвящённой предстоящему юбилею 9 мая 2025 года.

Признаюсь, когда я собиралась в поездку, я никак не могла ожидать, с каким теплом и радостью встретит меня родной город дедушки. Радушие и гостеприимство челнинцев просто покорили; их интерес к жизни своего земляка, бережное отношение к памяти предков вызывают огромное уважение. Ещё больше поразил размах патриотического воспитания в городе, где детям с ранних лет прививают любовь к своей стране и учат ответственности и стойкости.

И это не пустые слова. В школе № 1, которая является преемником школы им. Розы Люксембург, где учился Николай Кошаев, есть доска почёта с портретами выпускников-участников СВО: их помнят поимённо, ими гордятся, на них равняются. Есть среди этих ребят те, кто уже никогда не вернётся с поля боя; есть и герои России. Вот и получается, что герои прошедшей войны и герои современных боевых действий объединены и одинаково почитаемы своим народом. В школе эта память хранится в музее, который представляет собой уникальное собрание исторических документов, старинных фотографий, воспоминания учителей-фронтовиков и тыловиков, альбомов школьных выпусков разных лет. Бессменный хранитель школьного музея Шамиль Камилевич Галеев в течение многих лет бережёт и преумножает коллекцию музея.

Выступать перед учениками и педагогами этой школы с рассказом о дедушке было для меня большой честью и большой ответственностью: это их выпускник, их гордость

и пример для подражания. Без преувеличения могу сказать, что более внимательной и благодарной аудитории я не встречала давно. Я видела очень светлые юные лица, глаза, полные мысли и чувства, и радовалась: какое поколение у нас подрастает! Они действительно достойны памяти своих героев.

Хочется выразить благодарность директору школы № 1 Альфату Зяятдиновичу Сабирову и заместителю директора по воспитательной работе Айгуль Рафисовне Гизатуллиной за организацию встречи, посвящённой памяти выпускника

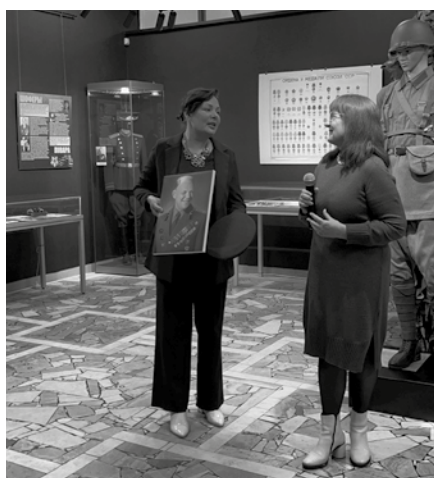

школы Николая Кошаева, и за воспитание школьников в духе патриотизма и духовных ценностей.

День продолжился выступлением в историко-краеведческом музее города Набережные Челны перед учащимися профтехучилища, а также на открытии выставки «Солдаты Победы». Зал музея, посвящённый Великой Победе, был заполнен людьми: в день открытия выставку посетили краеведы, историки, журналисты. Здесь были матери бойцов, погибших в ходе СВО, которых поблагодарил за воспитание достойных сыновей зам. руководителя исполкома Винер Хамитович Харисов.

Сотрудники музея с благодарностью приняли в дар фуражку Николая Кошаева и его портрет. Кошаев — единственный уроженец Набережных Челнов, получивший звание Героя Советского Союза за военный подвиг в Великой Отечественной войне, ему посвящено особое место в музее.

Но больше всего из моей короткой поездки запомнилось мне посещение Поста № 1 — дорогого для каждого

челнинца места, которое является олицетворением живой памяти о погибших. На площади, где стоит памятник Родине-матери, расположена длинная траурная стена, на которой выгравированы имена 6811 павших героев, жителей города. Стену постоянно обновляют, увековечивая на ней все новые имена. Здесь есть бойцы, отдавшие жизни за Родину в ходе Великой Отечественной, афганской и чеченской

войн. Сейчас почти четыре тысячи человек из Набережных Челнов задействованы в спецоперации, из них несколько сотен убиты в боях.

У мемориала круглый год несут вахту памяти школьники. Они приходят служить сюда добровольно, по велению сердца. Кто-то из них хочет отстоять честь своей школы. У кого-то родные погибли в ходе военных действий. Но все эти ребята чувствуют связь со своим народом. Как сказал

один мальчик после вахты: «Я чувствовал, что за мною стоят 6811 человек, и я боялся оглянуться, чтобы не нарушить устав службы».

Педагоги, занимающиеся подготовкой кадетов, вкладывают все силы и душу в воспитание юных патриотов: строевая и военная подготовка, просветительская работа, обучение кадетов проходят постоянно, без выходных и праздников. У Поста № 1 есть свой флаг, свой гимн, своя история. Огромная благодарность майору Николаю Александровичу Бердникову, старшему лейтенанту Камиллю Фаридовичу Гатаулину, руководителю музея «Путь к Победе» Алексею Валерьевичу Смирнову, педагогу Эльмире Геннадьевне Максимовой за воспитание достойной смены, за любовь к детям, к своей Родине, за ежедневный труд!

Смотришь на этих мудрых наставников, на школьников с просветлёнными лицами и думаешь: вот они, новые герои! Достойные продолжатели дела отцов и дедов, пре-

Флаг, эмблема, гимн Поста № 1

ПАМЯТИ ПАВШИХ БУДЬТЕ ДОСТОЙНЫ!

Знамя Поста № 1 г. Набережные Челны состоит из полотнища, дерева с наверхием. Полотнище Знамени прямоугольное, красного цвета. В центре полотнища помещены. Эмблема и девиз Поста № 1 "Памяти павших будьте достойны".

Гимн Поста №1
Муз. и сл. Аксеновой Л.В.

Мы, часовые Вечного огня,
Зажженного в честь павшего солдата.
Читаем мы погибших имена,
В победном, не вернулись в сорок пятом.

Привес: Горит огонь великой славы.
Погибших память сохраним в веках.
У Вечного огня святого
Стоит часовой с оружием в руках.

Колелет ветер языки огня.
Рука сжимает дуло автомата.
И пусть малышка я пока,
Но чувствую в себе солдата.

Не достучав, часовой стоит.
Идут к нему старые ветераны.
Прошедшие великую войну,
Скрывая в слезы боль и раны.

Эмблемой Поста № 1 является символическое изображение Вечного огня мемориальной стены памятника-композиции "Родина-Мать". Эмблема помещается в центре полотнища Знамени Поста № 1 является элементом формы полотнища, а также изображена на печати и официальных бланках Поста № 1.

75 ПОБЕД 1945-2020

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ИСТОРИЯ 9 июля 1975

РУКОВОДИТЕЛИ ПОСТА

ШАГИ ИСТОРИИ

данные сыны своей Родины, защитники страны. И хочется верить: благодаря таким людям будут у нас новые победы, будет крепкий мир на земле.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрий ВЛОДОВ

(1932–2009)

Поэт. В детские и юношеские годы пережил войну, оккупацию, эвакуацию.

Был членом Московского союза литераторов, а также членом Союза писателей Москвы.

Работал в журнале «Смена», газете «Московский комсомолец», в журнале «Юность».

О Ю. Влодове сняты 2 фильма: «Я Вам пишу, Ваше величество» (телефильм, 1992) и кинофильм «А гений — сущий Дьявол!».

Анна ГОРНОСТАЕВА

Член СЛ РФ, рук-ль секции «Проза».

Член клуба юмористов и сатириков «Чёртова дюжина». Доцент МГЛУ, преподаватель, переводчик, научный работник. Автор ряда монографий и учебных пособий, 10 сборников повестей и рассказов.

anngornostaeva@yandex.ru

<https://annagornostaeva.ru>

<https://t.me/anngornostaeva>

Владимир ГОРОДЗЕЙСКИЙ

Член СЛ РФ, секция «СОУЛ».

Поэт, автор-исполнитель песен. Член Московского клуба юмористов и сатириков, Содружества авторов афоризмов и малых литературных форм «СОКРАТ». Организатор концертных и фестивальных проектов. Автор 4 книг и более 30 коллективных сборников. Печатался в Литгазете, «МК», «Невском альманахе», журнале «Турист» и др.

Татьяна ГОРОХОВА

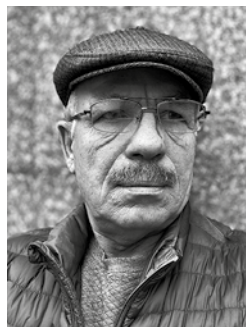
Член СЛ РФ, секция «Проза».

Журналист, прозаик, поэтесса, постоянный автор альманаха «Словесность». Публикуется в «Сетевой словесности» (netslovo.ru), а также в новозеландской газете «Наша гавань». tatjana_nadal@mail.ru

Василий ГРУБОВ

Член СЛ РФ, секция «Старая школа». Автор трёх поэтических сборников, постоянный автор альманахов «Старой школы». Имеет дипломы призовых мест поэтических конкурсов различных творческих объединений. По профессии водитель, пенсионер. vgrubov@bk.ru

Нина ДАВЫДОВА

Координатор СЛ РФ, главный редактор газеты «МОЛ», председатель секции Публицистики СЛ РФ. Журналист, радиожурналист, краевед экскурсовод, автор путеводителя «Москва 2000». Автор программ «Это Москва», «Замысел», «Книга в эфире», «Московские зарисовки».

Елена ЕВСТИГНЕЕВА

Член СЛ РФ, секция «СОУЛ». Член Союза писателей Москвы. Член клуба юмористов и сатириков «Чёртова дюжина». Поэт, прозаик. Автор четырёх книг. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов.

Екатерина ИВУШКИНА

Член СЛ РФ, секция «Проза». Член Союза писателей России, член Русского литературного общества. Автор трёх книг, победитель и призёр международных и российских литературных конкурсов.
ivushkina@list.ru

Иван КОЛЕСНИКОВ

Член СЛ РФ, секция «СОУЛ».

Поэт. Геолог.

Член клуба юмористов и сатириков «Чёртова дюжина». Лауреат ряда литературных фестивалей и премий, в том числе премии «Поэт года» в номинации «Юмор».

Автор сборника стихов «Булочка с изюмом» (2022).

Виктор КОЛЛЕГОРСКИЙ

Член СЛ РФ, секция «Поэзия».

Поэт, переводчик. Преподаватель поэтики и риторики, руководитель Школы поэтического мастерства центра «Злагоуст». Дипломант и многократный финалист Международного лит. конкурса им. Волошина и конкурса «Эмигрантская лира». Публиковался в журналах «Новый мир», «Юность», «Журнал поэтов» и др. Постоянный автор альманаха «Словесность» и газеты «МОЛ».

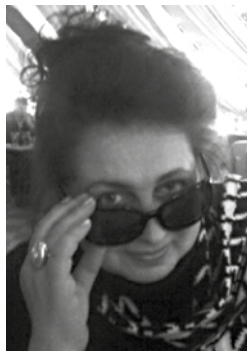
Елена ЛЕЩЕНКО

Член СЛ РФ, секция «Старая школа».

Поэт, прозаик, автор и исполнитель песен.

Член Клуба юмористов и сатириков «Чёртова дюжина». Госстипендиат, награждена медалью А. П. Чехова. Победитель множества конкурсов и фестивалей поэзии и авторской песни. Автор шести сборников стихов и двух песенных дисков.

Марина МЕРЦАЛОВА

Член СЛ РФ, секция «Старая школа».

Член лито «Арбат» и клуба «Чёртова дюжина». Призёр ряда литературных премий и конкурсов. Участник Парижской книжной выставки (2019).

Госстипендиат, автор книги «Признаки жизни», соавтор коллективных сборников. Имеет публикации в альманахе «Словесность», «Лит. газете» и других СМИ.

Валентина МУКАСЕЕВА

Член СЛ РФ, Секция «Детская литература».

Педагог, помогает детям осваивать глубины русского языка.

Автор-участник альманаха МОЛ СЛ РФ «Словесность».

Евгений ОБУХОВ

Член СЛ РФ, секция «Проза».

Член Московского союза литераторов, СП России и клуба юмористов «Чёртова дюжина». Автор 21 книги, составитель / участник ок. 80 коллективных сборников. Автор Гос. каталога почтовых марок, книг по филателии и фалеристике. Лауреат и призёр лит. премий, конкурсов и фестивалей юмористической поэзии.

Людмила ОСОКИНА

Член СЛ РФ, секция «Поэзия».
Член СП Москвы, СП ХХI века, СЛ Москвы.
Поэт, прозаик, автор песен.
Автор около 10 книг стихов и прозы. Член
редколлегии литературного альманаха
«Истоки». Работала в журналах «Клуб»,
«Юность», в ИИД «Профиздат». Публика-
ции в СМИ: «МК», «Вечерняя Москва»,
«Юность», «Дети Ра», и мн. др.

Виктория РАДУГИНА

Член СЛ РФ, секция «Проза».
Публиковалась в как прозаик и публицист
в периодических и литературных изданиях
в России, Бельгии, Германии и на онлайн-
ресурсах. Вела авторскую колонку.
Лауреат нескольких всероссийских литера-
турных конкурсов.
Автор альманаха «Словесность».
vcigarlife@gmail.com

Наталья РОЖКОВА

Секретарь СЛ РФ.
Родилась в Москве, окончила РГГУ.
Автор книг стихов и прозы и свыше 300 пуб-
ликаций в газетах, журналах, альманахах,
антологиях.
Лауреат премий «Традиция» (2002), им. Сер-
гея Есенина (2002), «Словесность» (2006),
«Хлёсткий критик» (2020).
Постоянный автор альманаха «Словесность».

Алёна РУСАНОВА

Член СЛ РФ, секция «Старая школа».

Член клуба юмористов и сатириков «Чёртова дюжина». Бард, лауреат российских и международных фестивалей авторской песни.

Автор книг стихов, текстов песен, эссе и коротких рассказов.

Выпущено 4 авторских аудиодиска.

Сергей СИДОРОВ

Член СЛ РФ, секция «СОУЛ».

Афорист, поэт. Председатель Содружества авторов афоризмов и малых лит. форм «СОКРАТ», член Совета по фантастической и приключенческой литературе СПР. Автор 6 книг, соавтор более 80 сборников.

Член европейских сообществ афористов. Лауреат премии «Золотой круг», обладатель звания «Экселенц сатиры» (Сербия).

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

Председатель МОЛ СЛ РФ, Почётный председатель СЛ РФ.

Поэт, поэт-переводчик. Главный редактор альманаха «Словесность», член редколлекции книги стихов о Великой Отечественной войне «Высота» (М., 1995). Лауреат литературных премий «Словесность» и Юрия Мамлеева.

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА

Член СЛ РФ, секция «Проза».

Историк-международник, кандидат исторических наук, организатор круглых столов и конференций по проблемам образования. Автор книг и статей по вопросам религиоведения, социологии, образования.

Ирина ЧЕЧУЛИНА-СОБЕЩАНСКАЯ

Член СЛ РФ, секция «Старая школа».

К.х.н., автор научных публикаций, книг и статей в жанре документальной прозы.

Член Союза краеведов России, член общественной организации «Память Балтики» им. Петра Великого (СПб), член Русского географического общества.

Лидия ЩЕРБАКОВА

Член СЛ РФ, секция «Авторская песня».

К.м.н., врач. Поэт, автор и исполнитель песен. Автор двух поэтических сборников и 4 дисков с песнями. Публиковалась в коллективных сборниках, в «Лит. газете» и других СМИ. Победитель и призёр всероссийских и международных поэтических и песенных конкурсов и фестивалей. Член СПР и клуба юмористов и сатириков «Чёртова дюжина».

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.....	3
Нина ДАВЫДОВА	
Лиственница как страж и свидетель.....	4

МЫ ПОМНИМ И ГОРДИМСЯ

Анна ГОРНОСТАЕВА	
Дорогая реликвия.....	10
Орден «Легион Почёта».....	13
Татьяна ГОРОХОВА	
Дедушка, который воевал.....	21
Евгений ОБУХОВ	
Маленький подвиг.....	24
Из воспоминаний А. А. Обухова.....	32
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК	
Юрий Николаевич Цесельчук.....	44
Ирина ЧЕЧУЛИНА-СОБЕЩАНСКАЯ	
Сколько можно продержаться на передовой линии огня?.....	49
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА	
Фундамент наших побед.....	65

ВИХРИ ЯРОСТНЫХ АТАК

Владимир ГОРОДЗЕЙСКИЙ	
Мой день.....	76
Умрём за Царя и Отечество.....	78
Елена ЕВСТИГНЕЕВА	
Военный подвиг.....	82
Екатерина ИВУШКИНА	
Варварство.....	88
Елена ЛЕЩЕНКО	
Главы из повести «Грешок».....	95
Валентина МУКАСЕЕВА	
Жил парень молодой.....	103
Виктория РАДУГИНА	
Память слового безмолвия.....	132
Сергей СИДОРОВ	
За день до будущего.....	137
Ирина ЧЕЧУЛИНА-СОБЕЩАНСКАЯ	
Ах, Арбат, мой Арбат.....	160

И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ

Юрий ВЛОДОВ	
«Сгорел в подбитом старом танке...»	168
«Солдат любим седой старухой...»	168
Василий ГРУБОВ	
На войне я не был	169
Иван КОЛЕСНИКОВ	
Деда не видел	171
Виктор КОЛЛЕГОРСКИЙ	
Эхо войны	172
Марина МЕРЦАЛОВА	
Июль 1942 г.	177
Новая Катюша	178
Я помню с детства.	179
Людмила ОСОКИНА	
«...И подступают даты...»	180
«На площади в мае...»	181
Наталья РОЖКОВА	
Воспоминания внучки	182
Алёна РУСАНОВА	
Память	184
Перуница	185
Сказ о гордыне.	186
Сергей СИДОРОВ	
41-й год.	188
Нет войне	189
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК	
Атака.	190
Лидия ЩЕРБАКОВА	
Последний рейс из блокадного Севастополя	192
Белые журавли	194

БУДУТ НОВЫЕ ПОБЕДЫ, ВСТАНУТ НОВЫЕ БОЙЦЫ

Анна ГОРНОСТАЕВА	
Репортаж из г. Набережные Челны	196
Информация об авторах	204

Литературно-информационное издание

Память

Литературный альманах
воспоминания • проза • поэзия

Составитель *Анна Горностаева*

Иллюстрации к шмуцтитулам
Нина Силаева

Картина на обложке: *Нина Силаева*
Богатыри в Дубосеково. Мы помним
триптих х.м., 40×80, центр

Компьютерная вёрстка и дизайн обложки
Екатерина Русалёва

Выпускающий редактор и корректор
Татьяна Кормилицына

*В книге использованы фото из личных архивов авторов
и из открытых источников Интернет*

ISBN: 978-5-907-96643-7

Формат 60×90/16. Гарнитура Times
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ № 000
Подписано в печать 07.04.2025

Отпечатано в типографии ООО «Канцлер»
150044, г. Ярославль, ул. Полушкина Роща, д. 16, стр 66А.
Тел.: (4852) 58-76-37, 58-76-39
kancler2007@yandex.ru

Альманах «Память» составлен совместными усилиями авторов — членов Московской организации литераторов (МОЛ) Союза литераторов России и посвящён 80-летию Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В сборник вошли очерки-воспоминания об участниках Великой Отечественной войны, эссе и рассказы на патриотическую и военную тему, стихи о Родине и её защитниках.

В качестве иллюстраций представлены фотографии из личных архивов авторов и из открытых источников.

Составитель:

Госстипендиат 2025 года по представлению МОЛ СЛ РФ в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России», руководителю секции «Проза»

Анна ГОРНОСТАЕВА

ISBN: 978-5-907-96643-7

9 785907 966437